

КРЕСТЬЯНКА

ISSN 0130-2647

6.87

АНЯ КЛИМОВА, ДИРЕКТОР

ДОМА КУЛЬТУРЫ ИЗ СЕВЕРНОЙ

ДЕРЕВНИ: «ЕСЛИ ДОЧКАМ В КЛУБЕ ВЕСЕЛО,

ТО И МАТЕРИ ПРИДУТ...»

ОТНОШЕНИЯ С БУДУЩИМ

Мы не можем себе позволить жить одним днем, не загадывать на завтра. Наши отношения с будущим определяются нашей социальной уверенностью. Да, время ответственное, сложное. Сумеет ли наладить дела, умны ли мы, энергичны ли, совестливы, справедливы? Все ведь от нас зависит — отвечаем за жизнь.

Люди, осознавшие эту ответственность, — самые ценные, самые нужные люди. И самые интересные. С такими вы встретитесь и на страницах этого номера «Крестьянки». Аня Климова из села Архангельское Коми-Пермяцкого автономного округа (вы видите ее на обложке журнала) старается сблизить своих односельчан, для них горят огни Дома культуры, где работает Аня. Малика Туйчиева (с ней знакомит вас председатель колхоза имени В. В. Терешковой из Узбекистана) поставила на ноги и четверых детей, и две хлопководческие бригады. Аня Климова представляла людей своего села на XVIII съезде профсоюзов страны. Малика — в областном Совете народных депутатов. Земляки доверяют им решать и действовать, представлять и отстаивать общие интересы.

Доверяя кому-то, на кого-то надеясь, мы говорим: «Это современный человек». То есть со временем своим соизмерим, идеи времени утверждает мыслями своими и поступками... На обычное дежурство пришла радиостанция в одном из райцентров Сванетии Виолетта Мушкудиани. Ей пришлось принять первый сигнал об угрозе снежных лавин. Дежурство это растянулось на многие дни. Два месяца не покидала Виолетта своего поста: принимала, передавала, вновь принимала сигналы об опасности. Ее имя — среди имен спасателей. Когда женщина защищает жизнь, она становится сильной, никого в мире нет сильнее ее.

Угроза нависла сегодня над всем человечеством — лавина атомной войны. Острее всего чувствуют опасность женщины: ядерная зима может оборвать связь времен. Всемирный конгресс женщин, который начинает работу в Москве 23 июня, собирает женщин со всех континентов решать, как спасти жизнь. Для детей своих, для всех детей, что живут и будут жить на Земле, мы объединяемся во имя мира. Ведь для каждой из нас будущее — это жизнь тех, кого мы любим.

МАМА У

...Все успела Марина к 21 году. Одним из лучших операторов машинного доения стала на ферме. И замуж вышла. И первое место в районе заняла среди молодых операторов. И сына Женьку родила. А сейчас оканчивает заочно четвертый курс по специальности экономист — организатор сельскохозяйственного производства.

У родного села Марины Сакаевой доброе имя. Кормилицыно — так зовется село. Оно и послало Марину учиться. Четыре года назад в Ярославском филиале Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева студентка Сакаева познакомилась со своими однокурсниками. Они немного смущались в академических стенах, а вместо формул в конспектах вдруг всплывали улица, поле, белый прямоугольник фермы... Тянуло домой. Даже в короткий, бессонный месяц сессии, состоящий из лекций, зачетов, ответов и вопросов, больше всего все-таки думалось о доме. Деревенские и работающие, Маринины однокурсники извелили одни и те же трудности в своем не слишком щедром краю и учиться пришли с твердой целью — добыть знания, которые помогут их трудной земле кормить людей. У 90 процентов студентов филиала за плечами рабочий стаж. Многим нелегко на годы учебы оторваться от дома, семьи, работы, и они учатся заочно.

Филиалы Тимирязевской академии открыты в трех нечерноземных центрах — Смоленске, Калуге, Ярославле. Ярославскому филиалу десять лет. Каждый год около 200 специалистов с высшим образованием уходят отсюда с дипломами агрономов, полеводов, зооинженеров, экономистов-организаторов, бухгалтеров, селекционеров. 80 процентов этих кадров получает Ярославская область. Остальные разъезжаются по другим районам Нечерноземья. Здешних специалистов получают и союзные республики. Но главная задача филиала — «насытить» выпускниками родной край, вернуть хозяйствам работников с багажом прочных знаний и современным уровнем понимания сельских проблем. Вот и Марина Сакаева скоро привезет в родной совхоз диплом экономиста-организатора. Для того занятые вечера, и частенько ночи, волнения, и... облегченный вздох: «Сдала...» Так она отвечает, вернувшись из Ярославля, всем, кто встретится на дороге. И мужу Валерию, и сыну Женьке, для которого мамина сессия — тоже событие: из города она возвращается счастливая и с подарками, вечером не читает молча свои учебники, а вслух — Женькину книжку...

А филиал академии снова набирает первокурсников. Экзамены с 11 по 31 июля. Сегодняшним абитуриентам они представляются главным испытанием в жизни. Старшекурсница Марина Сакаева знает, что экзамены — просто жизненная необходимость. Ведь учится она для того, чтобы ее односельчанам, тем, кто сегодня окликает Марину на дороге: «Ну как, сдала?» — жилось лучше.

Т. НАЛЫМОВА

Фото Е. МАТБЕЕВА.

Ярославская область.

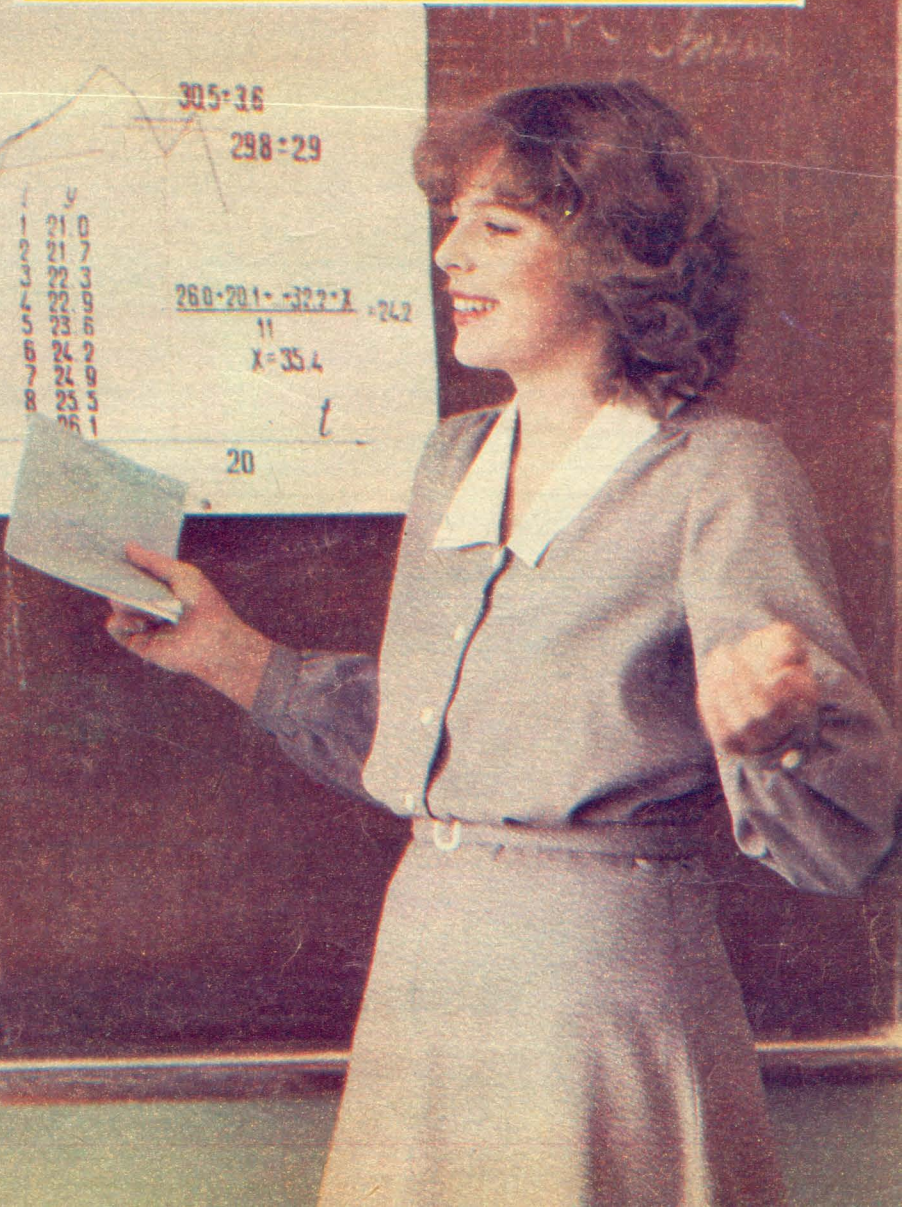
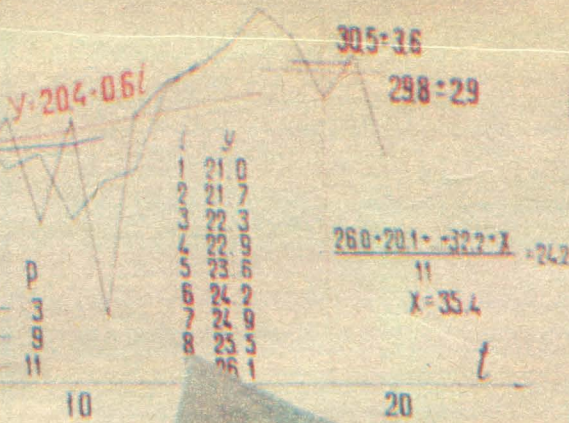

ЧИТСЯ

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МОЛОЧНОЙ
В С-ЗЕ "КОЛОС" МЕТОД
У(ш)

160
200
256
250.35
276.30
260

$Z = 0.267$
 $\sigma = 6.46$

В ЖЕНСОВЕТЕ

ПРИСЛУШАЕМСЯ К МНЕНИЮ РОДИТЕЛЕЙ

Четырнадцать тысяч женщин объединяют женсоветы Татарии. Авторитет женсоветов растет с каждым днем, думаю, уже потому, что занимаемся мы проблемами самыми серьезными, жизненными.

Больше всего волнует нас сейчас воспитание детей. Как никогда, понимаем, что очень нужна целостная система эстетического воспитания. Считаем, что надо широко ввести в школьные программы и теорию музыки, и изобразительное искусство, и художественный труд.

Подобные программы есть. Одна из них разработана членом-корреспондентом Академии педагогических наук СССР Борисом Михайловичем Неменским. Она успешно опробована в школах Казани и показывает, что такое воспитание расширяет духовный мир школы, создает особый микроклимат, в котором невозможны черствость, равнодушие, дурные привычки.

Но широко эта программа пока не распространяется. Видимо, Министерство просвещения и Академию педагогических наук не убеждают доводы ученых-новаторов, педагогов, которые вот уже шестнадцать лет отстаивают программу Неменского. В таком случае не стоит ли им прислушаться к мнению матерей, мнению четырнадцати тысяч женщин, объединенных в наш совет?

Д. ДАВЛЕТШИНА,
секретарь Президиума Верховного Совета Татарской АССР,
председатель республиканского совета женщин.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАРНАВАЛ

Интересен опыт работы по укреплению семьи женсовета города Анжеро-Судженск Кемеровской области. Конкретная и заслуживающая внимания форма этой работы — праздник семьи под девизом: «Крепкая семья — крепкая держава». Вот как прошел один из последних.

Организаторы праздника дали возможность проявиться самым различным увлечениям здешних семей. Поэтому наряду с выставкой редких книг собрала горожан выставка охотничьих собак... Ареной праздника был весь город, а театрализованное представление, карнавал, спортивный калейдоскоп пришли на центральную площадь и стадион. Режиссеру народного театра С. В. Битенко праздник представлялся спектаклем, в котором участвовали все.

Были там и Ярославна, и хранительница семейного очага из древнегреческой мифологии Гера. Были Марс и Бахус, которые отреклись от символов своей власти — копья и рога с вином — в пользу мирной и трезвой жизни... Но главными героями на этих праздниках всегда остаются семьи Анжеро-Судженска.

К молодым отношение особое: свадьба — событие на всю жизнь. На помолвку приглашают родственников будущих супругов, сослуживцев, друзей. Это забота женсоветов, клубов молодых семей.

В родильном отделении больницы они открыли комнату «Аист», где напутствуют молодых родителей... Деликатна и ответственна работа женсоветов с людьми, в чьих семьях разлад. Женщины не оставляют без внимания ни одну такую семью, помогают мужу и жене понять друг друга, увидеть всю мелочность недоразумений и обид. В прошлом году, например, удалось сохранить 83 семьи, а за последние четыре года число разводов сократилось на сорок процентов.

Женсоветы берут на себя устройство детей в дошкольные учреждения, организуют помощь инвалидам войны и труда, одиноким и престарелым. Под строгим вниманием «трудные семьи», где родители пьют, где дети стоят на учете в детской комнате милиции...

Счастье всех невозможно без счастья каждого, без счастья в семье. И забота о семье — это забота о благополучии сегодняшнем и будущем. Трудная и благодарная забота.

М. ГОРДЕЕВА,
старший референт Комитета советских женщин.

ПРИЗНАЕМ ОШИБКУ

«Коллектив центральной больницы Балтачевского района Башкирской АССР обсудил статью «Записки летающего врача» («Крестьянка», № 3) на общем собрании сотрудников. В статье есть строки, относящиеся к нашему району. — врач, имени которого автор не называет, не оказал

больной необходимой помощи. В нашем районе подобного случая не было.

Главный врач Балтачевского района
Ф. ГАРИФУЛЛИН».

Редакция и автор статьи Л. Бадамшина приносят коллективу больницы свои извинения за допущенную ошибку.

МЫ ЗНАЕМ

Всемирный конгресс женщин, который состоится в Москве с 23 по 27 июня, — первый крупный международный форум женской общественности после Всемирной конференции по итогам Десятилетия женщины ООН. В нем примут участие около двух тысяч зарубежных делегатов.

Лозунг Всемирного конгресса «К 2000 году — без ядерного оружия! За мир, равенство, развитие» — определяет его политическую программу: ликвидация ядерного оружия до конца тысячелетия и претворение в жизнь Перспективных стратегий ООН в отношении женщин к этому же времени. Обеспечить мир и будущее человечества! — с такими надеждами придет на Всемирный конгресс женщины планеты. Цель, выраженная столь коротко, невероятно сложна сегодня в достижении. Для того, чтобы предотвратить ядерный апокалипсис, создать для всех граждан Земли достойную человека жизнь без войн и разрушений, без голода и нужды, угнетения и эксплуатации, необходимо страстное желание и целеустремленная работа.

Этой работе посвятили свою жизнь Элси Уотсон из Великобритании, Одри Макдональд из Австралии, Линда Эджентон из Северной Ирландии — женщины, которые будут участницами Всемирного форума в Москве.

НАДО ДЕЙСТВОВАТЬ СООБЩА

Женщин с такой внешностью, как Элси Уотсон, много не только в Англии — у нас их еще больше. Невысокая, седая, полная, с очень мягкой, располагающей к себе улыбкой.

Трудно представить себе, что эта любящая мать шестерых детей, обожаемая бабушка многочисленных внуков является генеральным секретарем Национальной ассамблеи женщин Великобритании.

Живет Элси в Шеффилде, шахтерском городке, расположенном в двух часах езды от Лондона. Два года тому назад она стала первой женщиной из провинции, занявшей столь ответственный пост. Это случилось неожиданно для самой Элси. Тогда в исполкоме Национальной ассамблеи женщин возникла дискуссия. Прежнее руководство настаивало на том, чтобы основной целью организации продолжала оставаться борьба против расовой дискриминации и социальной несправедливости. Другие считали, что в нынешней ситуации главным направлением должна стать антивоенная, антиядерная деятельность.

В результате споров бывший генеральный секретарь Национальной ассамблеи женщин, не получившая поддержки большинства, отказалась от своего поста, и ее сменила Элси Уотсон, возглавлявшая до этого Шеффилдское отделение.

У Национальной ассамблеи женщин тес-

ЧТО НЫНЕ ЛЕЖИТ НА ВЕСАХ

ные связи с представителями антивоенного движения Великобритании, членами лейбористской партии, профсоюзами. Особое внимание придает организация сотрудничеству с женщинами из лагеря мира в Гринэм-Коммон, чья борьба получила широкую поддержку как внутри страны, так и за рубежом.

Национальная ассамблея женщин в последние годы активно завоевывает влияние и авторитет. Организация ставит перед собой цель — добиться полного социального, экономического, юридического, политического и культурного равноправия женщин. Члены организации выступают против безработицы, за равные возможности продвижения женщин и мужчин по службе, за активное участие женщин в деятельности профсоюзов, против расизма, против производства и распространения ядерного оружия.

В прошлом году по инициативе Национальной ассамблеи женщин (НАЖ) в Манчестере состоялась Национальная антивоенная конференция различных женских организаций, которая помогла объединить их усилия в антивоенном движении. В августе на Пиккадилли в Лондоне члены НАЖ организовали уличный пикет в память трагедии Хиросимы и Нагасаки. Осенью в различных городах страны под лозунгом «Нет! — «звездным войнам»» проходили встречи и митинги, в которых принимали участие представительницы США и Комитета советских женщин.

Всего несколько месяцев тому назад в Шеффилде, родном городе Элси, прошла Европейская конференция женщин, на которой обсуждались вопросы мира, равенства, развития.

— Я твердо верю, — утверждает Элси, — что женщины должны действовать сообща. У нас могут быть различия во взглядах, но мы обязаны преодолевать их во имя великой цели — сохранения мира на Земле. И, конечно, — добавляет она, — у нас ничего не получится без мужчин.

Элси можно понять. Муж и пятеро ее сыновей всегда были ей опорой и дома, и за его пределами.

ЕЙ ЕСТЬ ЧТО РАССКАЗАТЬ

Чтобы сделать приятное Одри Макдональд, скажите, что вы интересуетесь Австралией. Она сразу засветится, и дальше вы ее уже не остановите. Тем, у кого нет реальной возможности побывать в ее стране, общение с этой женщиной в значительной степени может заменить отсутствие собственных впечатлений.

Загорелая, с сильными руками, почти всегда в брюках, закатанных выше щиколоток, она выглядит ровесницей своему взрослому сыну, окончившему недавно университет. Одри выросла в семье фермера и поэтому, как большинство австралийцев, больше есего на свете любит лошадей. Часы, проведенные верхом, для нее праздник. И тогда это не женщина,

а дьявол: она азартно кричит что-то, глаза горят, а рука постоянно взлетает вверх и требовательно падает на круп лошади, подгоняя ее.

Сейчас Одри работает в Союзе австралийских женщин. Она координатор. Что такое координатор? Обычно на его плечах вся организационная работа. Она вообще не проста, а в условиях Австралии особенно. Ведь членов организации подчас разделяют десятки и сотни километров. И как трудно бывает в короткий срок собрать средства на проведение того или иного мероприятия, будь то антивоенный митинг или материальная помощь женским организациям Вьетнама и Кампучии.

Интересна история создания Союза австралийских женщин. Сразу после второй мировой войны в Австралии возникла Новая ассоциация домохозяек. Тогда эта организация ставила перед собой рядовые «домохозяйские» задачи: бороться против инфляции, установить контроль за ценами на продукты питания и товары широкого потребления. А в 1950 году был создан Союз австралийских женщин, основными задачами которого становились борьба за мир, равное с мужчинами положение в обществе, улучшение условий жизни детей.

Одри Макдональд, невысокая веснушчатая женщина, преданная своему делу и глубоко уважаемая товарищами, будет на Всемирном конгрессе женщин. Ей есть что рассказать делегаткам конгресса: и о лагере мира в Пайн-Гэпе, о школе мира для стран Тихоокеанского региона, проведенной осенью прошлого года в Сиднее, о борьбе против безработицы и многом другом.

Одри считает, что у женщин еще много нерешенных задач, вот и нужны такие встречи, чтобы в откровенной беседе всем вместе решить, как с ними справиться.

ПУСТЬ МАТЕРИ ВЫШЕ ПОДНИМУТ ДЕТЕЙ...

Жизнь Линды Эджентон даже с первого взгляда легкой не назовешь. Одна воспитала троих детей: муж оставил семью, когда дети были еще совсем маленькими. К слову сказать, это обычная ситуация для Северной Ирландии. Невозможность годами найти работу у себя дома вынуждает мужчин искать заработки за его пределами, попросту говоря, эмигрировать. Такие отлучки обычно тянутся не месяц и не два, а годами. Вот и обзаводится отец семейства на стороне новой семьей, часто остается жить там, где нашел работу. А жена с детьми на родине вынуждена сама справляться со всеми проблемами, которые ставит перед ней жизнь.

Так и Линда. Медсестре по образованию, имеющей на руках троих детей, ей всегда было особенно трудно найти работу. Выручали высокая квалификация и безотказность. И дети, видя самоотверженность матери, всячески старались ей помочь. Так и росли все вместе.

Линда старалась жить так, чтобы заслужить уважение коллег и соседней, учителей школы, где учились ее дети, и их друзей. Это было непросто. Она знала такую усталость, когда утром кажется, что только что лег, а вечером невозможно заснуть.

Но зато дети всегда чисто одеты, в их домике на окраине Белфаста небогато, но уютно. Поддержка семьи дала ей возможность вступить в профсоюз и стать его активным членом. Дети выросли, и Линда отдавала общественной деятельности все больше времени, она уже не могла жить только для себя и своей семьи.

Провозглашение в 1975 году Организацией Объединенных Наций Международного года женщины, а вслед за этим и Десятилетия женщины ООН всколыхнуло международную женскую общественность. Именно в этом году возникло в Северной Ирландии Движение за права женщин, которое ставило перед собой задачу — бороться за социальные, экономические и политические изменения в стране, необходимые для достижения равенства женщин в обществе.

Сложность положения женщин в этой части Великобритании заключается в том, что церковь, влияние которой чрезвычайно велико в Северной Ирландии, утверждает, что место женщины — у семейного очага. И все-таки, несмотря на объективные трудности, Движению за права женщин удалось провести ряд успешных кампаний. Так в 1975—1976 годах был принят закон о равной оплате труда и закон против дискриминации по признаку пола.

После их принятия женщинам даже удалось добиться увеличения своей заработной платы. По требованию женщин был принят закон о разводах и закон, по которому избиение жен мужьями карается как преступление. Сейчас движение проводит кампанию за принятие законодательства о праве женщины на прерывание нежелательной беременности. В Северной Ирландии это серьезная проблема, так как нелегальные аборты ежегодно уносят сотни женских жизней.

Эти вопросы составляют только часть проблем, которые стремятся решить члены Движения за права женщин. Ирландские женщины понимают, что самая главная задача, которая стоит перед всеми людьми на Земле, — сохранить мир.

...Антивоенный митинг в Белфасте. «Нет — ядерному оружию!», «Нет — сокращению расходов на социальные нужды, благосостояние и образование!» — скандировали женщины на площади. Их не так много в этой стране, мужественных женщин, которые, несмотря на опасность потерять работу, быть покалеченной пластиковой пулей или увесистой резиновой дубинкой, продолжают борьбу за мир, за утверждение равноправия женщин в обществе. В их числе Линда Эджентон — мать, общественная деятельница, координатор Ирландского подготовительного комитета Всемирного конгресса женщин в Москве.

Марина МОСКВИНА

Нынешней зимой все мы жили тревогой за Грузию. Стихии оказалось легко сломать то, что выглядело таким прочным: прорвать дамбу, скрутить стальные мачты высоковольтных линий, вырвать с корнем могучие деревья, разрушить дома. Но она оказалась бессильной перед понятиями неведущими, перед стойкостью, добротой, человеческим достоинством и братством.

1. ВОСПОМИНАНИЕ О ЧЕРНОМ СНЕГЕ

— А вы когда-нибудь были в Сванетии? Значит, вы не знаете, какая она, наша земля... Подождите, я сейчас вам покажу. Вот, это уже здесь нам подарили.

Тина Чоплиани приносит пластинку «Сванские народные песни», прислоняет конверт к стене и садится напротив, не отводя взгляда. На цветной фотографии — зеленые горы, снежные вершины, монолитные сторожевые башни. Печать слабая, изображение расплывчатое, а в глазах Тины расплывчатое тем более, потому что она плачет.

— Снег шел очень долго. Он шел днем и ночью, мешая день и ночь. Утром девятого января, когда все случилось, я, муж и дочка были дома. Мы услышали женский крик. Кричали из Жамуши — это рядом с нами. Мы побежали туда и увидели: все дома под снегом, стоит только родовая башня Навериани. Люди начали копать снег лопатами и руками. Копали быстро, изо всех сил. Но снега было очень много.

Двадцать шесть человек погибли в Жамуши. Двадцать шесть гробов... Я эту картину перед глазами каждую минуту вижу.

...Наполеон Навериани вышел из дома на работу. Прошел совсем немного, и вдруг порыв ветра бросил его на землю. Поднявшись, он оглянулся на свой дом. Но дома уже не было.

...Придон Навериани только собирался встать с кровати, как мир вокруг качнулся и начал рушиться. Сына, который лежал рядом, он прикрыл собой. «Что, папа, бомба?» — спросил четырехлетний Бесик. Придон слышал, как их откапывали. Слышал и то, как кто-то из оставших людей усомнился: там ли роем? То, что ни матери, ни жены, ни двух детей, ни брата у него уже нет, он понимал. Отца и сына спасли через пять часов.

...Серго Навериани был бодрый и сильный человек. Но когда он из снежных завалов вытащил тела племянников, сердце не выдержало. Серго похоронили вместе с погибшими. Это была двадцать седьмая жертва в Жамуши.

Как примириться человеку с мыслью, что родная земля, на которой прочно и счастливо строилась жизнь, стала называться зоной стихийного бедствия?

Как примириться с тем, что жуткое шипение и шорох лавины навсегда заглушили голоса детей, смех жены, неторопливую речь матери?

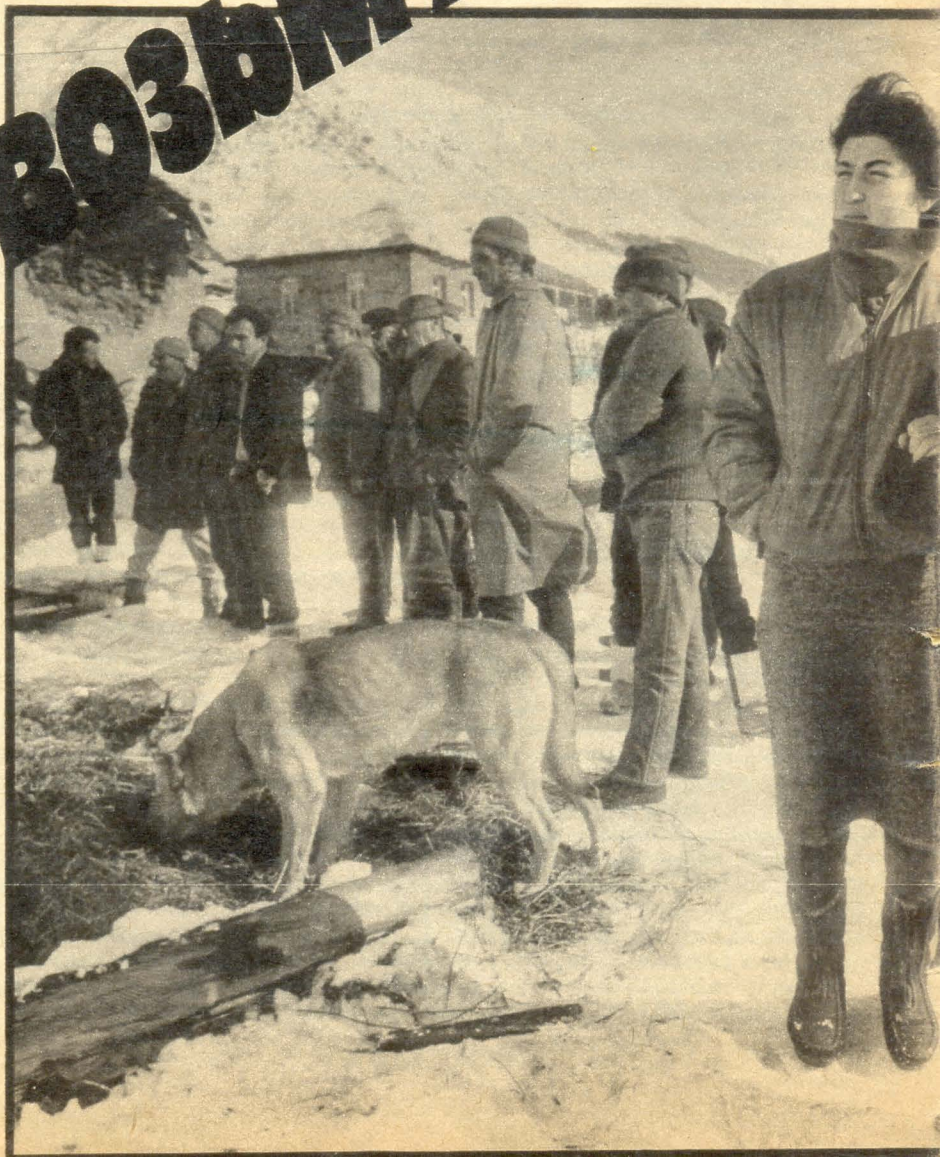
Как примириться с мыслью, что все, чем ты дорожил в жизни — дом, семья, добрые соседи, — перестало существовать? Ты лишился их в одно мгновение, и неизвестно, где найти силы, чтобы жить дальше.

Все исковеркала лавина. Быстрая. Как пуля быстрая.

Нет в Сванетии семьи, не тронутой бедой. Смерть одного разбивала многие сердца — сваны связаны вековым родством, и узы эти прочны и святы. Поэтому в Сванетии не надо спрашивать, по ком звонил колокол в эту страшную зиму.

...Три дня после случившегося Тина с мужем жили в родовой башне Девдариани, что стоит рядом с домом, построенным еще дедом. Снег перекрыл дороги, связи не было. Потом они сложили вещи в сумку и пошли пешком в Мestia. Долго ждали погоды, пока вертолет не переправил их в Кутаиси.

**ТВОЮ БЕДУ
ВОЗЬМУ
СЕБЕ**

Отсюда февральской ночью они ехали в Марнеули. Позади было прощание. Впереди — неизвестность.

Люди, встретившие их уже под утро, ни о чем не расспрашивали и не говорили лишних слов. Отвели на квартиры, покормили, постарались ободрить.

Дом, в котором поселились семья Дедариани и их земляки, построен Марнеульским картофелеводческим совхозом. Здешние рабочие ожидали его сдачи и готовились к новосельям. Но отдали его тем, кто остался без крова.

Сваны нашли здесь не просто жилище. Мебель, постельное белье, посуда, телевизоры — это в каждой квартире. Шефы — хозяйства и предприятия района — стремились учесть все, что может понадобиться людям на новом месте, будь то нитки, уют или часы. На пол постелили дорожки, в вазочки поставили цветы, на стены повесили чеканку. Они постарались сделать так, чтобы дом был похож на дом.

С классным руководителем 5-го «А» Марнеульской школы № 5 Марией Артемовной Тархнишвили стоим у окна в школьном коридоре. Только что закончилась линейка, на которой пионерскому отряду было присвоено имя Рахипа Мамедова, воина, погибшего при спасении людей во время наводнения в селе Чаладиди. В этом классе учится Ваню Навериани.

— Ваню живет со своим братом Важей, его женой и дочкой. Он им теперь не только брат, но и сын. Была у них дома. Жена Важи

вычки шутить с тобой, но никогда не видели в тебе врага. Твои горы, снег, реки, ветер и дожди были для них колыбелью.

2. СПАСАТЕЛИ

«Шени чире ме» — это выражение, принятое в Грузии, дословно переводится, как «твою беду беру себе». В дни, когда произошла трагедия, тысячи людей, кто знал грузинский и кто не знал, сказали эти слова пострадавшей республике.

Они перечисляли в фонд помощи заработка, пенсии, стипендии, премии, гонорары, доходы от спектаклей и деньги от субботников. Рабочие становились на «вахту помощи». Семьи из Грузии, Армении, Азербайджана, Белоруссии, России, Украины, Литвы, Средней Азии звали пострадавших под свою кров. Писали и телеграфировали: «Приезжайте, присылайте детей, ждем». Из колхозов и совхозов сообщали: к нам можно переселиться, есть где жить и работать.

Горняки Донецка, архитекторы из Еревана, строительные бригады из Винницкой области, сформированные на сельских сходках, электросварщик из Южно-Сахалинска, бригада каменщиков, плотников, штукатуров, монтажников из Москвы, горноспасатель из Харькова, врач из Удмуртии, бульдозерист из Запорожья, строитель из Витебска, гидротехник из Крыма, водитель из Кустаная, альпинисты из Ленинграда и Киева — все они просили: возьмите наши рабочие руки, нашу силу, наши знания, они вам пригодятся.

▲
Последний
взгляд
на родной
дом.

◀
«В горах
сохраняется
опасность
схода
снежных
лавин...»

►
Хлеб
Сванетии.

в трауре, на груди пришиты фотографии погибших. Я сказала, что это для Ваню лишняя травма. Но Нели ответила: «Ваню сам говорит — пусть так будет. Я хочу на них смотреть...»

О судьбе Ваню я снова услышала уже в Местиа. Мальчик уцелел чудом. Ударной волной его выбросило в окно, он упал в нескольких метрах от разрушенного дома, где погибли мать, отец, два брата, две сестры и племянник, сын Важи. Сугроб был не очень глубокий, и когда снег, забивший рот, растаял, Ваню смог крикнуть. Потом его спасали в районной больнице.

Где были твои глаза, природа, когда обрушила ты этот удар на детей своих? Они знали твой суровый нрав и не имели при-

Из собственной души, содрогнувшейся от несчастья ближнего, из опыта нашей жизни черпали люди сострадание и бескорыстие.

Разрушено и повреждено — эти слова характеризовали положение в районах бедствия. Но они касались не только хозяйственной стороны дела. Души тоже надо было восстанавливать. Во время стихии в горах работали группы спасателей. Но мне кажется, что спасателями были не только они.

Дети, приславшие своим сверстникам игрушки, книги, тетрадки, были спасателями.

Машинистка Валентина Александровна Михайлова и ее мама пенсионерка Татья-

на Александровна из Тбилиси, которые отправили в Марнеули несколько посылок для переселенцев, положив в них все, что было подходящего в доме, — одежду, продукты, куклу, фломастеры, даже духи и сантиметр, — они тоже были спасателями.

Как и семидесятишестилетняя Тамара Васильевна Георгобиани, бывший сельский врач, — она перевела все свои сбережения в фонд помощи.

... Стихия — аномалия природы. Сдвиг, смещение, утрата гармонии. Она покушается на самую суть человека, угрожая сокрушить его, внося в душу страх, отчаяние, смятение. И этой аномалии он может противопоставить только одно — свою человеческую **нормальность**. Мужество, трудолюбие, разум, силу духа и нежность сердца. Таково это противостояние.

Каждое проявление человечности диктовалось доброй волей. И только ею.

Рабочий Потийского цитрусового совхоза Омар Папава, как только услышал, что на вокзал прибывают пострадавшие от наводнения в Хобском районе, отправился к поезду. Кого первыми встретил, тех и забрал к себе, к девяти своим домочадцам. Первыми встреченными оказались Шубитидзе — мать и маленькие сыновья из села Сагвичио, мокрые, растерянные. Глава семьи, переправив своих в безопасное место, откуда их забрал вертолет, вернулся спасать односельчан. Омар понимал, что семью, которую он приютил, будут искать. Увидев в Поти человека, по виду тоже переселенца, спросил: «Шубитидзе не знаешь?» Тот не знал, но Папава на всякий случай вручил ему записку с адресом. Через десятые руки она дошла до адресата.

Шоферы, бульдозеристы, трактористы вышли расчищать дорогу от Цагери до Лентехи. Жители сел принимали их как родных, когда они забегали в их дома, чтобы отогреться, умыться, поесть. Инженер-дорожник Нодар Твильдiani и его товарищи работали день и ночь. А в доме Нодара его мать, старая Пачо, тоже не спала по ночам, она вязала мужчинам носки.

Пятнадцатилетняя Лела Вацадзе 29 января в 4 часа утра осталась без матери и брата — их дом — их село Чребао уничтожил оползень. Саму Лелу, заваленную землей, снегом и обломками, спасли соседи.

Ее отвезли в больницу. Придя в себя, Лела стала писать письма маме и брату, спрашивала, почему они к ней не приходят. «Они тоже в больнице, но в другой», — отвечали девочке. «Тогда пусть напишут мне письмо», — просила Лела. «Им трудно писать», — говорили взрослые, стараясь сохранить спокойствие. «Тогда пусть мама продиктует, а кто-нибудь напишет. Я все равно пойму, что это письмо от мамы», — уговаривала их Лела. Когда шрам над правой бровью затянулся, ей все сказали.

Лелу взял к себе в село Лихети ее дядя Джони Метревели. Его жена и дети и новые одноклассники Лелы исцеляют ее своей любовью. По инициативе учителей Амбролаурского района был открыт персональный «фонд Лелы Вацадзе». После школы она хочет поступить в медицинский институт, чтобы научиться спасать людей, как это умела делать мама, которая работала медсестрой...

— Знаешь, после всего, что случилось,

я так полюбил людей, — признался мне мой коллега, грузинский журналист Борис Газзаев. — Я и раньше не был злой, хорошо к людям относился, любил их за то, что мне было с ними приятно. А теперь совсем другое чувство.

— Потому что ты видел, сколько они пережили?

— Да, и еще потому, что я понял, сколько в них доброго. Я помню, как в Местиа плакала дежурная в гостинице, она оплакивала сванов и тех, кто погиб в Чернобыле. В Хоби мужчина тащил из ледяной воды двух женщин. Я думал, это его родные, но оказалось, что он даже не знает, кто они. Ольга и Иван Рожковы в Чаладиди приютили у себя несколько грузинских семей. Когда мы хотели их сфотографировать, они обнялись и сказали: «Снимайте нас, как одну семью». Люди по-новому узнали себя и других, многое в себе открыли. Мне кажется, после случившегося мы все будем по-иному относиться друг к другу.

... Не приказ, а добрая воля, поистине добрая, привела в Сванетию радиолюбителей-коротковолновиков. Федерация радиоспорта республики организовала эту экспедицию. Ребята, которые находились в Местиа в штабе, держали связь с коллективными станциями в Тбилиси, Сухуми и с радиодесантными группами в девяти точках Верхней Сванетии. До этих сел можно было добраться только вертолетом, что не всегда позволяла сделать погода, поэтому вся надежда была на короткие волны.

— Всем станциям Тбилиси! Я — Местиа.

«Я — Местиа». Это останется в сердце каждого. В эти трудные дни они говорили от лица измученной Сванетии и имели на это право.

В конце каждого выхода в эфир с сообщением человек на связи ожидает от собеседника подтверждения принятой информации, чтобы убедиться: его поняли. Сванетия подтверждает: она поняла этих ребят.

... В штаб заглянул Гулади Джапаридзе. Радостно обнялись с Володей Прокопенко, стукнули друг друга по плечу. «Долгожитель», — засмеялся Гулади. (Володя здесь уже месяц.) «О, Гулади, — ласково произнес Володя и, обернувшись ко мне, спросил: — Вы знаете, какой это человек?»

Гулади Джапаридзе — директор Местийского предприятия электрических сетей. Все здесь, от мала до велика, знают того, кто принес свет в Местиа.

Три раза уходил Гулади в горы. На тринадцать дней, на двенадцать, на шесть. И вместе с ним уходили его люди — добровольцы, которым он сказал только: «Я иду, кто со мной?»

Водитель, инженер, монтер, электрик, монтажник... Семнадцать мужчин, немногословных, усталых, обветренных, сделавших адски тяжелую и опасную работу, не говорят о риске. Вспоминают, как Бежан, верная рука Гулади, писал на снегу: «Вперед, ни шагу назад». Как на целый день у каждого была в кармане только вареная картофелина. «Гулади уступал нам кусок хлеба, говорил, что не голодный, — волнуется Нодари. — И где было труд-

но, шел первым, а мы шли за ним».

Быстрее, быстрее, торопил себя и друзей Гулади. Свет — это жизнь, уверенность, надежда. По всем нормам свет в районе должен был погаснуть в конце июня. Ожидали, что он будет в конце мая. Свет зажегся 17 февраля.

Внизу, в Местиа, Гулади ждали мать, отец, сестра, братья, племянники и племянницы. И молодая жена.

— Когда он уходил в первый раз, он взял из дома еду, а во второй и третий раз не признался, что уходит надолго, сказал: я только посмотрю и вернусь. Я сказала: ты меня обманываешь. «Пойми меня, кто меня поймет, если не ты», — был его ответ.

Он приходил всегда вечером и очень неожиданно. В мокрой одежде, без сил. Лицо черное, как у негра. И голоса совсем не было — в горах им приходилось кричать и пить воду из снега. Он говорил, что был голодный, а про опасность ничего не говорил. Один раз я только услышала от него: «Никто не поверит, что мы сделали, это нельзя сказать, надо увидеть...»

День за днем от них не было вестей, и Нели шла на аэродром: вдруг вертолетчики, которым сверху все видно, что-нибудь сообщат.

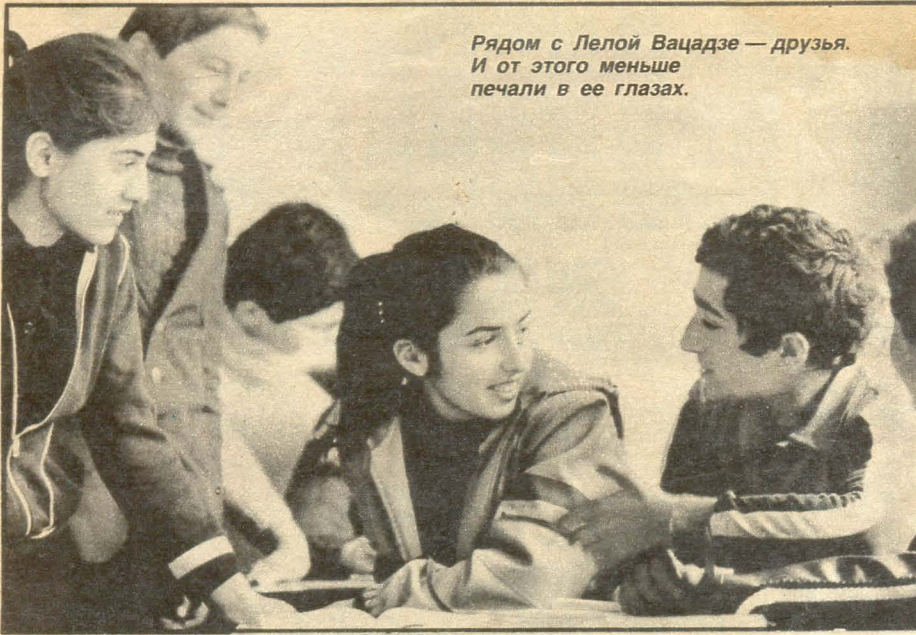
Все переживали за Нели. Совсем недавно буквально вся Сванетия сватала гордую красавицу за Гулади, и каждый старался замолвить о нем доброе слово. Любит, как Гулади! — так в Местиа говорят о тех, кто способен любить очень сильно. Люди радовались, когда они поженились, и теперь, встречая Нели, они обнимали ее и старались успокоить: «Не нервничай, Гулади знает свое дело!»

— Когда свет пришел, я сказала: «Гулади вернется сегодня или завтра». И он пришел на следующий день.

Грузия еще напишет историю этой трагической и мужественной зимы. Но даже в ней невозможно будет по именам назвать всех, кто противостоял стихии, — энергетиков, горноспасателей, альпинистов, врачей, дорожников, трактористов, строителей, милиционеров, связистов, шоферов, воинов, советских и партийных работников.

Но особое место в эпопее спасения занимают вертолетчики. Они эвакуировали людей, доставляли продукты, медикаменты, топливо, высаживали десанты врачей-альпинистов и монтажников-верхолазов. Имена командиров вертолетов Юзы Пруидзе, Аркадия Порто-Натенадзе, Эдуарда Халатова и членов их экипажей в Сванетии и Колхиде знали, как знают имена братьев. Среди них и имя Зейнала Икаева.

Синоптики не давали «добро». В этих условиях командир экипажа берет ответственность на себя. Икаев летел в разведку и находил в тесном ущелье «коридор», по которому шли другие вертолеты. Как только он поднимал в воздух свой МИ-8, из Кутаиси передавали в Местиа, что вылетел Икаев. И в Местиа радовались — раз Икаев вылетел, значит, прилетит. Вторым пилотом у него были Геннадий Габаташвили или Давид Доленджашвили, бортмехаником — Элгуджа Папашвили. Сотни вывезенных из Сванетии, десятки спасенных при наводнении в Колхиде... В экстремальной ситуации человек может проявить неожиданную смелость. Но мастерство высо-

Рядом с Лелой Вацадзе — друзья.
И от этого меньше
печали в ее глазах.

кого класса неожиданным быть не может — его надо накопить.

...Валя Икаева, красивая украинка с длинной темной косой, приболела, лежала в постели, и дверь мне открыли сыновья — шестилетний Руслан и трехлетний Артур. Все семейство заждалось отца.

— С начала января дома его почти не видим. Неделя-полторы нет, приедет на день, переоденется и назад. У нас и неделя не такая, как у всех. У нас суббота, воскресенье, когда он приезжает.

В январе как-то утром ушел, и две недели его не было. А потом читаю про них в газете. Соседи спрашивают: где Зейнал? Вот, говорю, сама из газеты узнала, где он...

Я раньше думала, что в семейной жизни любовь потухает, но вот все новое и новое в нем открываю...

Спросила, сколько людей спас, говорит: не считал... Деньги за все часы, что налетали на стихии, их экипаж перечислил в фонд помощи...

В горах мотор теряет мощность: не хватает кислорода. Характер Зейнала Икаева набрал в горах такую силу, что, если бы мужество передавалось по наследству, его с лихвой хватило бы сыновьям.

3. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЖИЗНИ

Рыжая собака Джека в неистовой радости налетала на хозяев, прыгала, виляла хвостом, лизала руки. Русико и Мераб Кипиани гладили ее, приговаривали ласковые слова, а Джека заглядывала им в лица: «Вы насовсем пришли, больше не увидите?»

Кипиани, как и другие семьи села Чорджи, на которое сошел оползень, временно поселились в Амбролаури, в общежитии ПТУ. С братом и отцом Мерабу предстоит разобрать по кирпичику свой старый очаг и создать новый, на новом месте. Как и тысячам других пострадавших, им в этом поможет государство. Только дело это все равно тяжелое.

Но даже во временном жилище Кипиани чувствуется дом. Три женщины — мать,

жена и невестка — понимают: чем точнее будут соблюдаться привычный жизненный ритм и быт, тем скорее можно преодолеть все испытания. Как всегда, нужно кормить и купать детей, встречать с работы мужчин, сохранять в доме чистоту. И так же, как всегда, здесь приветливо принимают гостей, и мама Анико быстро сотворяет хачапури, и Мераб укачивает на руках маленького племянника.

Он засыпает так же спокойно, как спали новорожденные младенцы в Кутаисском роддоме №3, появившиеся на свет в дни испытаний и утрат.

...Несмотря на все волнения Нинели Хецуриани. Георгий родился вовремя, крепким и здоровым. Нинели и ее муж Гела, конечно, не могли предполагать, что своего четвертого ребенка они не смогут принести в собственный дом, где их встретят радостные Джигули, Тамрико и Теа. Не так случилось. Ни одного дома в селе Рехи Цагерского района не уцелело.

— Дети пока не с нами — они в Цагери, в интернате, — вздыхает Нинели. — Гела ездил к ним и сказал, что у них теперь есть маленький брат. Мы живем у моей родственницы. У нее большая семья, дети, внуки. Но одну из трех комнат она уступила нам.

Мать разлучена со своими детьми... Утрачен кров и очаг... Но есть маленький Георгий. И через некоторое время труд и упорство его родителей поднимут стены нового дома, в котором ему предстоит расти и учиться быть человеком. Ему есть, у кого этому учиться.

Сколько сил потребуется людям, чтобы вернуть своему краю его цветущую ухоженную красоту! Эта мысль преследует, когда едешь по дорогам нескольких районов Грузии. Панорама колхидского села Сагвичино, пережившего наводнение, напоминала пейзаж после военного сражения. Пробоина в стене, здесь вообще нет стены, снесенная крыша, вот только фундамент остался от дома, а от этого — лишь лестница, ведущая в никуда.

Увиденное повергает в печаль, но послушайте историю, рассказанную мне в Хоби. К дорожному мастеру из села Чаладиди

пришли товарищи помочь навести порядок на подворье. Дом его был разрушен, имущество потеряно, скот погиб, сам он жил у родственников. Из всего хозяйства уцелело чудом только несколько индеек. И вот двух из них он тайком, во дворе у соседей, зарезал, чтобы приготовить угощение. Товарищи схватились за голову, а человек пожал плечами: «Как могло быть иначе, ведь вы мои гости».

Разве таких людей сломит беда?

Всех в Грузии волнует судьба Сванетии. Немыслимы Грузия без Сванетии, горы без сванов. Сегодня сотни их, известных своей привязанностью к родной земле, разбросаны по всей республике.

В сердцах людей, переживших трагедию, борются страх и любовь. Прежде всего страх за детей: как подвергать их риску, а если все повторится? И еще есть страх, который удерживает нас от прихода в дом, где уже никогда не будет тех, кого мы любили...

Сванетия останется. И не только с теми, кто сейчас остался в ней. Но чтобы вернуться, нужны время, мужество и любовь. Точно так же, как нужны время, мужество и любовь тем, кто начинает жизнь на новом месте.

Название села Удабно, что в Сагареджойском районе, переводится, как «место, где никто не живет, место без селений». Одним словом — пустыня. Такой и была до недавнего времени эта безводная земля в Кахетии. Люди взялись поднять эту целину. Они напоили ее водой, посадили виноград и пшеницу. Через несколько лет будет орошаться вся низменность, и тогда в Удабно зацветут сады.

Возрождать древнюю землю приехали в Удабноский овцеводческий совхоз семьи из разных районов республики. В то время сюда переселилось и десятка три сванских семей. Теперь к ним прибавилось около трехсот земляков, эвакуированных из лавиноопасных мест.

Молодому селу рабочие руки нужны не меньше, чем вода, так что дело нашлось всем. Строители, агрономы, учителя, дворники, воспитатели, ветврач, пастух, зоотехник — труд каждого из них будет отдан этой земле. Может быть, он и привяжет к ней навсегда?..

Председатель Удабнойского сельсовета Сандро Эрбоцонашвили и главный архитектор проекта монастырского комплекса Давидгареджа Темури Абрамишвили склонились над листом ватмана. Это чертеж сванской башни, которую надо обязательно построить к народному празднеству «Гареджба».

На месте, отведенном для традиционного праздника, стоят кахетинские домики, хевсурское строение, русская изба. Теперь к ним прибавится и сванская башня. Ясное дело, не натуральная, сторожевая — для той нужны горы, а сделанная из дерева и легких материалов, раза в четыре пониже. Это будет символ родной земли для тех, кто сейчас живет в Удабно.

Конечно, можно сымитировать башню, но нельзя сымитировать жизнь. Ей положено быть настоящей. Вот она и идет — настоящая.

Анжела МХИТАРЯН, наш спец. корр.

Фото Грузинформа.

Грузинская ССР.

В колхозе «Виениба» Екабпилсского района произошло событие: колхозники выбрали председателя.

Здесь самое время читателю улыбнуться: вот уж воистину сенсация — устав сельхозартели более полувека предписывает подобные выборы. Если решил непременно удивить, мало ли нынче вокруг удивительного? В Латвийской сельхозакадемии, в Елгаве, впервые за всю ее историю преподаватели избрали ректора. В той же Елгаве завод микроавтобусов РАФ объявил всесоюзный конкурс на замещение должности директора. Весь коллектив голосованием решал, кого из двух победителей конкурса предпочесть.

Стенд на республиканской ВДНХ в Риге сообщает, сколько уже в Латвии избрано руководителей — начальников цехов, главных инженеров, директоров предприятий... Еще вчера казалось: выше бригадира, мастера нашей «выборной» фантазии не воспарить. И вот, пожалуйста, добрались чуть ли не до министра... Тем не менее привлекло меня событие вроде бы совсем непримечательное: в колхозе «Виениба» выбрали председателя. Чем привлекло? Да тем, что инициатива эта не была запланирована. И ректора сельхозакадемии, и директора РАФа стали выбирать, потому что поступили рекомендации «сверху». В колхозе же «Виениба» произошло непредвиденное...

«Виениба» — хозяйство слабое, однако в районе есть и его похуже. Тянется колхоз помаленьку, худо-бедно сводит концы с концами. Молока здесь надаивают по 3300 литров в год от коровы, зерна получают по 19—20 центнеров с гектара: по латвийским меркам хвастать нечем. Но с государством рассчитываются и обустроиваются потихоньку. Завезли даже домики-коттеджи, не хуже, чем у людей.

Вот уже почти тридцать лет подряд здесь бессменным председателем Харий Янович Бродынь, человек старательный и добрый, с людьми ладить умеет. Правда, как говорят, на обещания уж слишком щедр, ну, да кто же без греха?

Накануне собрания в райкоме партии долго судили-рядили: рекомендовать ли Бродыню на новый срок? Сейчас, как никогда, нужна энергия для рывка, для перелома, а есть ли она у старого председателя? То ли дело главный инженер колхоза Харий Линде. И молодость, и здоровье, и знания, и честолюбие. Притом свой — рос на глазах: работал трактористом в колхозе, затем армия, сельхозакадемия, и снова в село вернулся. Успел окончить и курсы руководителей. Чем не председатель? А с другой стороны, рассудить — Бродыню три года до пенсии. Жалко его по-человечески: всю жизнь отдал колхозу, а теперь его гнать? Надо бы дать доработать, в конце концов старый конь борозды не испортит, а дублер пусть приглядывается, готовится. Так и договорились.

Проводить «линию райкома» на собрание в колхоз поехали зампредседателя РАПО И. Эглитис и инструктор райкома партии С. Грибушка.

Народ собирался, как всегда, в клубе, разве что людей набралось побольше, чем обычно, полный зал. Председатель, как положено, отчитался о работе правления,

ВЫБОРЫ — ЗНАЧИТ, ВЫБОР

не забыл ни про текущий момент, ни про отдельные недостатки. Потом прения пошли своим чередом. Говорили, что кормов не хватает, телятники надо перестраивать, техника часто подводит — нет запчастей... Особой горячности, впрочем, никто не выказывал. Председатель записывал замечания в блокнот.

«Подвели черту», стали читать подготовленный заранее проект решения. После фразы «Признать работу правления колхоза...» по всем канонам полагалась пауза. И вдруг прямо из зала неожиданно-негаданно выкрик: «...неудовлетворительной!» Председатель собрания Мистер-Мистерс, как сам потом рассказывал, оторопел. Но быстро совладал с собой, собрался и в соответствии с тем, как договорились в райкоме, предложил оценить работу правления удовлетворительно. Пришлось голосовать. Большинство проголосовало за «неуд».

Не знаю, было ли так, но, мне кажется, в эту самую минуту вспомнилось Харию Яновичу Бродыню другое собрание. То, что проходило здесь же тридцать лет назад. Тогда люди вот так же неумолимо вскинули руки против председателя. Бродынь, молодой инструктор райкома партии, испуганно озирался. Его более искушенный коллега — зампредисполкома — тотчас же объявил перерыв и побежал к телефону — докладывать ситуацию первому секретарю райкома. Первый сурово спросил: «Инструктор там?» «Здесь, здесь». «Вот пусть и избирают его. — Голос секретаря рокотал в трубке. — Раз не смог подготовить собрание, пусть сам и расхлебывает!»

Так круто переменилась тогда его судьба: стал провинившийся инструктор Харий Бродынь председателем колхоза. Не гадал, не чаял.

Среди других тридцатитысячников он в 1953 году по партийной мобилизации покинул Ригу и поехал работать в село. Думалось, ненадолго — вот только поднимет сельское хозяйство и вернется назад. Благо квартира в Риге его ожидалась. Но

судьба рассудила иначе: стал Х. Бродынь председателем. Построил себе дом на холме. Первый тогда здесь дом — теперь рядом целый поселок. И понеслись годы. Как впрягся, так и тянул. Сколько было сил, столько тянул...

И теперь приговор «неудовлетворительно» вынесен ему, Харию Бродыню. Кого же изберут? Инструктора Скайдриу Грибушку, что не сумела «провести линию»?

Тем временем председатель собрания продолжал сражаться «за линию». Внушительно показав на потолок, он подчеркнул, что «есть мнение». Затем, сбавив тон, даванул на жалость: «Или мы не люди? Сколько лет тянул товарищ Бродынь, а мы его в канун пенсии?...» Женщины, похоже, дрогнули. Но мужчины-механизаторы стояли твердо: нужен новый председатель. И назвали главного инженера Хария Линде.

— Что делать? — склонился председатель собрания к представителям района.

— Что делать? Голосовать.

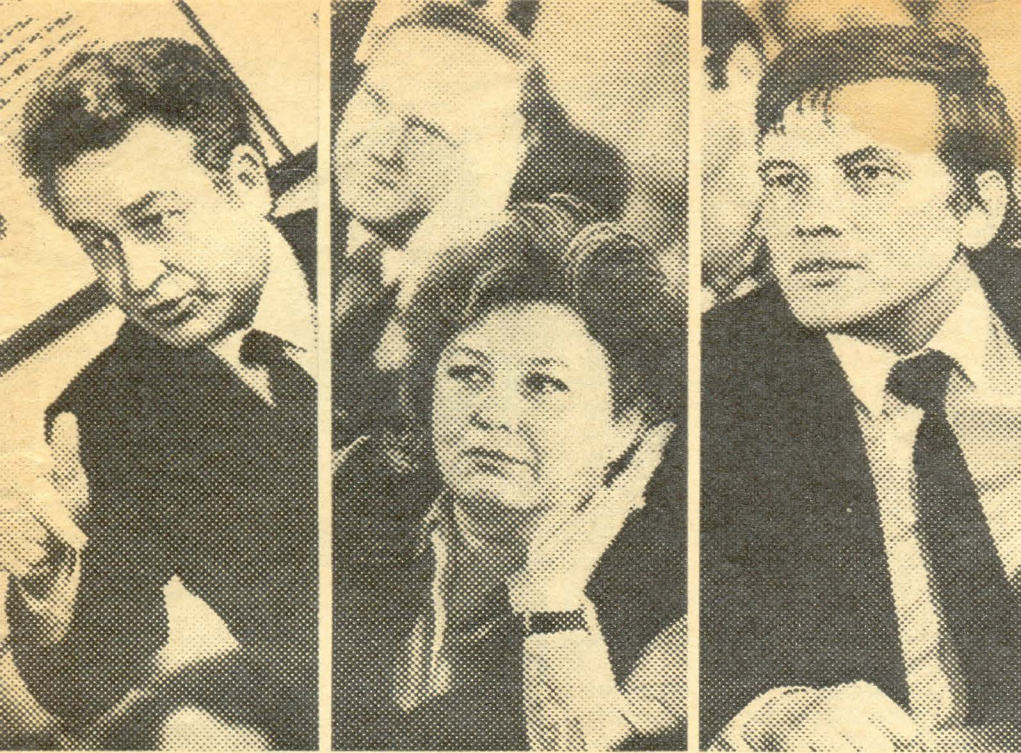
Проголосовали. Большинство в 25 голосов победил Х. Линде. Главные специалисты колхоза дипломатично воздержались: «Неизвестно, чья возьмет. А вдруг да не за того подашь голос?»

Выборы правления прошли легко. Зачитали список и проголосовали за всех вместе.

Скайдриу Грибушка шла к первому секретарю райкома партии А. К. Врублевскому не без волнения: как-то он воспримет случившееся?

— Что ж, выходит, люди нас поправили, — спокойно сказал Врублевский. — Значит, хотят перемен и не желают их откладывать еще на три года. Бродыня же по благодарим за работу. И нужно будет помочь подыскать ему дело по душе и по силам.

С. Грибушка в райкоме не первый год. Хорошо усвоила, что главная доблесть представителя — «провести линию». Помнится, если ожидали, что в колхозе,

скажем, не все может пройти гладко, всегда раздумывали, кого лучше послать. Того ли, кто балагурством, прибауткой-шуткой сумеет разогнать тучи, того ли, у кого металл в голосе — прикрикнуть может, если потребуется. А теперь, выходит, ничего этого не надо. Больше того, получается, что люди могут и райком поправить. Нравится это Грибушке, очень нравится...

— **С** чего начну? — повторил мой вопрос новый председатель Харий Линде. — Надо перво-наперво гайки покрепче закрутить — разболталась телега. Взять хотя бы приусадебные участки. У каждого чуть ли не по гектару. Некогда на общественном поле работать.

Старый председатель отличался своей добротой, мягкосердечием. Новый, сразу видно, человек жесткий, может, даже чересчур жесткий. И это знают колхозники, как и мысли его насчет гаек и огородов. И ведь все-таки предпочли, выбрали.

Что это? Переданная нам из глубины веков тоска по «сильной руке», «хозяину»? Вот ведь и на РАФе предпочтение оказали человеку, сразу видно, умеющему подчинять и командовать... Отчасти, наверное, так и есть. Все мы только учимся жить при демократии. И каждому из нас еще долго предстоит «выдавливаться из себя раба». Но, думаю, Харий Линде (как и избранный директор РАФа) привлек людей еще и свежестью взгляда. Вот, например, все в колхозе давно смирились с муками, что приходится принимать, вывозя свои фрукты-овощи на рынок: ищи днем с огнем транспорт, переплачивай капризному шоферу, надрывайся — таскай мешки, и в дождь, и в мороз стой в базарном ряду, зазывай покупателей... А, оказывается, можно без всего этого обойтись. «Давайте будем заключать договор с нашей столовой», — предложил на собрании Харий Линде. Вот как просто. А ведь не додумывались до этого почему-то раньше. И еще одна его идея пришлась людям по душе. Каждую страду приезжают в колхоз «дикие

бригады». Они заранее четко обговаривают объем работы и сумму вознаграждения. Сделают быстрее и больше — доплата. По сути дела, самый настоящий бригадный подряд с аккордной оплатой. «Если мы своим колхозникам будем платить так же, — сказал Х. Линде, — сможем обойтись вообще без приезжих».

Идеи идеями, главное же — действительно разболталась колхозная телега. И людям это основательно надоело.

— Жалко, конечно, Бродыня. С ним потолковать — одно удовольствие, — говорят доярки на ферме. — Но, с другой стороны, надоело: ходишь просишь прислать тракториста, не допросишься. Председатель вроде приказывает, а трактористы и в ус не дуют. Нынешней холодной зимой особенно пострадали.

Вот вам и наглядное крушение мифа: мол, только дай волю, пусти на самотек, выберут непременно добренького. Такого, что против шерстки никогда не погладит. Впрочем, подобное опасение до недавнего времени имело под собой реальную почву. Почва эта — экономика, хозяйственный механизм. Согласно переименованной поговорке: каков приход, таков и поп. Момент принципиальный, о нем стоит сказать подробнее.

Помню, много лет назад мой приятель, социолог Яков Капелюш, во имя идеи выборности готов был голову положить на плаху. Он просто помешался на этой идее: считал, что выбирать должны всех и каждого — и бригадира, и директора, и... страшно сказать, кого. Подобные мысли в ту пору ни у кого из руководителей, мягко говоря, сочувствия не вызывали. И вот эксперимент: на одной красноярской стройке рабочие выбрали прораба. Случай был воистину уникальный, и о нем тотчас же сказала центральная печать. Капелюш стал проводить опросы общественного мнения, показывая ими, что рабочим выборность нравится, а начальству — нет. Публикации множилось, они превратились в брошюру, диссертацию (кстати, защита

ее затянулась на годы). Но дальше бумага дело шло туго. Если где и случались выборы — бригадира, мастера, не выше того, — то кандидатура, как правило, намечалась заранее, согласовывалась, утверждалась и, естественно, настоятельно рекомендовалась. Выборы при всем при том играли чисто ритуальную роль. Ведь были они без права выбора...

Капелюша да и меня тоже все это очень возмущало. Лишь позднее я понял, что в условиях, когда правит бал администрирование, всякие выборы действительно абсурдны. Уже хотя бы потому, что почувствовать себя хозяевами производства в такой ситуации люди не могут. А значит, и выбирать станут не того, кто лучше послужит делу, а того, кто удобнее, сговорчивее, готов лишь постоять за групповую выгоду, не за общественную. Да и выбранный, если такой вдруг объявится, сам окажется без права выбора. Когда все предписывается «сверху», как исполнишь волю тебя избравших? Так что опасение — нельзя, мол, выборы «пускать на самотек» (понимай: делать выборами) — имело основание. Я окончательно убедился в этом, когда вместе с рижскими социологами участвовал в изучении мнений рабочих относительно роли бригадира. Рабочим предлагалось, в частности, выбрать один из трех ответов: бригадир **главным образом** должен отстаивать «интересы бригады», «интересы администрации», «в равной степени и бригады, и администрации». Большинство рабочих предпочло первый ответ. Ничего странного в этом не было. В усло-

виях методов администрирования взаимоотношения рабочих и администрации могут складываться весьма не просто. В такой ситуации администрация склонна видеть подчас в рабочих всего лишь «наемную рабсилу», да еще нерадивую, всегда готовую к нарушениям. Соответственно и рабочие чувствуют свое противостояние. Разводит их в разные стороны экономический интерес. Лишь когда хозяйственный механизм завязывает в единый узел личный, групповой и общественный интересы и наш карман, грубо говоря, целиком зависит от того, как идут дела, скажем, в колхозе и на заводе, делового руководителя всегда предпочтут «добренькому». А выборы станут возможны и необходимы.

Возможны потому, что в новых условиях люди отнесутся к выборам очень сознательно: ведь отныне лишь от слаженности общей работы зависит благополучие каждого. И необходимы именно потому же: раз мой заработок зависит от деловых качеств руководителя, я в силу социальной справедливости должен вместе со всеми оценивать эти деловые качества — иметь право выбрать или не выбрать.

Как сейчас понимаю, неистовый реформатор Яков Капелюш явно забежал вперед: пытался внести изменения в надстройку, не дожидаясь изменений в базисе. Не случайно идея выборности получила такое широкое распространение именно в наши дни, когда демократия становится экономически обусловленной.

Впрочем, пора кончать теоретические рассуждения и переходить к практике.

Я спросил было на ферме доярка:

— Что ж вы выбирали правление по под- сказке?

За всех ответила ветфельдшер Нина Гранцовска:

— Да им наверху виднее.

Нина — совсем еще молодая девушка, а вот поди ж ты, успела уже усвоить эту замшелую мудрость.

Потом нечто подобное я услышу и от нового председателя: «Нельзя выборы правления пускать на самотек. Лодыри, лоботрясы могут ведь навязать свое мнение — протащить своего человека». Интересно, где были эти лодыри и лоботрясы, когда выбирали самого председателя? Похоже, ему самому еще предстоит учиться демократии, начиная учебу с аздов.

Однако было бы наивно все сваливать исключительно на косность мышления. Новое только-только еще вызревает, складывается. Личный и общественный интересы пока лишь движутся навстречу друг другу. Братание им только предстоит.

В колхозе «Виениба» пытаются сейчас перевести полеводов на хозрасчет, на единый наряд. По замыслу рижских ученых, которые внедряют здесь это новшество, подряд как раз и объединит интересы. Но пока дело идет со скрипом — люди все никак не хотят понять свою выгоду. Почему? Да потому, наверное, что никто с людьми не посоветовался. Их решили осчастливить «сверху». Сколько я ни допытывался у колхозников, в чем суть перемены, никто толком мне объяснить не сумел...

И все-таки ложка дегтя не может, думаю, испортить бочку меда: в колхозе «Виени-

ба» выбрали председателя. Выбрали по-настоящему, не по форме. А посему эти выборы могут оказать влияние не только на жизнь одного колхоза... Одного из четырех с лишним тысяч в республике.

Сразу же после выборов директора на РАФе, по свежим, так сказать, следам, был у меня разговор с одним ответственным работником республиканского министерства.

— Что же это получается? — искренне недоумевал он. — Ответственность за план лежит на мне, а кому быть директором, решают рабочие? Попробуй теперь такого директора вызвать на ковер, попробуй снять с него стружку. Он мне вроде бы как и не подотчетен.

А ведь точно подмечено: «на ковер» избранного директора сложно вызвать. Перед выборностью администрирование неизбежно капитулирует. Что же касается ответственности за план, то ее полной мерой несет теперь сам трудовой коллектив. Рублем отвечает, не страхом.

То же происходит и с председателем колхоза, которого действительно выбрали. Для него отныне самое высшее начальство — люди, его избравшие, им он и подотчетен в первую очередь. Такому председателю нельзя больше скомандовать из района: сей, скажем, тогда-то, там-то и то-то.

Из этого вовсе не следует, что руководству агропрома не остается больше забот и новоявленный председатель совершенно вне поля его внимания. Просто радикально меняются методы управления: управлять начинает экономика, интерес, рубль, а не приказ. А это, в свою очередь, перестраивает всю организацию управления. Одно тянет за собой другое. И вот уже в трех районах Латвии — в Екабпилском, Добельском и Рижском — избираются председатели совета РАПО. Высшее начальство агропрома становится выборным. Причем люди действительно делают выбор. В Добеле, например, из пяти кандидатов. В Екабпилсе и того чище, роздали членам совета белые листки — «бюллетени для голосования»: пиши, кого пожелаешь, хоть себя самого. Поначалу опасались, что будет слишком уж большой разброс мнений — никто не наберет большинства голосов. Но избиратели, не сговариваясь, высказали полное единодушие: на большинстве листов разными почерками написали одну и ту же фамилию — «Л. Скоста». Это директор агрофирмы имени XXV партсъезда, авторитетнейший человек.

Между событием, происшедшим в колхозе «Виениба», и этими выборами видится мне прямая связь: избранными руководителями хозяйств могут управлять только избранные. И управлять иначе, чем прежде: не приказывая, а стимулируя. Районное звено, соответственно перестроившись, неизбежно перестроит и управление республиканского агропрома. Вот к каким радикальным изменениям могут привести выборы председателя колхоза. Так что, согласитесь, произошло в «Виенибе» событие и впрямь важнейшее.

В. ПУЧКОВ

Латвийская ССР.

Фотомонтаж сделан из снимков, присланных на наш фотоконкурс Е. НИКОЛАЕВЫМ.

ИННА ЛИСНЯНСКАЯ

Инна Лиснянская шагнула из детства сразу во взрослую суровую жизнь — была война. Инна стала санитаркой тылового госпиталя. «Это было со мною» — так назывался первый сборник стихов Лиснянской, сразу замеченный критиками и читателями.

ОЛЕСЯ НИКОЛАЕВА

Стихи Олеси Николаевой плотно населены людьми, молоды и серьезные. И хотя сама Олеся молода, у нее уже трое детей и два поэтических сборника. О. Николаева — член Союза писателей СССР.

Огонь

Даже если и малую спичку
зажечь,
Темноту рассечет ее бледное
пламя.
Так насколько же огненной бедная
речь.
Если сердце вдруг овладевает
устами!

Даже если и слово сказать за версту
Можно так, что охрипшая даль
отзовется.
То насколько ж во мне на холодном
ветру
Горячее любовь и острее сиротство!

* * *

Судьба пыталась, брила наголо,
И ты жила сверх всяких сил.—
Лицо смеялось, песня плакала,
Народ руками разводил.

Ты, и поняв всю степень бедствия
Слыть полоумной или чужой,
Не находила соответствия
Меж оболочкой и душой.

Но было и страшней мучение:
Ты всматривалась в зеркала
И жизни тайного течения
Никак найти в них не могла.

Стекло лицо твоё коверкало,
Но пела пустота в тиши,
Что, кроме музыки, нет зеркала
У человеческой души.

* * *

В мире людном — в доме одиноком —
Раскрываются окна весны.—
День сплошным протекает потоком,
Ночь дробится на звезды и сны.

И никто никогда не узнает,
Не узнает никто никогда,
Чья звезда, как свеча, оплывает,
Чью звезду заливают беда.

А с моей ничего не случится,
И никто никогда не поймет,
Что чужая страна мне не снится,
А родная заснуть не даст.

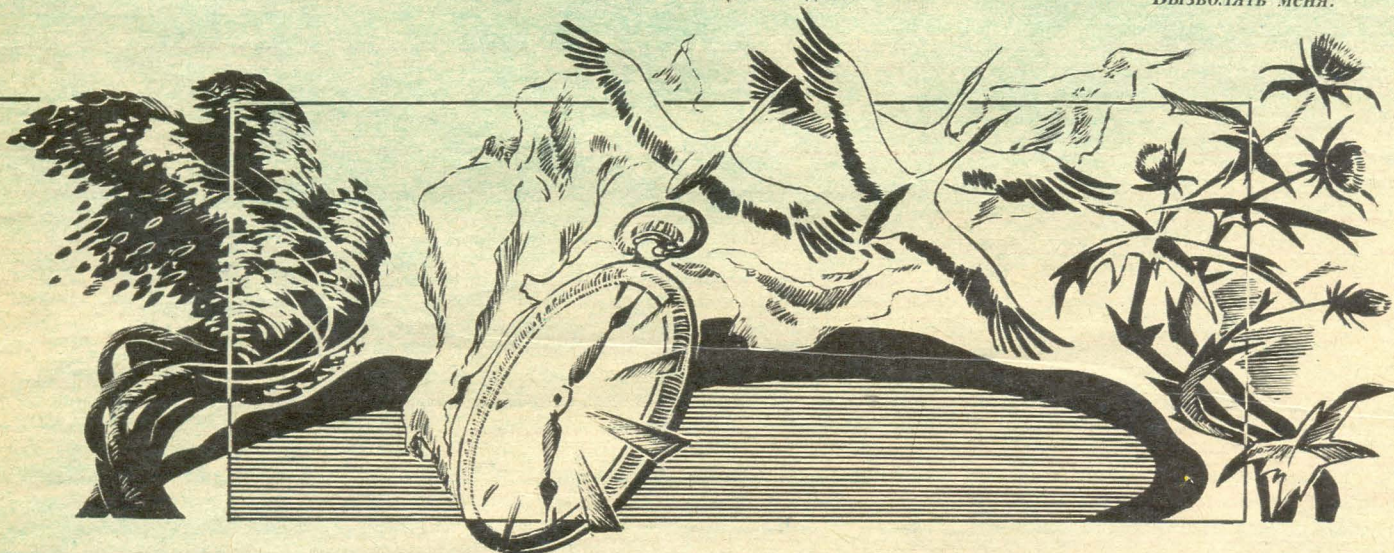
* * *

Разлетелся дым,
Разметалась тьма...
Тот, кто мной любим,
Тот — моя тюрьма.

От свободы он
Жизнь мою упас:
Каждый взгляд — закон,
Каждый жест — указ.

Вздых его — упрек,
Поощрение — смех.
Слово поперек
Мне и молвить грех.

Но чужой не смей
И не смей родня
Из тюрьмы моей
Вызвolyть меня!

* * *

Ах, что-то случилось, наверное,
что-то стряслось:
Вдруг день пошатнулся и вниз —
понеслось, понеслось,
Как будто бы спятили кони,
и окна в огне!..
Наверное, друг мой совсем позабыл
обо мне!

Наверное, друг мой совсем про меня
позабыл:
Дороги в буряне, и вой, и биение крыл,
И черные хлопья лица забивают и рот,
И мечутся тени, и падают камни
с высот!

И только лишь призракам вольно
и празднично тут:
Они на глазах вырастают, жиреют,
растут,
Цепляются, дразнят, кричат,
пред глазами рябь:
— Наверное, друг твой совсем позабыл
про тебя!

И тут я пытаюсь подняться из тесных
глубин,
Из рыхлого снега, из мрака, из мятых
рябин,
Кричу, надрывая всю душу, все горло
садня:
— В вас истины нету — неправда,
он помнит меня!

Конечно, он помнит, он ждет со свечою
в окне:
«Зачем же так долго она не приходит
ко мне?
Спокойна луна, и надежда у проруби
лед...»
Вот так меня ждет он, вот так меня
громко зовет!

* * *

Что-то на свалку сносили усилием
дружным,
Бывшим хозяевам вдруг оказался
ненужным
Заяц безухий
и клавиши в пыльном мешке,
Рама, сундук, абажур и растение
в горшке.

Люди пройдут мимо свалки и снова
пройдутся,

И оглянутся,
и вещи им вдруг приглянутся,
И пригодится им заяц
и то, что в мешке,
Рама, сундук, абажур и растение
в горшке.

Жизнь продолжается,
жизнь начинается снова:
То, что утрачено,
вновь обретается; слово
Вновь наполняется смыслом и хочет
звучать,
Все, что отвержено, стало бесценным
опять!

Зайца зашьют, и для рамы картина
найдется,
Весело лампочка под абажуром
зажжется,
Клавиши впору придутся,
и дрогнет струна,
Кактусе воспрянет,
и встанет сундук у окна.

Вечер в домашнем кругу

СЕМЕЙНЫЕ ЧТЕНИЯ

САМАЯ БОЛЬШАЯ ЦЕННОСТЬ — ЖИЗНЬ

«Вдох — выдох, выдох!» Я слышу голос инструктора гимнастики: «Чтобы вдохнуть полной грудью, надо хорошенько выдохнуть. Учитесь прежде всего выдыхать, избавляться от «отработанного» воздуха».

Жизнь — это прежде всего дыхание. «Душа», «дух»! А умер — прежде всего — «перестал дышать». Так думали исстари. «Дух вон!» — это значит «умер».

«Душно» бывает в доме, «душно» и в нравственной жизни. Хорошенько выдохнуть все мелочные заботы, всю суету будничной жизни, избавиться, стряхнуть все, что стесняет движение мысли, что давит душу, не позволяет человеку принимать жизнь, ее ценности, ее красоту.

Человек всегда должен думать о самом важном для себя и для других, сбрасывая с себя все пустые заботы.

Надо быть открытым к людям, терпимым к людям, искать в них прежде всего лучшее. Умение искать и находить лучшее, лучше «хорошее», «заслоненную красоту» обогащает человека духовно.

Заметить красоту в природе, в поселке, городе, улице, не говоря уже о человеке, сквозь все заслоны мелочей — это значит расширить сферу жизни, сферу того жизненного простора, в которой живет человек.

...Жизнь не может быть сведена к бытовым впечатлениям. Надо уметь чувствовать и даже замечать то, что за пределами нашего восприятия, иметь как бы «предчувствие» открывающегося или могущего нам открыться нового. Самая большая ценность в мире — жизнь: чужая, своя, жизнь животного мира и растений, жизнь культуры, жизнь на всем ее протяжении — и в прошлом, и в настоящем, и в будущем... А жизнь бесконечно глубока. Мы всегда встречаемся с чем-то, чего не замечали

ИЗ "ПИСЕМ О ДОБРОМ"

раньше, что поражает нас своей красотой, неожиданной мудростью, неповторимостью.

ИСКУССТВО ОШИБАТЬСЯ

Я не люблю смотреть телевизионные передачи. Но были программы, которые я смотрел всегда: танцы на льду... Больше всего мне нравится, когда те, кого считают слабыми или кто еще не вошел в обоймы «признанных», выступают удачно. Удача начинающих или удача неудачливых приносит гораздо более удовлетворения, чем удача удачников.

Но дело не в этом. Больше всего меня восхищает, как «конькобежец» (так в старину называли спортсменов на льду) управляет свои ошибки во время танца. Упал и встает, быстро вступая снова в танец, и ведет этот танец так, точно падения и не было. Это искусство, огромное искусство.

Но ведь в жизни ошибок бывает гораздо больше, чем на ледяном поле. И надо уметь выходить из ошибок: исправлять их немедленно и... красиво.

Когда человек упорствует в своей ошибке или чересчур переживает, думает, что жизнь кончилась, «все погубило», — это досадно и для него, и для окружающих. Окружающие испытывают неловкость не от самой ошибки, а от того, какое неумение проявляет ошибившийся в ее исправлении.

Признаться в своей ошибке перед самим собой (не обязательно делать это публично: тогда это либо стыдно, либо рисовка) не всегда легко, нужен опыт. Нужен опыт, чтобы после совершенной ошибки как можно скорее и как можно легче включиться в работу, продолжить ее. И окружающим не надо понуждать человека к признанию ошибки, надо побуждать к ее исправлению, реагируя так, как реагируют зрители на соревнованиях, иногда даже награждая

упавшего и легко исправившего свою ошибку радостными аплодисментами при первом же удобном случае.

КРУГ НАВРСТВЕННОЙ ОСЕДЛОСТИ

Привязанность к семье и дому создает не нарочно, не лекциями и наставлениями, а прежде всего той атмосферой, которая царит в семье. Если в семье есть общие интересы, общие развлечения, общий отдых, то и это очень много. Ну, а если дома изредка рассматривают семейные альбомы, ухаживают за могилами родных, рассказывают о том, как жили их прабабушки и прадедушки, — то это вдвойне много...

Видеть, слушать, запоминать — и все это с любовью к людям: как это важно! Замечать доброе совсем не так просто. Нельзя ценить людей только за их ум и интеллигентность: цените их за доброту, за их труд, за то, что они представители своего круга — односельчане или соученики, одноклассники или просто в чем-то «свои», «особенные».

Круг нравственной оседлости очень широк.

На одном я бы хотел остановиться особенно: на нашем отношении к могилам и кладбищам.

...Могилы делались с любовью. Надгробные памятники воплощали в себе признательность к покойному, стремление увековечить его память. Поэтому они так разнообразны, индивидуальны и всегда по-своему любопытны. Читая забытые имена, иногда разыскивая похороненных здесь известных людей, своих родных или просто знакомых, посетители в какой-то мере учатся «мудрости жизни». Многие кладбища по-своему поэтичны. Поэтому роль одиноких могил или кладбищ в воспитании «нравственной оседлости» очень велика.

ЕГИШЕ
ЧАРЕНЦВОЛШЕБСТВО
В ПАРИКМАХЕРСКОЙ

Она в парикмахерской молча сидит,
и пред ней
Зеркальная плоскость блестит
серебра холодной.

В глазах ее — скорбь, и в глазах —
забытье, и в упор
В зрачки отраженью устала женщина
взор.

На лоб ее падают желтые пряди волос.
Глядит, как во тьму, и в глазах
безответный вопрос.

Она в отчужденье, она нелюбима, она
Бледна, некрасива, она никому
не нужна.

И зеркало сумрачно в пропасть печали
зовет...

Но прибраны волосы, — рдеет
смеющийся рот.

Он здесь, он вблизи, как любовь,
столь знакомая ей, —

Неведомый друг, утешитель
и маг-чародей.

Улыбка фальшивая, пудра, граненый
флакон,

Заемные запахи, чар трехкопеечных
сон

И звяканье ножниц — друзей
поредевшей косы...

А что говорят со стены эти злые часы?

Секунды — в засаде: звенят —
и ни шагу назад.

Про старость и смерть говорят,
говорят, говорят.

Но маг побеждает и зелье волшебное
льет.

И преображенная женщина с места
встает.

Пусть не узнает себя в новой своей
красоте —

Идет очаровывать и распинать
на кресте.

Поэт я — и знаю: пока ты на свете
живешь.

Что истина сердцу, когда утешительна
ложь?

Священна неправда на жгучем костре
бытия:

Ты грезам поэта поверь, щеголиха моя!

1920 г.

Перевод с армянского
Арсения ТАРКОВСКОГО.

Академик Д. С. ЛИХАЧЕВ

И ПРЕКРАСНОМ"

О РУССКОЙ ПРИРОДЕ

У природы, ведь есть своя культура. Хаос — вовсе не естественное состояние природы. Напротив, хаос (если только он вообще существует) — состояние природы противоестественное.

В чем же выражается культура природы? Будем говорить о живой природе. Прежде всего, она живет обществом, сообществом. Существуют «растительные ассоциации»: деревья живут не вперемешку, а известные породы совмещаются с другими, но далеко не со всеми. Сосны, например, имеют соседями определенные лишайники, мхи, грибы, кусты и т. д. Это знает каждый грибник. Известные правила поведения свойственны не только животным, но и растениям. Деревья тянутся к солнцу по-разному — иногда шапками, чтобы не мешать друг другу, а иногда раскидисто, чтобы прикрывать и беречь другую породу деревьев, начинающую подрастать под их покровом. Под покровом ольхи растет сосна. Сосна вырастает, и тогда отмирает сделавшая свое дело ольха...

Природа по-своему «социальна». «Социальность» ее еще и в том, что она может жить рядом с человеком, соседствовать с ним, если тот в свою очередь социален и интеллектуален сам, бережет ее, не наносит ей непоправимого ущерба, не вырубает лесов до конца, не засоряет рек...

Русский крестьянин своим многовековым трудом создавал красоту русской природы. Он пахал землю и тем задавал ей определенные габариты. Он клал меру своей пашне, проходя по ней с плугом. Рубежи в русской природе соразмерны труду человека и его лошади, его способности пройти с лошадью за сохой или плугом, прежде чем повернуть назад, а потом снова вперед. Приглаживая землю, человек убирал в ней все резкие грани, бугры, камни. Русская природа мягкая, она ухожена крестьянином по-своему. Хожdenия крестья-

нина за плугом, сохой, бороной не только создавали «полосыньки» ржи, но ровняли границы леса, формировали его опушки, создавали плавные переходы от леса к полю, от поля к реке или озеру.

Русский пейзаж в основном создавался усилиями двух великих культур: культуры человека, смягчавшего резкости природы, и культуры природы, в свою очередь, смягчавшей все нарушения равновесия, которые невольно привносил в нее человек. Ландшафт создавался, с одной стороны, природой, готовой освоить и прикрыть все, что так или иначе нарушил человек, и с другой — человеком, мягчившим землю своим трудом и смягчавшим пейзаж. Обе культуры как бы поправляли друг друга и создавали ее человечность и приволье...

Для русских природа была всегда свободой, волей, привольем. Прислушайтесь к языку: погулять на воле, выйти на волю. Воля — это отсутствие забот о завтрашнем дне, это беспечность, блаженная погруженность в настоящее.

Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством. А понятие тоски, напротив, соединено с понятием тесноты, лишением человека пространства.

...Воля — это большие пространства, по которым можно идти и идти, брести, плыть по течению больших рек и на большие расстояния, дышать вольным воздухом, воздухом открытых мест, широко вдыхать грудью ветер, чувствовать над головой небо, иметь возможность двигаться в разные стороны — как вздумается.

Издавна русская культура считала волю и простор величайшим эстетическим и этическим благом для человека.

НЕПОДВИЖНАЯ ТАРУСЕЛЬ

— Ну, Артемка, надел? Выходи! — нетерпеливо выкликает сынишку Галина Петровна.

Первоклассник Артем, насупившись, выходит из-за занавески. Вернее, его выталкивает старший брат Костя. Общими руками малыш поддерживает спадающие форменные брючки и уже готов расплакаться, но, увидев, как дружно мы, взрослые, всплескиваем руками и хохочем, тоже смеется, заправляет в брюки курточку, затем захлещивает туда же диванную думочку, и штанишки наконец неуверенно задерживаются на талии. Однако теперь по длине они оказываются едва до икр...

— Да, вроде бы клоунада, а по существу уродство! — обрывая смех, произносит одна из приглашенных на смотрины мам, Галина Викторовна Кикавская. У нее тоже не один месяц прошел в поисках школьной формы для своего первоклассника.

«Смотрины» наши состоялись после того, как отсюда, из села Новоеловка Троицкого района Алтайского края пришло письмо от Галины Петровны Черновой, старшего экономиста колхоза «Восход».

«Я проводила второго сына в школу. Когда стал первоклассником старший сын — это было в 1980 году, — у меня не было трудностей с покупкой школьной формы. А вот теперь просто беда. Долго искала и ничего не находила ни в наших сельских универмагах, ни в районном. Не подумайте, что я исключение. Мамы всех десяти наших первоклассников участвовали в этом марафоне. И кое-кто все же пришел к финишу ни с чем. Ну, а у меня — прямо ирония судьбы... Купила-таки в своем новоеловском магазине костюмчик. Как радовалась! Оказалось, зря. Куртка по размеру, а брюки... Сын мой вполне нормальной комплекции ребенок, но когда надел, мы ахнули! Ответьте: почему вдруг возник такой острый дефицит на школьную форму?..»

А ведь действительно дефицит. Письма из разных концов страны рассказывают о том, сколько личного, а порой и рабочего времени потрачено на бесплодные поиски школьной формы, напрасные поездки в другие села и города. И вот при такой острой нехватке еще и брак!

— Неужели эти уродцы хоть кому-нибудь могут подойти? — изумляется Галина Петровна, легко выдергивая сына из прочно сшитого темно-синего безобразия. — Ведь нет у нас в селе таких детей! Да и нигде, я уверена, нет. Ясно, что тут брак швейников... Непонятно только, почему куртка

нормальная. Может, это и не комплект вовсе?

Мы внимательно изучаем школьную пару: рассматриваемвшитую в карман брюк белую тесемку с цифрами, сравниваем с товарным ярлыком, прикрепленным к куртке. Нет, никак не сходится! На тесемке обозначен размер 104:64, а на куртке — 110:68. Да и дата изготовления поражает своей давностью: июнь 1984 года. А вот и отметка того, кто «благословил» этот брак: ОТК № 34 Бийского производственно-швейного объединения. Где, на каких складах так долго приберегали этот никому не нужный костюмчик? И почему он вдруг всплыл теперь в отдаленном селе, вместо того чтобы быть отправленным с рекламацией на фабрику-изготовитель? И как вообще работники магазина решились выложить на прилавок такой товар?

Почему был продан некомплектный костюм? Заведующая универмагом Валентина Васильевна Савинова долго молчит. Размышляет. Потом почти шепотом отвечает:

— Сама не знаю, почему...

Предположение о том, что брючки были подменены здесь, в магазине, Валентина Васильевна категорически отвергает, утверждая, что костюм поступил в таком виде с межрайбазы.

— Вот посмотрите. — заведующая достает из-под прилавка толстую тетрадь. — регулярно заказываем на межрайбазе школьную форму. Заказываем десятками, а получаем считанные единицы... Да и то с браком. Сверху не выделяют, склады пустые. Вот и остается только писать заявки...

Однако три года назад совсем другое писали в заявках заведующие магазинами. И не только в селе Новоеловка, не только в Троицком районе, не только в Алтайском крае — во многих других регионах страны. Писали, что школьной формы переизбыток, что склады затоварены и выпуск неходовой продукции надо сократить. А в доказательство приводили внушительные цифры остатков. Как выяснилось позже, в большинстве случаев ложные цифры. Не стал исключением и Алтайский край.

— Трудности со школьной формой у нас возникли еще три года назад. — объясняет заведующий отделом торговли и бытового обслуживания Алтайского крайкома партии Виталий Алексеевич Мельников. — И немалую роль в этом, к сожалению, сыграла торговля: ее работники стали жало-

ваться, что школьная форма теряет спрос, склады затовариваются. Документы по остаткам убедительно подтверждали это... И было принято решение сократить планы фабрикам-изготовителям. В частности, Бийскому производственно-швейному объединению, единственному предприятию, шившему до сих пор мальчишковую форму для нашего края, снизили до 80 тысяч. Год прошел незаметно, без ощутимых волнений, а потом вдруг резко возник дефицит... Когда стали выяснять причины, оказалось, что все без исключения районы края зависили цифры остатков.

Зависили цифры остатков... Но почему? Постепенно, после разговоров с торговыми работниками разных уровней, прорисовалась суть: торговле выгодно завывать в отчетах количество непроданного товара. Ведь остатки финансируются, на их хранение предприятия выделяют денежные средства. А все, что окажется на складах сверх указанных в документах остатков, храни как и где хочешь. Деньги на это «сверх» уже не выделяют. Вот и стремятся «дальновидные» директора да заведующие магазинами указать сногшибательную цифру, чтобы и средства в обороте были, и от неожиданного затоваривания застраховаться. Вернее, перестраховаться. Благодаря им, перестраховщикам, и зашагали по бумагам несуществующие школьные костюмчики, которых в избытке должно было бы хватить вместе с плановыми и на 1984-й, и на 1985-й, и на 1986-й год... И потому вынуждены матери покупать все, что предлагает им ассортимент:

и слишком большой размер, и даже брак. Впрочем, попадаете такой брак, который даже с отчаяния не купишь...

Колхоз «Восход» объединяет два села: Новоеловку и Гордеевку. В каждом свой магазин.

В гордеевском универсаме сразу же бросился в глаза единственный школьный костюмчик, который так и не нашел своего покупателя. И вряд ли найдет, потому что брюки его — точная копия тех, которые примерял Артем, а курточка, пожалуй, сшита на детсадовского мальчика. На сей раз костюм не раскомплектован, и на обеих его частях стоит знакомый уже размер — 104:64. Правда, дата изготовления более свежая — февраль 1986 года. И номер ОТК другой — 41.

— В расчете на кого заказываете вы этот размер? — спрашиваем у молодой продавщицы.

— Не знаю... У нас и детей таких нет... — отвечает она с недоумением. — Вообще заявки оформляет заведующая. Как? Кажется, просто переписывает цифры с предыдущей заявки... Да и где узнаешь точно, кому что нужно? Родители — каждый сам по себе, а школа не обязана давать нам заявки...

Да, школа не обязана. Директор Новоеловской средней школы Валентина Михайловна Каркавина и не знает о существовании проблемы формы. По мнению Валентины Михайловны, мама Сережи Мошарова, мама Зоры и Аркадия Исаев, а также родители некоторых других ребят просто пожелали доставать детям форму. Не переубеждают директора и рассказы о том, что одна родительница искала школьную одежду в троицком районном универсаме, другая ездила даже в город Киселевск, а третья вообще проделала сверхмарафон по маршруту Ельцовка — Талдинка — Новокузнецк — Барнаул.

— На родительских собраниях никто словом не обмолвился! Неужто директору еще и этим заниматься? Есть ведь и поважнее дела. Школа наша сами видели, в каком состоянии. А новую уже десять лет возводим... Вот это проблема!

И разговор, и факты подтверждают, что никогда отсюда, с глубинки, не уходила вверх точная картина спроса. Потому что никого из людей, со спросом связанных, эта картина всерьез не интересовала. Не потому ли из семидесяти мальчиков школы лишь шестнадцать получили к новому учебному году новые костюмы? То есть к первому сентября новой экипировкой здесь оказались обеспеченными лишь двадцать процентов мальчиков и около тридцати процентов девочек. В то время как нормативы обеспечения выглядят соответственно как семьдесят и девяносто процентов.

Откуда, спросите вы, такая диспропорция? Неужели так много недодают до плана изготовители? Нет, планы швейники выполняют и даже перевыполняют. Но беда в том, что продукцию этих сильно заниженных (благодаря жалобам торговли) планов она, торговля, еще и делит далеко не в пользу сельской местности.

Распределение промышленных товаров в Троицком районном потребительском обществе, например, производится так: по-

ловину забирает на свои нужды районный универсам, остальное расписывают по селам. А по процентному соотношению населения поселку Троицкое полагается лишь сорок два процента. Кажется, невелика разница. Но, может быть, именно она дала бы каждому селу по несколько школьных костюмов дополнительно. Однако сейчас именно такое соотношение: пятьдесят и пятьдесят процентов. Всем поровну.

— Мы скрупулезно следим и за справедливостью распределения, и за качеством получаемых нами товаров, — утверждает председатель Троицкого райпо Иван Архипович Багазей. — Беда, что из заказанного нам дают чуть ли не вполтину меньше. Например, в 1985 году мы заказывали 1300 мальчиковых форм, а получили около 700.

А вот сведения из справки Валентины Григорьевны Додильной, директора троицкого коопунивермага: в 1985 году с января по август районным универсамом было получено 506 пар мальчиковых формы... Значит, для сел осталось менее двухсот? Такая же ситуация и с платьями для школьниц: райпо получило их около 500, а универсаму из них отсчитали 364 штуки.

По данным той же справки, ни одно бракованное изделие не было продано с прилавков районного универмага. Выходит, брак отвезли в село...

И все-таки откуда взялся брак?

...Шум в кабинете директора Бийского производственно-швейного объединения (БПШО) стоит такой, что и сам директор Евгений Александрович Мицель, и его подчиненные — главный инженер Светлана Павловна Беляева, начальник техотдела объединения Екатерина Федоровна Пономарева, начальник ОТК Валентина Владимировна Филиппова — едва слышат друг друга.

На столе для совещаний лежат Артемовы брючки, вызвавшие такой шум. Брючки раскладывают, выворачивают наизнанку, рассматривают застроченную в карман фабричную бирку — и говорят, говорят, говорят. Высказывают предположение, что бирка какой-нибудь чужой фабрики или кустаря. Потом узнают: нет, наша! Прикидывают, что, может быть, брюки укорочены уже в магазине, но, поразмыслив, приходят к выводу: ни к чему продавцам делать из нормальной вещи брак, который не продашь.

Короче, как ни крути, а грех свой, местный.

Тут-то и впадают в директорский кабинет толстые «гроссбухи». Может, в документации найдется хоть какое-нибудь объяснение тому, как появились на свет подобные уродцы? Стали вспоминать, что в техописании был указан очень маленький размер. Поискали. Нет! В едином техническом описании модели Д-428 для мальчиков младшего и среднего школьного возраста, принятом еще в 1980 году, указан минимальный размер 110:68. А вот сверху таблицы видна карандашная пометка от руки, сделанная здесь, в объединении: — 104:64. Выходит, неизвестно откуда взявшийся и никому не нужный размер — тоже свой, местный. И в ходу он уже несколько лет.

— Почему же вы шили то, что не предусмотрено разработчиками?

— По заявкам торгующих организаций. Видимо, на местах требовались костюмчики для шестилетних детей...

Да не учились еще до прошлого года в здешних местах шестилетние, а и учились бы — все равно не для них эти брючки! Главный инженер Общесоюзного Дома моделей Владимир Федорович Асташкин вместе с главным технологом Верой Александровной Ревенко по моей просьбе провели экспертизу этого уникального изделия. И вот что выяснилось:

«Брючки сшиты на три роста короче минимально установленного стандарта 110:68 и на один рост шире в талии. Шов сидения расположен на полтора сантиметра ниже нормы, то есть рассчитан на ребенка 122-го размера. Ширина брючного пояса почти на сантиметр больше, возможно, потому, что использован один крой и для брючного пояса, и для пояса курточки».

Глядя на этот четырехмерный брак, можно предположить, что на предприятии рабочие лекала не сверяют с эталоном, а ОТК ставит свой штамп на изделии, которого в глаза не видит.

К сожалению, не удалось мне узнать, кто же шил эти два костюма. Но фамилии приемщиц ОТК, чьи номера 34 и 41, выяснила: М. А. Дворова и О. Н. Кронберг.

Ситуация со школьной формой беспокоит теперь многих. Уже в прошлом году БПШО пошло 10 тысяч мальчиковых костюмов дополнительно к плану. Откорректированы по нарастающей планы на 1987—1988 годы. Для удовлетворения нужд Алтайского края переоборудована на пошив формы для мальчиков фабрика «Горняк», расположенная под Барнаулом.

Многое делается для того, чтобы изменить к лучшему ситуацию со школьной одеждой и в России, и в целом по стране.

— Однако представьте себе, какие усилия требуются, чтобы снова раскрутить, теперь уже в обратную сторону, нашу гигантскую промышленную карусель, — рассказывает заместитель начальника производственно-диспетчерского управления Министерства легкой промышленности РСФСР Алевтина Михайловна Баскакова. — Для увеличения потока определенной продукции предприятию надо аннулировать другие заказы, переоборудовать переведенные уже на другие линии станки. Кроме того, приходится снова планировать ткацким фабрикам выпуск увеличенного объема синей школьной материи. А заводы, выпускающие стандартный краситель, тоже в свое время сократили планы. Да и новая форма для девочек оказалась конкуренткой — она ведь теперь синяя. Вот такой клубок проблем приходится сейчас распутывать...

Начинается лето. Что же, снова по городам и весям потянутся в поисках школьной формы родительский марафон?

Валентина ХАНАДЕЕВА

Рис. В. КОВАЛЯ.

ДОЛГИЙ

В дальнем углу Харьковской области, на границе с Полтавщиной, в селе Пархомовка есть чудесный музей. Кто там не побывал, тому трудно, невозможно поверить, что создателю музея — учителю истории Афанасию Федоровичу Лунёву — удалось собрать более пяти тысяч подлинников мирового, русского и советского искусства. В основу коллекции легло по крохам сколоченное собрание самого Лунёва, а дальше... Писатель Илья Эренбург подарил пархомовским ребятам, приехавшим к нему в гости, картину Пикассо; дарили свои работы Фаворский, Коненков, Неменский и многие-многие другие. Поезжайте туда, вас встретят, когда бы вы ни приехали, проводят старым парком до дверей бывшей конторы сахарозаводчика Харитоненко, и вы пройдёте по тихим великолепным залам, изумляясь все больше и больше. Да, признаётесь вы, редко какой областной музей может соперничать с Пархомовской галереей. Это будет первое и не самое глубокое ваше удивление. Потому что, попривыкнув, вы поразитесь не столько экспонатам, сколько этим юным экскурсоводам, с отроческим темпераментом рассказывающим вам о жизни и красоте. При музее и школе в течение многих лет работает клуб «Радуга», где Афанасий Федорович читает трехгодичный курс всеобщей истории искусств. «Радуга» дружит с Союзом художников СССР, с Эрмитажем и Третьяковкой, Русским музеем и музеями Кремля; большим другом «Радуги» стала Дрезденская галерея. Здесь, на «Радуге», не готовят, конечно, экскурсоводов, но если приехали гости, почему же не показать им свои сокровища? И больше, чем великолепными полотнами, вы любуетесь этими ребятами. Кто из нас может погордиться, что с детских лет вдыхал запахи залов Эрмитажа или рос под взглядами портретов Третьяковки? Никто, пожалуй. А вот у пархомовских все это было и есть. Тридцать лет исполняется музею, и для всех школьников он существовал задолго до их рождения. Он входил в их сознание вместе с полями. Домом культуры, вечерним зоревым небом. На школьные вечера их еще не пускали, потому что они еще не были школьниками, и они прибегали сюда — в музей пускали всегда, только просили помыть руки и ноги, если прибегал босой. Потом они подрастали, вырастали, но мало кто из них стремился стать художником — шли работать в совхоз, становились агрономами, медиками, мечтали быть учителями, как их Афанасий Федорович. И вот — каникулы, и Афанасий Федорович Лунёв собрался с ребятами в Москву...

Мои ребята в соседних купе, некоторые из них будут в Москве впервые. Я завидую им. Впервые они придут в Третьяковку, поклониться великой русской живописи: наверное, робеть будут, когда переступят порог Музея имени А. С. Пушкина. Впрочем, я думаю, что они готовы к этой встрече. Не все, я не обольщаюсь. Едут с нами и те, которые, с согласия родителей, пришли в «Радугу» только для того, чтобы сейчас поехать с бесплатной экскурсией в Москву и в столице вдосталь набегаться по магазинам. Но ведь и в них хоть что-нибудь западет, я по крайней мере так надеюсь, а поди знай, когда взойдут семена...

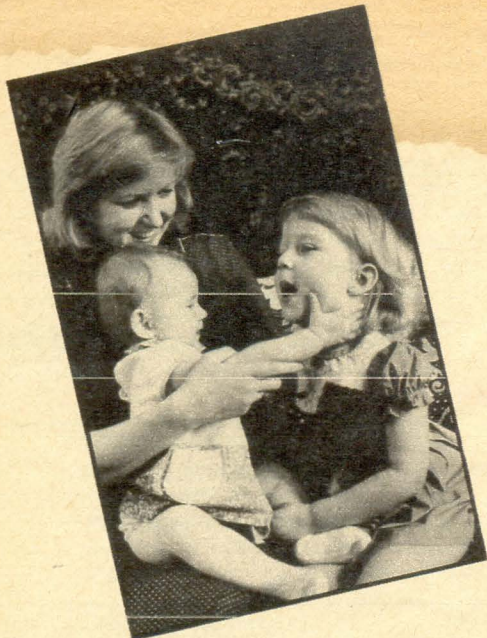
Двое в купе выбывают в сон. Третьему, как и мне, не спится. Он жесткий, этот мой спутник. Выяснив, что я сельский учитель, снисходительно роняет:

— Ну как, добралась до вас перестройка? Или по дороге в грязи потонула?

Такое впечатление, что он не ждет ответа, и так его знает...

— Наконец-то пришло время дела! — говорит он с наслаждением. — А вы, собственно, давно преподаете? — Услышав мой ответ, слегка присвистывает и добавляет: — Говорят, то поколение хваткое было?

«Хваткое» — что он имеет в виду? 1 сентября 45-го началась моя работа в Пархомовке, о существовании которой я раньше и не подозревал. Классы еще напоминали партизанские биваки: одет кто в чем, кто ни в чем, перероски, сироты. Но вот жажда познания, жажда жизни была, пожалуй, сильнее, чем у нынешних ребят. Но об этом я своему спутнику не говорю. Сам чувствую: не то, не так. Получается, что

В разные годы принимала их «Радуга»: экономист Нина Галушко с дочками Светой и Наташей; депутат сельского Совета Нина Бровко; один из директоров Пархомовского музея Наташа Копыл.

СВЕТ

"РАДУГИ"

позже родившиеся в чем-то виноваты, а это ерунда. Нет смысла сравнивать. Те детишки видели не только кровь, смерть для них была привычнее, чем букварь.

— Но все-таки, верно ли, что мы стали хуже? — добивается мой спутник. — Я ставлю вопрос, как Шукшин в своей последней статье: что с нами происходит? Вы читали? Это так? Вы учитель — что вы говорите своим ученикам, когда они вас спрашивают об этом?

Я знаю ответ. Мне он кажется верным. Он очень прост. Может быть, поэтому многие отходят от меня, разочарованные, даже обиженные, будто я обманул их. Я говорю: надо быть добрым, милосердным, надо быть человеческим — надо беречь в себе все это, воспитывать в себе всегда, всю жизнь. Я понимаю, слова эти истрепаны до невозможности, но я не ищу других, просто эти надо отчистить от накипи, как очищаем мы сейчас много других слов и понятий.

Между моим вузом и работой пролегла война. Трижды бежал из плена, меня травили овчарками, а я выжил. Не только потому, что был молод и жилист. Я любил до войны Льва Толстого, в войну любовь эта перешла в какую-то страсть. Казалось бы, все эти страницы, где речь идет о любви, о доброте, должны были бы испепелиться в кошмаре, а они окрепли, как люди, будто Лев Николаевич выступал от имени жизни. Что же касается вопросов моего спутника... Помню, меня тоже будто ошпарил вопрос Шукшина: что же с нами происходит? Хотелось бы сказать: происходило, но это была бы увертка от разговора. Мы стали эгоистичнее, бессердечнее, мы теряем уважение друг к другу. Усвоился меркантилизм. Расцвело потребительство. Человечности становится мало. Доброта в дефиците. И объяснение, сам читал: наш народ выдержал многое, такое, что и выдержать то нельзя, не потеряв в себе ничего, не растеряв, а вот сытости многие не

выдержали. Если это так, то какой вывод напрашивается? Вернуться в голод, лишения? Изуверский какой-то вывод. Значит, и неверный, подсунутый взамен настоящего.

— Вы хотите свести всю грандиозную работу перестройки к морали? — разочарованно протягивает мой спутник. — Вам не кажется, что было уже немало моральных призывов? И, помните, была такая поговорка: хороший парень не профессия. Верная поговорка. Вы не согласны?

— Нет, не согласен. Я же учитель. Хороший человек — это замечательная профессия. А остальному можно научиться.

Если бы мы были подольше знакомы с моим спутником, я бы рассказал ему о Кочубеях, пятеро их училось у меня: две сестры, три брата. Отец их работал сторожем. Они были упрямые и замкнутые, не сразу и поймешь, что просто стеснялись своей дремучести. Приходили на «Радугу» и молчали, и когда уже чему-то научились, все равно молчали, боялись не то ляпнуть. Но как вбирали в себя! Будто дышали воздухом знания и не могли надыхаться. Теперь Володя преподает литературу, Сережа — кандидат медицинских наук. Мы, школа, выучили? Ничего подобного! Мы разве что не помешали. Их отец — что он значил на лестнице престижа? А он учил их труду, мужеству, благородству. Они, все пятеро, подолгу могли рассказывать о доме, как там помогают друг другу, уважают друг друга. Они сначала думали, что это само собой, что у всех так, и страшно удивлялись потом, когда в домах школьных товарищей слышали заглазно плохие слова о соседях. Так что в школе они получили кое-какие знания, а образование — дома.

А с другой стороны... Мне одна родительница в сердцах сказала: ну и пусть, что мой двоюродник. Чего вы к нему привязались? Что ему эта ваша доброта? Вы что, газет не читаете? Хахали, оказывается, кто как

мог! Ну, кто зарвался — тот попался, а кто не зарвался? Припеваает! И мой будет припевать. Все равно жить будет лучше, чем ваши чокнутые с «Радуги». Я спрашиваю: в каком смысле лучше? «А в таком, — отвечает, — в самом простом! И хата будет полная чаша, и машина будет! Уж я помогу!» И я знаю, так и будет: и дом, и машина. Жалко хлопчика. Мать плурует, ему плутовать придется, чтобы уровень соблудости. Я говорю на «Радуге»: ребята, такие люди очень плохо живут. Очень. Вы даже не знаете, как плохо. Дело даже не в плутовстве. Могут так хитро приспособиться, чтобы закона не нарушать, похапывать «в рамках». Но ведь всегда найдется, у кого хата покраше и машина позаграничнее. В конце концов, если направить все силы ума и воли на заработок, то сейчас можно немало заработать. Вот тогда и начнется гонка с барьерами, а барьеры будут все выше и выше. Не наденешь ведь пять дубленок, не съешь все окорока, даже и не надкусишь. Для чего копить? Глупо, если вдуматься. Все равно самое дорогое бесценно, в том смысле, что просто не имеет цены. Бесценно восхищение жизнью, гордость за Отечество, бесценна память, любовь, честь. Все дело в том, чтобы компас был. Но вот я, малыш, прихожу в школу, и меня начинают «разбирать» на части: на умение считать и писать, на физику и химию; но кто же, когда и где будет «собирать» меня? Литература? Мало. Бах и Рембрандт вскользь упомянуты в учебнике истории, на культуру и науку XVI—XVII веков отведено два часа. И уж совсем некогда смотреть репродукции, слушать музыку. Конечно, я о школе. Но не только. Хороший человек для нас — это по-прежнему тот, кто хорошо учится. Мы не знаем, каковы ребята на самом деле, потому что не интересуемся этим. А не интересуемся оттого, что нам некогда — надо же успеть перерисовать схему завода по изготовлению серной кислоты. Оценка скрывает человека. В лучшем случае она показывает только память или усидчивость, в худшем — выявляет маленького выжигу, который уже знает, что почем. Но разве так только в школе? Мы проводим школьную реформу уже два года, а ничего не сделано, потому что мы еще не знаем, что же надо делать.

Три девочки — Лена Авраменко, Нина Бровко и Валя Литовченко (студентка, приехала на каникулы), ни с кем не сговариваясь, достали краску и покрасили крышу здания, где расположен музей, а это 600 квадратных метров. Совхоз предложил им деньги. Дело не в том, что они отказались, они растерялись: как? За это деньги? Но это ведь наше!

Искусство и делает мир нашим. Искусство, познание красоты во всех ее проявлениях. Быть может, вся деятельность, вся цель человека — стремление к красоте, к гармонии с самим собой и миром.

Гармония начисто исключает зло. Искусство дает непосредственное наслаждение, но разве только в наслаждении дело? Искусство — кратчайший путь к другим людям. И вот это — понимание других, соотношение себя с другими — главное, на мой взгляд, не только в воспитании, но и вообще в жизни. Прекрасные результаты показывает сейчас госприемка, а что будет через пять — десять лет? Супергосприемка? Да нет, наверное, будет самоконтроль. Может, позже, но придет он обязательно.

Придет... А сегодня в харьковском автобусе пятеро ребят из ПТУ сидели на местах для пожилых и инвалидов, рассказывая друг другу анекдоты, не замечая пожилую, уставшую женщину с серым лицом. Рядом с ребятами стоял их наставник, просил ребят говорить потише, подхихкивал. Откуда он? Почему пришел в ПТУ, зачем? Почему позволил себе заниматься делом, которому может принести только вред? Вот эта внутренняя готовность заниматься чем угодно, лишь бы платили, печалит меня больше всего. Его не научили ответственности перед жизнью, он не научит, так и идет. Нина Бровко и Оля Павлова поехали в Сумы поступать на истфак педвуза. По любви выбрали, по желанию. Доцент побеседовал с ними три минуты и дал отеческий совет: не поступать им на этот факультет, риск большой, скорей всего не поступят, так что лучше, мол, на другой. И вот я думаю: откуда у него внутреннее право разрешать себе давать подобные советы? Ведь девочки — умницы, они же счастливыми были, когда собирались в дорогу... Как он мог за три минуты лишить их права на радость? Я не понимаю. И не пойму никогда.

Представьте себе осень, грязь непролазную. Мне из дому выходить не хочется; и холодно, и сыро, и знаю, что никто не придет на «Радугу», да и правильно, что не придет. Но сегодня — четверг, день «Радуги». Иду на «Радуге» огонек светится. Ваня Шерстюк пришел раньше меня. Его мать всего три года в школе проучилась, отец, хоть и окончил десятилетку, человек нелегкий. Ваня словно наверстывает за родителей. Ему до «Радуги» шлепать пять километров, ему ни разу в голову прийти не могло, что непогода может кого-нибудь остановить, его резиновые сапоги, наверное, пуд весят, а он улыбается. Поступил в Ленинграде в военно-медицинскую академию. Его в Эрмитаже все знали, и сейчас, когда я туда приезжаю, о нем спрашивают: как, мол, Ванечка Шерстюк? Денег в доме не было, жил он на одну стипендию, собрал не просто большую — отличную библиотеку; самостоятельно выучил английский. Я недавно виделся с ним, и он говорил:

— Помните, Афанасий Федорович, мысль Эйнштейна, что специалист без общего образования похож на дрессированную собаку. Он не видит общей картины жизни, не видит людей. А человек должен понимать чужие иллюзии и страдания — без этого какая работа?! Меня жена спрашивает: ты часто вспоминаешь «Радугу», а чем вы там, собственно, занимались? Репродукции рассматривали, музыку слушали, а еще? Я говорю: и репродукции рассматривали, и музыку слушали, но в об-

щем-то это было только ступенькой к тому, чтобы знать, что такое честь и милосердие.

И вот по сравнению с ним Боре Коллонтаевскому вроде бы «не повезло». Он окончил школу, сейчас рабочий в совхозе. Семья была большая, надо было помогать, так что об институте он даже не думал. В школе рисовал и сейчас занимается живописью, и мне всегда приятно разговаривать с этим удивительно мягким, работающим, интеллигентным человеком. Так в чем же ему «не повезло»? Я просто уверен, что у него престижная жизнь, и престиж его самой высокой пробы, потому что у него ни злобы к жизни нет, ни раздражения. Он берет от жизни столько, сколько ему надо, а отдает ей больше — не знаю, насколько больше, но знаю, что больше.

Он и предложил мне: давайте-ка съездим в Натальевку. Я: «Что случилось?» Он: «Сами увидите...» В Натальевке есть очаровательная церковь просто игрушка какая-то румяная. Проектировал ее Щусев, распятие вырубил Коненков, эту церковь считали почти своим памятником, филиалом музея, разные у нас планы были. Но там многие годы стоит какой-то агрегат от больницы и сотрясает ее день и ночь. Да неужели агрегат больше некуда поставить? — спрашивали мы. Есть, отвечают, но и тут неплохо, все-таки под крышей. Трещина в стене, мы опять в хлопоты, никому не интересно. Вот уже фонд культуры создан, ничего не меняется. Приезжаем: у коненковского распятия отбиты ноги. И я понимаю, что могут сказать в оправдание эти хулиганы: вы же сами, ваш агрегат ее долбал, что вы к нам привязались? Постояли, ушли, будто в душу кто-то нам наплевал и еще подхихкивает.

Так вот, пришло время ответить на шукшинский вопрос. Не от сытости зачерствели мы. Просто два процесса совпали во времени, и одно было принято за другое. Опомнились от войны, раздвинулись, зажили получше — двадцать лет ушло на это. И тут полегоныку-потихоньку забывать стали кое-что, да не кое-что, а многое, начали привирать себе, гладить себя, успокаивать, холмики за пирамиды выдавать, и пошла ржа: вот тогда рупь и стал эталоном, он же не подведет, не соврет — многие ему и сдались, это была надежная синица в руках, позволявшая похохотывать над тем журавлем в небе.

Михаил Сергеевич Горбачев сказал на XX съезде ВЛКСМ: «Работа с молодежью не может быть оторвана от... культурно-просветительных задач, идейно-нравственного формирования личности. Мы не можем допускать разрыва между ростом материального состояния и духовной зрелостью человека. Сегодня отчетливо видно: многие трудности перестройки, обновления общества рождены недостатком культуры в самом широком ее понимании. Научное высокотехнологичное производство не может существовать и развиваться без соответствующей культурной инфраструктуры, равно как и без дальнейшего роста культуры труда и всего образа жизни людей. Всякий разрыв между этими сферами грозит социальными спазмами».

Хорошо, что эти слова были сказаны, хорошо, что они были сказаны для моло-

дежи и в лицо молодежи. Перестройка без этого не произойдет. Она просто не осуществится. Помню комсомольского секретаря, который беспрерывно возил делегации в наш музей. Обычно он ложился где-нибудь рядышком на травку и засыпал, он очень уставал, я видел, каким он был усталым. За несколько лет работы он так ни разу и не зашел в музей. Хотя бы из любопытства. «Гонка, Афанасий Федорович, — говорил он, — такая гонка, представить себе не можете. А вы молодец, вас в Харькове хвалят!» Он тоже считал для себя возможным руководить молодежью Пархомовки; такой, видите ли, уставший и нелюбопытный.

Все ребята, которые вспоминаются сейчас, все они прошли «Радугу», многие были в 9—10-м. классах директорами музея, но никто из них не стал ни художником, ни искусствоведом. Учителя, врачи, рабочие — это им интереснее. Вот письмо от сельской учительницы:

«Пушкин, конечно, ни в какие уроки не уместился, в четверг (как у нас на «Радуге») собрался наш кружок «Всё о Пушкине». Читали Тьяньнова, проза-то какая благоуханная, правда же? Но что делать, когда один мой шестиклашка повторяет все: зачем мне это надо, не хочу я! Причем он совершенно не из «трудных». На глазах очень постепенно и очень уверенно уходит от меня. Страшно жалко. Но у меня есть еще два с половиной года, это время он мой, я постараюсь».

Думаю, что она плакала от этого шестиклашки, уверен, что это были счастливые слезы.

Два года назад наш музей ограбили, выкрали 37 экспонатов. И вот тогда уже плакал я — пришел в музей, увидел нищие стены и просто расплакался. И тут же удивился, будто я плачу каким-то щенячьим, каким-то детским плачем. Обернулся, рядом со мной стояла Оля Павлова и так безнадежно рыдала, что я совершенно забыл о краже.

Время всегда сплетает и счастливые слезы, и такие вот рыдания. На общем собрании мы постановили: членство в нашей «Радуге» пожизненно. Когда бы ты ни покинул школу, приходи к нам, мы будем рады.

Наш музей посетило не менее полутра миллионов человек — со всей страны, почти из всех стран мира, а через «Радугу» прошла, считайте, вся Пархомовка. Нет, я не хочу сказать, что все стали такими милосердными и добрыми, что можно помирать спокойно. Нас долго считали чудакими, блажными. А мы просто большего ждем от этого мира и рассчитываем не остаться у него в долгу.

Село Пархомовка.
Краснокутский район.
Харьковская область.

Афанасий Федорович Лунёв и его воспитанники в Пархомовском музее. Выпускники школы и «Радуги»: Оля Федорка, секретарь-машинистка правления колхоза; Анна Вавенко, доярка, депутат сельского Совета, член райкома партии.

нет страницы

нет страницы

корней с 800 гектаров! А главное — колхозники, когда увидели, насколько всерьез мы взялись за дело, поверили нам. Вернулся Турсунбай Кулдашев, мы его механиком поставили. Сказал: раз есть возможность нормально работать и нормально зарабатывать, нечего и душу рвать на части. Попросился на бригаду уважаемый Юсуп Юнусов. Старик уже, а не выдержал, захотел помочь. Хорошее, говорит, дело задумали: вернуть дехканина к земле. Он и подсказал: надо каждого усадить недели на две за учебу, а платить как за рабочие дни. Урожаем все окупится. Мы до сих пор каждую зиму проводим такую учебу.

У товарищ у меня был, Саидахмат Усманов. Мы с ним с детства бегали по кишлачным улицам, вроде как соперничали: кто кого перегонит? Теперь стала замечать: при встрече старается проскочить мимо, а остановлю (живем-то рядом) — разговор комкает, глаз почти не поднимает.

— Стыдится он, — объяснила жена. — Молодой, здоровый, а работает «керосинчиком» на нефтебазе. 60 рублей вклад... Зато верные деньги, не то что в колхозе.

Как-то заехала я к нему на работу, будто по делам тут оказалась.

— Саидахмат-джон, не лучше ли тебе в колхоз вернуться? У нас такие дела разворачиваются! Людей только не хватает.

— Ну, и кем же примешь? Кетменщиком? С утра до вечера в поле, а гарантии, что семью прокормишь, никакой...

— Кетменщиков и без тебя много, а вот механизаторы нужны. Заработать и в колхозе можно.

Я потом не раз к нему заезжала, уломала-таки. Окончил Саидахмат курсы, хорошим механизатором стал.

Самое главное, что мы старались свято соблюдать принцип справедливости. Кстати, с той поры и до сегодня отчетное собрание перед колхозниками у нас не раз в год, а раз в квартал. И все графы в бухгалтерских отчетах людям известны. Все на виду.

Колхоз хоть и небольшой, а почвы разные. И от дома одно поле далеко, другое рядышком. Если рядышком — и дети могут помогать, почему старшекласников не включить в звено? Мы все это учитывали. Определяли «трудовой потенциал» семьи, а не только количество работающих. Даже здоровье стариков учитывали, даже кто как к делу относится. Одному доверяли, скажем, три гектара на семью, а другому и полгектара хватит. Закрепишь больше — не справится, потеряет урожай.

Ну, а как быть со справедливостью, если один участок близко и на нем могут работать старики и дети, а есть еще и дальние поля? Значит, надо чем-то компенсировать это неудобство. Решили: дальние участки будут побольше. Фонд зарплаты и премий распределится так, что при равном урожае на каждого члена дальнего звена сумма выйдет, большая. Да, но мы же сами говорим, что зарплату начисляет урожай. Выходит, ближним он начислит меньше? Выходит. Но никто не в обиде. Ближним мы даем возможность заработать на шелке. В итоге все получают по справедливости.

Как дорого он стоит, честно заработанный рубль, я поняла по Саидахмату. Теперь, увидев меня, он не отводил глаза в сторону. В первый же год его среднемесячный заработок получился 220 рублей. А у членов его звена — 128 рублей 50 копеек. А главное, мой товарищ почувствовал свою значимость, нужность. Авторитетным стал. Дети — и те гордую осанку приобрели.

Дела в колхозе пошли на лад. В год, когда я среди лета приняла хозяйство, мы выполнили план только на 77 процентов. А уже в следующем выполнили его полностью. Урожай у нас стабильные, из года в год выращиваем по 32—35 центнеров хлопка-сырца. Стабильны и кадры: никто из колхоза не уходит. И, может, не менее, чем хорошей зарплатой, люди дорожат атмосферой порядка. Ведь где порядок, там порядочность... Но и мы живем не в вакууме, все нас касается.

Трудные времена пережила недавно республика. Тоже «стихия» прошла по душам некоторых людей, опустошила их. «Стихия» под названием «приписки».

В нашем хозяйстве, да и во многих других, где к рублю относились не только как к казначейскому билету, но и как к знаку уважения за труд, не пришлось краснеть за людей. Но мне порой перед колхозниками краснеть приходилось. Не за себя и не за своих колхозников...

Мы уделяем технологии выращивания хлопка большое внимание. Тут обработка посевов — одно из главных условий. Поля у нас чистенькие, ухоженные. А в колхозе имени Куйбышева, чьи земли через арык от нас, за сорняком и хлопка не видно. Но вот приходит осень — у соседей урожай выше! Сколько раз ко мне подходили растерянные колхозники: как же так? Мы боялись, чтобы к нам сорняк не залетел, а у них, оказывается, и сорняк вес имеет?

То же и в учхозе, с которым мы по традиции много лет соревнуемся. Проводим взаимные проверки — картина одна: наш хлопчатник лучше. Они не огорчены, даже посмеиваются. И действительно: в конце года выясняется — мы намного от них отстали... Опасное это сравнение, когда у одного старание повыше, а у другого — зарплата. Больше всего боялась, чтоб не позавидовали «легкой жизни» за арыком.

Бывало, подходит колхозник:

— Слушай, раис, мы же не дурачки, все видим. Нам обидно. О чем они там думают? Ты скажи, где надо...

Говорила. Но у меня фактов не было в руках. А причина такого «роста» урожая на засоренных землях всем была известна: приписки... Но и отрицательный урок тоже урок! Напоминала земляку:

— У нас тоже когда-то жили по принципу: один пишем, два на ум пошло. Да ведь в тени «липы» хлопок не растет... Вот теперь и смотри, сравнивай, что лучше — трудиться честно или водить друг друга за нос.

— Да, но им же и почет, и машины в первую очередь!

— А почет ведь дутый! Тебе же перед своими детьми не стыдно...

И такие разговоры убеждали. Да разве только разговоры? Наши хлопкоробы стараются «вплести» в хлопковое во-

лжно характер человека, его судьбу...

...Какая была свадьба у Малики и Тургуна Туйчиевых! Сколько времени прошло, а ее многие помнят, ведь она была первая комсомольская и... без бутылок на столе. Да, мы решили: раз раис (председатель по нашему) женщина, нежеже крепкими напитками увлекаться. На любое семейное торжество всем правлением придем, но с условием: чтоб спиртного не было. Правило по сей день в силе. Правда, на той свадьбе из некоторых чайников еще наливался слишком крепкий «чай», но те чайники были последними...

Веселая, статная, красавица Малика и впрямь была как царевна (так переводится ее имя).

Она носила четвертого ребенка, когда в семью пришло горе: в свои 25 Малика осталась вдовой. Почернела, как то поле после града, убивалась так, что опасались не только за жизнь ребенка, но и за ее собственную. Как будет воспитывать одна четверых? Тогда ведь садика не было, школа — и та в полуразвалившейся мазанке. Всем миром думали, как помочь Малике. Каждый день кто-то бывал у нее дома, пока не пришла в себя. Сына назвала Эдгар — «Память». По совету аскакалов перевели ее в шелководы, нагрузка тут большая, но по времени непродолжительная. Шли в гости и несли листья тутовника — их прожорливым коконам требуется уйма.

Когда дети подросли, перешла на хлопок. Доверили ей сперва звено, потом бригаду. Приняли в партию, я сама давала ей рекомендацию. Видела, как она старается, как отзывчива и доброжелательна к людям.

Наладила Малика дела в шестой бригаде, воспитала сменщицу, Ойпашу Убайдуллаеву, и попросилась в самую большую, пятую бригаду. Там дела шли не очень, хотя планы у нас выполнят все коллективы. Но Малика и эту бригаду подняла высоко. В прошлом году второе место заняли. А Малика у нас и два ордена имеет, и четырежды членом райкома партии была, и столько же раз избирала ее депутатом областного Совета. А как люди к ней тянутся! И сами до сих пор заботятся о ней. Вот недавно выделили нам одну путевку в ГДР. Кого послать? Все в один голос: Малику. Ведь ее Эдгар там служит в армии...

Так хлопок и характер переплелись в одной судьбе. И не только в судьбе Малики — каждого из нас. Точно так же, как мы помогаем хлопку выстоять в трудный момент, так и он нам помог.

Но теперь, чтобы не отстать, надо идти дальше. Ведь и за арыком начали хорошо работать. Кстати, колхоз имени Куйбышева вывел из прорыва наш бывший работник, Мухаммад Убайдуллаев. Сейчас он председатель колхоза «Ленин юлы». Председателем был и его отец, и тоже у нас начинал. В районе из наших, терешковских, немало руководителей, и в период, когда республика, словно шелуху, счищала с себя негодную практику хозяйствования, ни за кого из терешковцев краснеть не пришлось. Мы этим гордимся.

Фото М. ШТЕЙНБОКА.

1 ИЮНЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

«Мне нравится жить на свете, потому что на свете все есть. И море синее, и игрушки. Больше всего мне нравится день рождения. Тогда все вокруг добрые, и я хороший»,— сказал Коля. Ему шесть лет.

Кате уже восемь, она пишет почти без ошибок: «Наша земля большая и уютная. На ней живут дети. Все дети любят сладкое, и я тоже люблю».

«А я больше всего люблю болеть»,— призналась третьеклассница Аня.— Когда болеешь, смотришь в окно и ждешь, когда придет весна. Я люблю весну, потому что светит солнце и все березы распускаются. А еще я люблю математику...»

Володя постарше, он уже в пятом классе:

«Я хотел бы познакомиться со всеми детьми на свете. Как они живут, во что играют, есть ли у них рядом с домом лес и речка? Я понимаю, что всех детей узнать нельзя, ведь их очень много. Но я бы хотел, чтобы у меня были друзья не только в нашем классе, но и в нашей стране, а еще в Африке и в Америке. Я посадил бы этих друзей в автобус и отвез их в наш пионерский лагерь».

«Самое главное мое желание,— сказала четырехлетняя Ира,— иметь собаку. Большую или маленькую, мне все равно, я всякую буду любить».

А самая младшая участница нашего разговора, трехлетняя Маша выразилась совсем кратко: «Главные на свете — это мама, папа и я!»

Так говорят дети. Они точно знают: жить хорошо. Даже когда болеешь или долго, долго ждешь, пока тебе подарят щенка. Хорошо жить малышу, чей мир охраняют мама и папа. Хорошо жить детям в мирных селах и городах, под небом, которое становится пасмурным только оттого, что идет дождь. Сберечь под этим небом ребенка его родной дом, речку и лес — что может быть важнее на свете?

Т. ИВАНОВА

МНЕ НРАВИТСЯ ЖИТЬ

Фото А. РЯБКО.

НА СВЕТЕ

НАША ВЗЯЛА!

Все силы собрали в кулак, не различали дня и ночи, но первые пятилетки выполнили. Выстояли. Победили врагов нашей молодой страны, свое неумение, незнание, лихую бедность, вековую неграмотность. Победы были беспорны, безусловны. Успехи блистательны. Да, будни, но — великих строек. Сбивалось то, что революция обещала женщинам. Первые трактористки, первые летчицы, первые женщины-капитаны — как же гордились ими, как их любили! Это упоение — «мы можем все!» — чувствуется в публикациях «Крестьянки» тех лет. С июня 1922-го журнал — летописец новой жизни, друг и советчик деревенских женщин. 65 лет в этом июне исполняется со дня выхода первого номера. Голоса увлеченных, поверивших в себя людей звучат со страниц старых номеров. Вслушаемся в них.

ПЕРВЫЕ ЛАСТОЧКИ

Весной 1932 года в селе Кочетовке Центрально-Черноземной области был организован женский тракторный отряд из шестнадцати человек. Бригадир Клавдия Наволокина, двадцатитрехлетняя кандидат в члены ВКП(б), умело наладила работу отряда на шести тракторах, и женщины по выполнению производственных показателей заняли место в первых рядах отрядов Токаревской МТС.

Кулачье и хулиганы стараются подорвать работу женской тракторной бригады, растоптать авторитет колхозниц, овладевших трактором. Однажды на женский отряд, работавший в ночную смену, налетели хулиганы, пытались сломать машины, изувечить девушек. Но трактористки сумели отбиться от хулиганов.

В общем, карты кулачества остаются битыми. А по опыту работы кочетовского женского отряда на Токаревской МТС организован второй такой же отряд, который возглавила комсомолка Ирина Невжина.

Е. ФИЛИППОВА

ПРИКИНУЛИСЬ НИЩИМИ

Как только в селе Большой Мелик Балашовского района узнали о введении налога на культурные нужды, в тот же день созвали общее собрание села.

«Культурное строительство отстает от общего темпа социалистического строительства, и нужно самим колхозникам

и единоличникам активно менять это положение». — говорится в резолюции собрания.

Решено было в кратчайший срок взять с кулацкой части налог, а все контрольные задания выполнить досрочно. Созданы были ударные бригады, в которых активное участие приняли женщины. Бригады заключили между собой договор по соцсоревнованию и в течение двух дней собрали 875 рублей.

И тут не обошлось, как всегда, без кулацких проделок: кулаки, прикинувшись нищими, усиленно кричали, что деньги собираются не на культурные нужды, а кое-кому на жалованье... Но кулацкий трюк был вскоре вскрыт. Кулакам пришлось уплатить причитающуюся с них долю налога полностью.

Бригада колхозниц

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПАСХА

Кто не помнит, как проходила в деревне пасха? Пройдет «великий пост», наступит «разговенье». Пойдет поголовное пьянство, ссоры, обжорство, драки. А на всю эту безотрадную картину снисходит «божья благодать» — разливается церковный звон и поповские песнопения.

Только прошлый год удалось мне, старухе, взглянуть по-новому на этот «праздников праздник», а помогли комсомольцы. Они вместе с учителями и школьниками организовали свою «комсомольскую пасху».

В школу пригласили всех желающих, а таких набралось очень много. Вначале

нет страницы

нет страницы

ПРИНЦ ИЗ ВОЛШЕБНОГО ЯЩИКА

Прочитаем письмо из нашей почты:

«Сегодня у меня поднялась температура. После того, как вы напечатали фото Валерия, я буквально места себе не нахожу, стала какой-то неимоверной. Моя подруга уверяет меня, что он думает одно, говорит другое, поет третье... Но я ей не верю. Не верю никому, кроме него. Он самый прекрасный человек на свете. И я знаю, что создана для него, в нем моя жизнь, судьба, печаль и радость. Я уже в прошлом году болела из-за него, перестала спать, есть, потому что думала каждую минуту только о нем. Поймите, я просто умираю без него, никто и ничто не мило, вокруг пустота. Любовь к нему заполнила все сердце и скоро будет выходить из берегов. Мне очень больно сейчас, а в душе звучат слова Аллы Борисовны Пугачевой: «Прости, поверь, и я тебе открою дверь, и я прощу, и никуда не отпущу...»

Наташа К.,
Свердловская область».

Как отвечать на такое письмо? Обидишь девушку неосторожным словом, а оно окажется решающим... Подумать только, какую силу над нами имеют просто чувства, просто мысли, просто слова!

Но что же случилось? Девушка восемнадцати лет влюбилась в артиста эстрады. В письме она называет и свою фамилию, и возраст, и адрес, намеренно ничего не скрывая. Право на любовь к незнакомому с ней Валерию Наташа отстаивает даже с вызовом. Потому что не раз слышала и не хочет еще раз выслушивать неинтересные ей советы — посмотреть получше по сторонам, приглядеться к соседу, поискать в нем те прекрасные черты, которыми пленил ее герой телевизора. И Наташа совершенно права! Любовь есть любовь, она не терпит подмены, сосед, даже самый симпатичный, здесь ни при чем. Выбор пал на известного всем артиста не потому, что у Наташи не нашлось душевной чуткости разглядеть своих ближних. И не потому, что она хочет соприкоснуться с чужой славой, погреться в отраженном звездном свете. Все и проще, и сложнее, и куда непроизвольнее. Сердце готово любить, в душе блуждает какой-то смутный образ, и вдруг в один прекрасный момент все сходится! Он спел именно те слова, что ты давно знала, только не умела выразить. Он с грустной полуулыбкой взглянул на тебя с экрана, и ты поняла, что другим он быть не может — только это лицо, этот неповто-

римый наклон головы... Он процитировал в интервью любимого тобой поэта, и оказалось, что ближе, роднее у тебя нет и не было человека. Все смутные чувства, все лучшие порывы и надежды соединились с ним. Он вошел в сердце беспрепятственно и занял в нем тронное место.

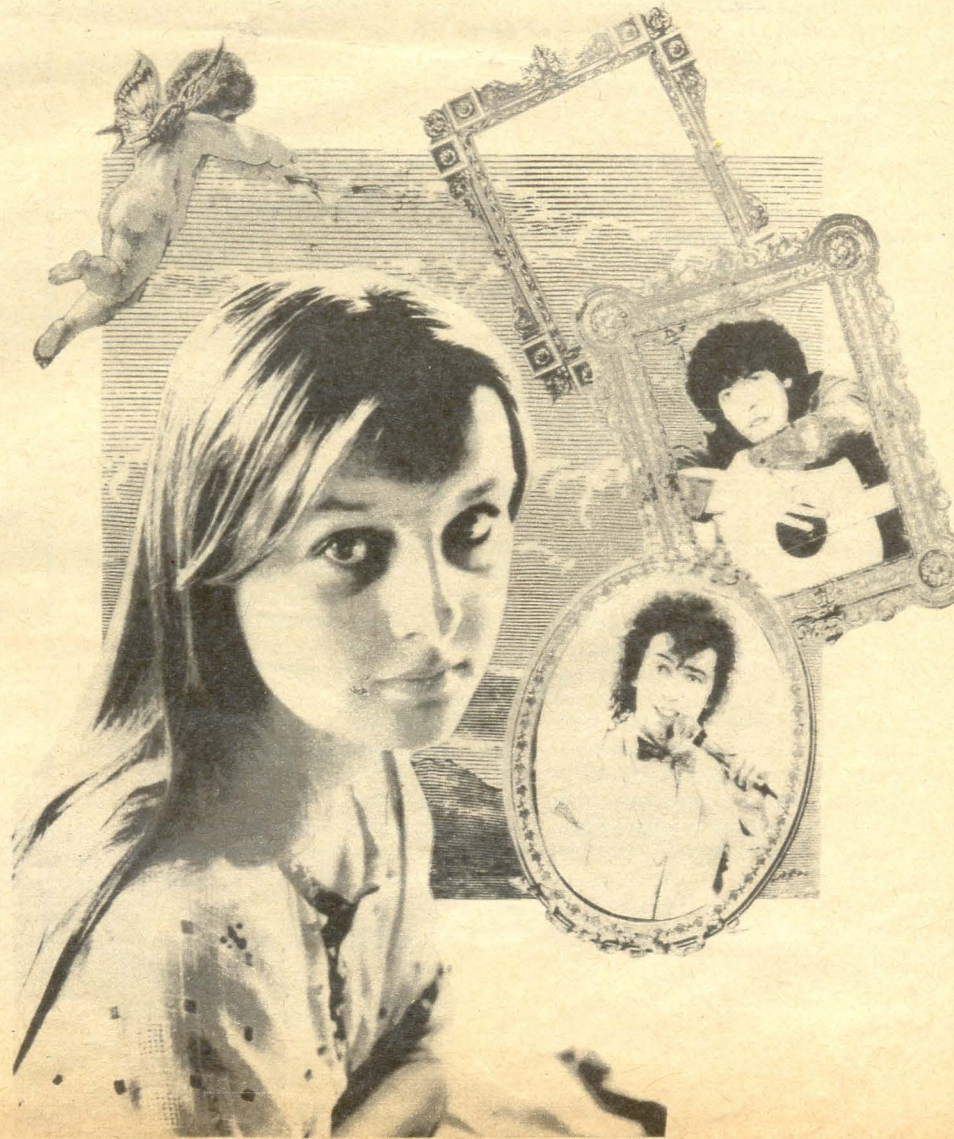
Пушкин назвал первую любовь делом чувствительности и добавил с юмором и с нежностью: «чем она глупее, тем больше оставляет по себе чудесных воспоминаний». В чем заключается глупость первой любви, а может быть, и ее несравненный ум? В том, что предмет ее наделяется всеми мыслимыми достоинствами. Чем он отстоит дальше, тем, естественно, легче облечь его в идеальные одежды. Киноактер, артист эстрады подходит для этой роли стопроцентно, его бесплотный образ

не в состоянии противиться стремлению видеть в нем лучшего из людей. И разве это так уж глупо, плохо? Воссе нет. В это время душа работает, романтические грезы множат связи с реальным миром, сердце учится любить, быть верным...

Я спрашивала женщин разного возраста, было ли в их юности, отрочестве что-то подобное, и почти все отвечали утвердительно. Другое дело, что на свои прошлые чувства они могли взглянуть без горячки, объяснить, что же это было такое.

Все сходилось на том, что в любимом артисте так или иначе воплощался идеал. У одних он был черноволос, с узкими загадочными глазами, хладнокровный и бесстрашный. У других белокур и задумчив, в печальных глазах неизясынимое благородство. У третьих некрасив, но страстен. Русский тип, восточный, цвет волос, глаз, как сидит в седле, как целует женщину руку, танцует, откидывает прядь со лба... Эти подробности впечатались в память с большей силой, чем сюжетные перипетии фильмов, в которых снимался любимый актер. И, видимо, не случайно. Идеал был избран по внешним данным, а уж дальше воображение на полную мощь дорисовывало идеальный образ, дальше работали чувство и мысль. Но первым — первым было поражено зрение. Думаю, то же самое случилось и с нашими корреспондентками. Это важно знать, когда думаешь, где же выход из подобных драм...

Первое время любви — самое светлое и деятельное. Можно двадцать раз посмотреть один и тот же фильм, скупить все

карточки любимого в газетном киоске, глядеть «от» и «до» все эстрадные программы в надежде, что споет он, переписать песни в тетрадь, листать газеты и журналы, выискивая несколько строк про него, от него... *«Я на всех своих тетрадях и на своем окне написала имя своего любимого. Я сижу на уроках и пишу его на листочках снова и снова. Дома в моей комнате на столе, на стуле, на стене, на шкафу и даже на полу написано его имя...»* Но что же дальше? *«Я эти бумажки пишу от горя, бросаю на пол, как маленькие листовки, горе мое заключается в том, что нет сию минуту рядом со мной этого человека...»*

Люди устроены по-разному, по-разному воспитаны, у каждого свое чувство меры. Речь не столько о пыле и темпераменте, сколько о разуме сердца, который подскажет, что можно, а что нельзя, где начинается запретная и опасная зона.

Девушка замкнутая, робкая, может быть, и подруге не раскроет своей тайны. Другая неделю проносит в кармане письмо с просьбой подписать фотокарточку да так и не решится его опустить. Или решится, а получив автограф, будет счастлива. Но лейтмотив примерно половины писем — хочу быть рядом с ним, сейчас, немедленно, сию минуту, а то за себя не ручаюсь... Из писем выпадают фотокарточки милых и красивых девушек. Одна готова избраннику почистить ботинки, отвечать на телефонные звонки, бегать в булочную и аптеку, сторожить сон. Другая согласна только на роль жены, в крайнем случае подруги. Ее убеждение свято и непоколебимо: со мной одной он будет счастлив по-настоящему, потому что никто на свете не любит его так сильно! Но проходит время, предложения их остаются без ответа, и тут начинаются случаи страдания.

«Почему он не отвечает? Ведь я не могу без него жить, я же ясно написала это в письме! Или он не добрый, не светлый человек, каким представляется на эстраде, а жестокий и злой, безразличный к чужому горю и чужой душе? Почему он не отвечает?»

Мне приходилось брать интервью у разных артистов, неизбежно вставал вопрос и об откликах зрителей. В почте каждого среди писем, оценивающих его работу, попадались любовные признания. Реакция на них у разных актеров и певцов была одинаковой.

В пору, когда известность только приходит, письма любовного содержания трогают, кажется невозможным оставить их без ответа. Завязывалась переписка, которую потом приходилось обрывать. Предположим, артист отнесся со всей сердечностью к такому письму, поверил, что «только с ней одной он будет счастлив». А письма все идут, и слова в них повторяются: кому отдать предпочтение? Не может один человек жениться сразу на ста девушках!.. Словом, переписка кончалась, сыпались упреки и укоризны, приходилось сделать единственный вывод: менее жестоко просто не отвечать.

Да, профессия выводит артиста на сцену, на кино- и телеэкраны, его видят сотни и миллионы зрителей. И аплодисменты, и признание, и зрительская любовь — все

это входит в рамки профессии. Даже автографы, которые он с улыбкой раздает после выступления, мечтая в этот момент отдохнуть, тоже неизбежная ее принадлежность. Но суть его работы не в том, чтобы нравиться нам, а в том, чтобы своим искусством тронуть нас, открыть нам что-то в окружающем и в самих себе, просто поднять настроение, развлечь, вызвать улыбку. Ни один еще не вышел на сцену и не сказал: «Я ищу жену. Пишите по адресу...» Так почему же те, кому он нравится, кто уверяет, что любит его без памяти, не задумаются о предмете своей любви? Ну, хотя бы о том, что он тоже человек, который работает, устает, у которого есть семья, и он водит ребенка в садик, бегает за молоком, стоит в очередях. Почему любящие его не хотят понять, что у каждого из них есть право на личную жизнь, неприкосновенное право...

Невозможно усомниться в искренности писем, которые мы цитировали. Действительно, что называется, свет клином сошелся, и, чтобы его «расклинить», чтобы романтическое чувство не стало психической травмой, надо кое-что переосмыслить, стронуться с мертвой точки.

Непросто отказаться от своей любви, когда ею заполнена вся душа, а все стены в доме исписаны дорогим именем. Но можно попытаться дать себе отчет, кого ты любишь. Живого человека или образ, созданный певцом на сцене, актером в фильме. Живой человек не то, чтобы лучше или хуже, он просто может оказаться совсем иным, далеким от выдуманного идеала. Очевидно одно: этот человек очень нравится тебе внешне, отказываться от надежды на встречу с ним больно, ведь он кажется самым прекрасным на свете! Но пережить это легче, чем разлуку с человеком, которого знаешь и любишь в нем то, что знаешь. А пережить это «расставание» все-таки придется.

Мне могут возразить: но кто-то же выходит замуж за них, живет бок о бок, воспитывает детей! Людей сводит судьба, как она может свести и наших корреспондентов, и со случайным встречным, и с давно знакомым, и с артистом эстрады и кино она тоже может их свести. Вот только любовные послания, которыми у известного артиста забит почтовый ящик, в роли судьбы не выступают.

Бестактно вторгаться в чужую личную жизнь. Вряд ли наши корреспондентки позволили бы себе такое отношение к соседу, однокласснику, однокурснику. Сразу бы вспыхнули запретные огни: и робость, и гордость, и стыд показаться навязчивой. Редкая девушка не обладает этими качествами. Куда же они деваются, что побуждает отречься от себя, когда на экране появляется далекий любимый?

У каждой любви есть свой срок. И пока срок не кончился, пусть она длится. К идеалу, к выдумке, к человеку, за которым предполагаешь душевную красоту и благородство, чей образ бережно хранишь в сердце. Пусть длится любовь, но пусть не выходит из берегов, не искривляет течения жизни, а остается чувством светлым и бескорыстным.

Т. ШОХИНА

Фото Г. МАЛОФЕЕВА.

Приходилось ли вам когда-нибудь задумываться: почему в сказках всех времен и народов действуют злые мачехи, но ни в одной не встретишь злого отчима? Не в том ли кроется причина, что, овдовев (как в сказке) или расставшись со здравствующей супругой (что чаще всего происходит в наши дни), мужчина искал прежде всего подругу для себя, а женщина (не всегда, разумеется, но в большинстве случаев) — отца детям. Все ли помнят, что молодая вдова Наталия Николаевна Пушкина не раз и не два отказывалась от самых заманчивых и лестных предложений, едва претендент на ее руку заводил речь о том, чтобы четырех маленьких Пушкиных определить в закрытые заведения, а брак ее с Ланским оказался удачным не в малой степени потому, что тот никогда не делал разницы между своими дочерьми и детьми Пушкина.

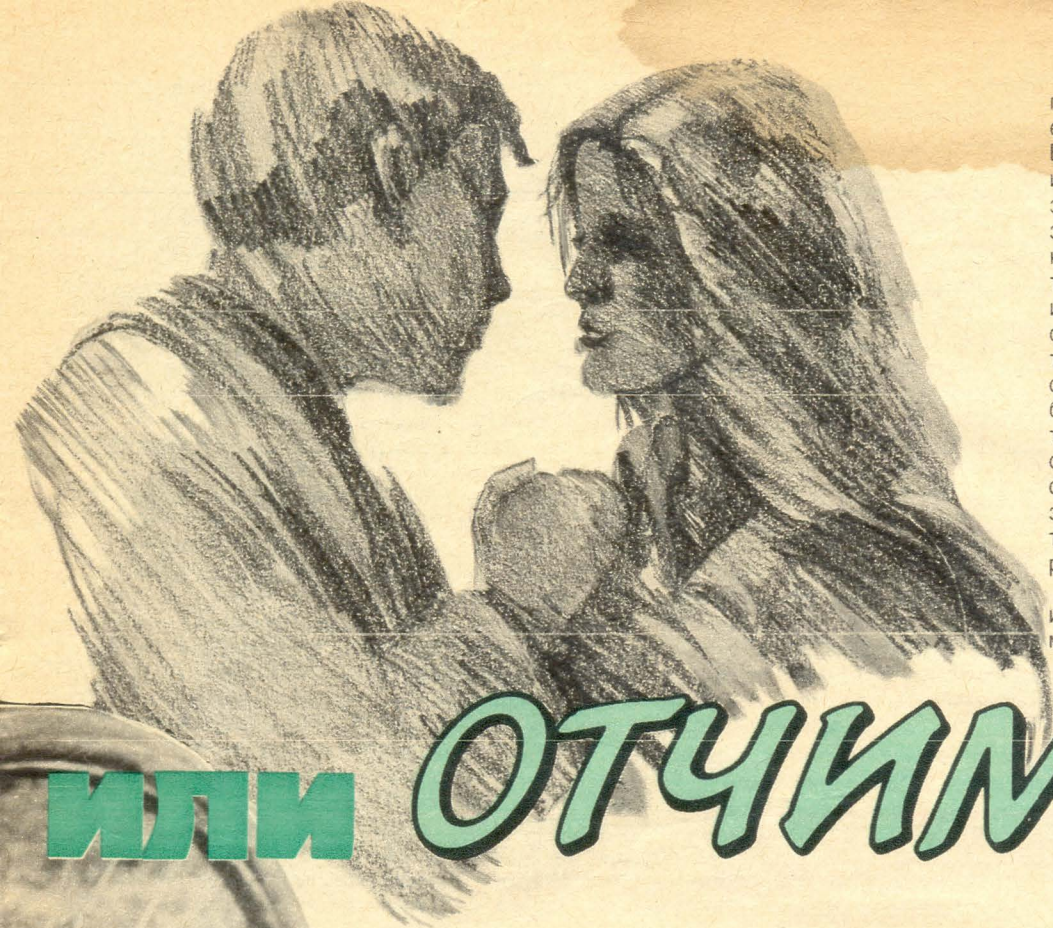
ОТЕЦ

Проблема, как видим, существовала во все времена. Сейчас она многократно обострилась по той же причине, что мачехами и отчимами становятся отнюдь не только потому, что занимают место покойного супруга. А это, нетрудно догадаться, во много раз сложнее.

Сын моих близких друзей, тридцатипятилетний «разведенец», тяжело переживший крушение первого брака, по счастью, не успел обзавестись детьми, наконец, после нескольких лет одиночества, решил жениться. Родители счастливы и боятся даже намекнуть сыну о своих опасениях. Между тем для опасений есть все основания. У избранницы сына растет девочка. Ей тринадцать. Не лучший, прямо скажем, возраст для того, чтобы обзаводиться папой. Тем более, что, еще не вступив в законные права маминного мужа, будущий отчим уже делает попытки воспитывать девочку. Ему далеко не все нравится в ее поведении: она, например, может встать из-за стола, не поблагодарив за обед, разбрасывает где попало не только верхнюю одежду, но и те ее интимные детали, коим вообще не положено быть предметом всеобщего обозрения.

Все так. Мыслимо ли, однако, не выполнив еще ни одной из отцовских обязанностей, не завоевав ни привязанности, ни доверия, пользоваться отцовскими правами? Но будущий муж девочкиной мамы именно с этого и начинает. Он одергивает девочку (повторю, по делу все его замечания справедливы), внушает ей правила хорошего тона, ведет с ней нравоучительные беседы, нисколько не заботясь о том, достигаем ли чего-нибудь, кроме раздражения...

Обращается (причем в три издания под копирку) некий В. Д. из Киевской области. Он женат четыре года и крайне недоволен

падчерицей. Она не моет посуду, не стирает, не гладит белье, не ходит в магазин. В семнадцать лет обзавелась мальчиком и сообщила, что собирается выйти за него замуж. Когда же новоявленный папа выразил по этому поводу недовольство, Тася как отрезала: «Не ваше дело!» Грубо ответила, что и говорить. Но, может быть, и впрямь не следовало высказываться по столь деликатному поводу. Если бы за четыре года удалось маминому мужу стать не отчимом, а отцом, девочка, вероятно, сама бы пришла к нему за советом. Но раз уж так не случилось, раз люди, которых чистый случай собрал под общей крышей, остались, в сущности, чужими, значит, разумнее всего занять позицию невмешательства: пусть мама с дочкой сами разберутся.

Сколько неприятностей случается именно на этой почве — из-за попыток самовольно присваивать себе права, которые

ИЛИ ОТЧИМ ?

приходится подчас завоевывать годами. Когда-то мне приходилось писать о семье, из которой мамин сын вообще ушел, потому что отчим посмел поднять на него ремень. Дело было не только в том, что парню в ту пору стукнуло уже четырнадцать и он даже родной матери не позволил бы такого. Но отчим? Тут же возникает вопрос: «А вы, собственно, кто такой?»

И в самом деле, кто же он такой детям — имеется в виду мужчина, вошедший в их жизнь на том единственном основании, что приглянулся маме? Думают ли мужчина и женщина, соединяя свои судьбы, именно об этой стороне дела, может быть, самой важной? Пусть в их отношениях все сверхгармонично и ладно, но если дети, малолетние дети, которые не могут просто хлопнуть дверью и уйти, не приняли того, кого навязали им в отцы, добра, конечно, ждать не приходится. И силой тут ничего не добьешься.

Все осложняется еще и тем, что чаще всего у мальчиков и девочек из распавшихся семей есть родные отцы. Нынче они не исчезают бесследно (во всяком случае, чаще всего), а предъявляют, в том числе и вполне официально, свои родительские права. Наивен тот, кто полагает, что можно попросту вырвать из жизни как бы начерно написанные, неудавшиеся ее страницы. Нет, прошлое не проходит — оно остается. Причем нередко чувства кровного отца, не слишком горячие, пока была возможность проявлять их в нормальных условиях, после развода вспыхивают с неожиданной силой.

Женщине казалось, что, расставшись с «плохим» мужем и выйдя за «хорошего», она гарантирует ребенку хорошего отца. Если бы все было так просто! Человеческие связи плетутся годами, в них немало таинственного, непонятного. «Мой нынеш-

ний муж — просто сокровище, он так привязан к моему ребенку, готов его усыновить, а тот, прежний, портит нам жизнь, не дает согласия на усыновление, непрерывно дергает мальчишку, напоминает о себе. Говорит, любит сына. Но разве это любовь?»

А я спрошу: разве есть такие весы, на которых можно точно определить меру любви? Но одно безусловно: не надо торопиться и торопить события, которым трудно, а то и невозможно придать обратное движение. В первую очередь этот совет касается усыновления. Хотелось бы напомнить мужчинам и женщинам: усыновление — акт юридический. Помимо нравственной стороны, которая регулируется собственной совестью, здесь есть сторона сугубо правовая, когда последнее слово произносит закон. Об этом, к сожалению, нередко забывают.

Забывают о том, что, усыновляя ребенка, человек вступает в отношения уже не с матерью, а с ним самим. Если не удался брак с женщиной, его можно расторгнуть. Когда речь идет об отчине, усыновившем ребенка и, значит, ставшем в глазах закона его отцом, ничем не отличающимся от кровного, отменить обязанности, которые в связи с этим возникают, практически невозможно.

Говорю, наученная горьким опытом одного недавнего дела, которым пришлось долго и безуспешно заниматься. Молодой человек женился на женщине, у которой был маленький ребенок. Они не прожили вместе и года, а мать ребенка принялась энергично настаивать на том, чтобы муж оформил усыновление. Брак с отцом малыша не зарегистрирован, и, значит, никаких препятствий к усыновлению не было. Тем не менее молодой муж сомневался, тянул со столь ответственным решением, и, забегая вперед, скажу: был стопроцентно прав.

Однако жена стояла на своем, ставя немедленное усыновление условием сохранения брака. И муж сдался.

А развод не заставил себя долго ждать. Едва «отчим» стал «отцом», законная супруга заявила, что жить с ним больше не желает, что у нее есть любимый человек, с которым она и намерена соединить свою судьбу. Ну, а нелюбимый пошел, как говорится, солнцем палимый. Может быть, и боль, и обида со временем потеряли бы свою остроту, если бы не исполнительный лист, который незамедлительно поступил по месту работы бывшего мужа. Он туда, сюда. А ему в ответ: «Все правильно. Оснований для отмены усыновления нет».

Когда я слушала эту печальную историю (из уст пострадавшего), меня, как и всякого нормального человека, переполняло негодование. Мне казалось: чушь какая-то, почему молодой мужчина, сам едва вышедший из юношеского возраста, должен расплачиваться за то лишь, что попал в ловко расставленную сеть. Разве не ясно, что он стал жертвой мошенницы? Не было, наверное, специалиста в области гражданского права, к которому я не обратилась бы за разъяснениями. И все в один голос твердили: «Да, переплётёте. Вызволить из него может только очень опытный и умелый адвокат, который докажет, что усыновление в его нынешнем виде противоречит интересам ребенка. Но добиться этого нелегко».

В самом деле, какие доводы должны сработать? Отца-усыновителя не допускают к сыну? Этот сын называет папой другого человека? Но разве так не случается сплошь да рядом и в тех случаях, когда отец кровный? И разве хоть один суд усмотрит тут причину для отмены алиментов?

С сожалением должна признать: мне не удалось помочь незадачливому молодому человеку. Не знаю, добился ли он чего-нибудь (давно не пишет и не звонит), но не удивлюсь, если окажется, что по-прежнему он расплачивается за свое недолгое «отцовство».

Могут спросить: а что же делать? Так хочется, чтобы все было по-людски. Так хочется забыть, что ребенок неродной. Все правильно и все понятно. Но игры с законом весьма опасны. Надо быть предельно уверенным в прочности вновь возникших отношений, прежде чем производить в собственной жизни и тем более в жизни сына или дочери столь радикальные перемены.

Опять же недавний пример. В редакцию пишет женщина. Ее дочери было двенадцать лет, когда в жизнь семьи вошел мужчина, едва ли не с первых дней изъясивший готовность стать девочке отцом. Все было сделано в мгновение ока. Родной отец не противился — дал согласие. Неродной торжественно вручил дочке новые документы. А три месяца спустя супруги расстались. Спокойно, без взаимных претензий и в отличие от предыдущего случая без исполнительного листа. Что же осталось от недавнего брака? А только то, что девочка отныне носит фамилию и отчество человека, не имеющего к ней ровно никакого отношения. Самое забавное (а может быть, печальное?), что мама осталась с прежней фамилией — она вернулась к ней при разводе. И теперь пишет во все концы: нельзя ли вернуться к прежнему (года не прошло) состоянию. Нет, объясняют сведущие люди, девочка сможет изменить фамилию лишь тогда, когда ей минет шестнадцать и она будет получать паспорт.

Итак, еще и еще раз: если и замуж надо выходить, и жениться осматривательно, а не очертя голову, то уж не семь, а семьдесят раз лучше отмерить, прежде чем резать по живому.

...Родители расстались, когда их дочери было четыре года. Несмысленно — что помнит эта девочка о раннем-раннем детстве? Кто знает? Только годы спустя, когда ее мама вышла замуж за отличного человека, девочка отказывалась называть его папой, хотя и маме, и ее мужу очень этого хотелось. Но всякий раз, когда на нее пытались (очень осторожно) надавить, она упрямо опускала голову: «Вас же зовут дядя Коля, а моего папу — Федя». Так прошло ни много ни мало — двадцать лет. Девочка уже сама стала мамой. И однажды, зайдя в комнату, где углубившись в книгу, сидел отчим, она окликнула его: «Папа, смотри, что Мишка нарисовал» — и протянула рисунок своего сынишки. И седой человек, закрыв лицо руками, заплакал.

Почему? Что случилось? Отчего барьер, который казался непреодолимым, вдруг рухнул, открыв отцу и дочери (хотя формально они не отец и не дочь) всю меру их

действительной близости? Почему понадобилась целая жизнь, чтобы настал этот час? Кто знает! Как яблоко должно созреть на родной ветке, так и чувство. Любое, но более, может быть, всего то, что возникает между ребенком и взрослым, если вчера еще они были чужими, а сегодня стали семьей.

Вот это главное условие — семьей. Чтобы отец был именно отцом всем детям, которые растут в доме, независимо от того, кто из них «твой», кто «мой», а кто «наши»... Сколько горечи выпадает тому, кто ни на секунду не забывает, что мужчина ласкает младшего братишку потому, что приходится ему отцом. «А я-то чего жду — мне-то он отчим». Вообразите, каково расти с этим сознанием. И ведь оно, такое сознание, не исключительно. Распадаются браки, на их развалинах возникают новые семьи. И вот...

«Не знаю, что и делать. С первым мужем рассталась: он пил до потери образа. Долго не решалась снова выйти замуж, но нынешний муж меня убедил больше всего тем, что обещал стать отцом сыну. А вышло... Все вроде было ничего. То есть неправда — с самого начала мой малый ему не понравился. И то не так, и это не эдак. Я терпела, не вмешивалась — парень-то мой не клад, конечно, и не сахар. Думаю, ладно — перемелется, мука будет. Но не мука у нас получилась, а мука. И особенно после того, как родилась дочка. Муж от нее без ума — такого отца поискать. Но старшего словно вычеркнул. Он его принципиально не замечает. А я боюсь: у парня такой возраст — вдруг он что над собой сделает».

Это письмо из Ярославской области, к несчастью, тоже не составляет исключения. Что тут скажешь, что посоветуешь? Расстаться с мужчиной, которому не хватило ни великодушия, ни обыкновенного достоинства, чтобы не подчеркивать так явно разницу между кровным ребенком и пасынком? Но ведь младшую осиротишь, тоже плохо. Единственный, наверное, выход — не прикидываться, не делать вид, что все в порядке, обсудить со старшим сыном проблему так, как если бы он был взрослым. Попросить его по-человечески: «Потерпи, сынок, ты уже вырос, скоро свою семью заведешь, будешь жить отдельной от меня жизнью. Ты рос без отца — знаешь, как это плохо. Пусть хоть маленькая знает отцовскую ласку». Может быть, и помогут, покажутся убедительными материнские доводы. А может... Куда легче проносить такие речи, отвлекаясь от живых обстоятельств, чем прикасаться к боли, которая не утихает ни на час.

Вот и хочется попросить: как бы ни горько было женское одиночество, как бы ни была велика тоска по сильной мужской руке, а все же надо сначала убедиться, что это именно сильная рука. В том смысле, что на нее можно опереться, а не в том, что она способна больно ударить. Такая уверенность нужна более всего, когда шагнув друг другу навстречу, мужчина и женщина связывают не только две собственные судьбы, но и судьбы своих детей. Детям нужны не мачехи и отчиму, а матери и отцы. Проверьте себя на готовность стать ими...

Ирина ОВЧИННИКОВА

КТО ВАС ЛЮБИЛ...

Нелли КАМЫШИНСКАЯ

Рассказ

Я работаю в маленьком учреждении. Обслуживаем какой-то трест с длинным названием: «сельхоз» и «ремонт» и что-то еще. Летом у нас очень хорошо, тишина, и двор уютный, а возле окон наших растет трава... Такая коротенькая и кудрявая. Иногда кажется, что никто и не знает, что ты сидишь тут. Правда, одно плохо: полуподвал. Поэтому окна у нас только чуть-чуть приподняты над землей. Вот если представить себе, что окно — лицо, то у наших окон виднеются только лбы. Чем мы занимаемся?.. Такое занятие, что даже рассказывать неинтересно. Бумаги, бумаги, папки, книги... А в них — сельхозинвентарь. И цифры, цифры, в сумме, итога — вот такая работа.

А такую работу обычно женщины делают. И у нас тоже — одни женщины, семь человек. Начальник — мужчина, но он не с нами сидит, а в другом месте, в конце коридорчика. У нас очень хорошо! У нас, как закон, взаимопомощь и взаимосимпатия. А это ведь ценно. И я работой своей дорожу. И мы здесь все работаем уже по многу лет.

Но вот что случилось у нас совсем недавно, так этого на первый взгляд ни понять, ни объяснить невозможно. Все вдруг стали гадать на картах: молодые, старые... Все!

Начну издалека. Среди нас есть женщина, которая и раньше гадала себе на картах, причем ежедневно, она без этого жить не могла!

Зовут ее Тамилла. Языкастая, суматошная!.. Даже, знаете, въедливая. Но мы к ней привыкли и любим ее, потому что сердце у нее, несмотря ни на что, очень доброе, даже больше скажу, совершенно детское сердце. И знаете, странное дело, ей под сорок уже и вся в морщинах, а личико детское, возможно, из-за очков. Она как-то не ладит с очками и все время дергает их и ставит на место, но не руками, а просто сморщивает нос и щеки... Очень потешная наша Тамилла.

Потешная-то потешная, но одинокая, одна как перст. Как разошлись они с мужем, так с тех пор Тамилла перебивается как-то, совсем одна. И гадает она с тех самых пор на своего бывшего мужа, и только на него одного, и каждый день, и таким образом все о нем знает. Конечно, когда такое впервые увидишь, то может, и рассмеешься... Она ведь не

молча гадает, она разговаривает со своим мужем, да еще так громко и с таким выражением, как артистка, и еще словечки всякие подпускает и хохочет. И мы тогда тоже смеемся. Бывает так, что совсем не смешно, ну,нисколько, но наши, будто нанятые, ей-богу, спешат подыграть: она ведь к смеху привыкла и ждет его, мы и смеемся. Ведь все же всё понимают.

Происходит это обычно в обед. Достает колоду Тамилла и приговаривает:

— Насколько я поняла, вчера у нас было свидание с бубновой дамой. (А муж Тамиллы — так же, как и она, — вторично в брак уже не вступал. Но и к Тамилле, однако, не хотел возвращаться.) Очень мне любопытно, чем же кончилось это свидание... Н-ну, посмотрим. Ах, вот оно что. Денежный интерес. Товарищи, слышите — денежный интерес! Ха-ха! Бедняжка не знает, насколько нищ этот синьор. Как ржавый чайник! Ах, бедняжка, но... Но ничего, ты не первая так заблуждаешься. Минуточку! Так чем же вы вчера занимались?.. (Понятно, самое время смеяться. Мы смеемся.) А они смотрели вчера телевизор! — объявляет Тамилла. — И пили какао. Ну?.. Как вам такое свидание? — а мы хохочем, мы умираем.

А потом еще целый день вспоминаем (что ж делать?), нет-нет да и примемся ворошить вчерашнее происшествие: кто-нибудь пишет, считает и неожиданно колкость ввернет по адресу этой парочки. Тамилка живо откликнется, опять смеемся. А ей приятно.

Так что, как видите, карты у нас бытовали давно. Но что же из этого? Никого лично это не касалось. И вообще в этом не было ничего заразительного. Ведь это же было чудачество, если хотите, болезнь. Болезнь разбитого, одинокого сердца. Из-за Тамилки нам карты даже противны стали, они нам до смерти надоели, мы их ненавидели, но ведь муж-то к ней не возвращался...

И потом другое еще очень важно: никто не верил, что Тамилка умеет гадать! Вера Петровна как-то (от нечего делать) взяла и сказала: «А ну-ка и на меня раскись!». А Тамилка скривилась и стала ее отговаривать.

Но вот однажды... Как раз в июне мы проводили Веру Петровну на пенсию. И появился у нас новый сотрудник. Распахнулась дверь, вошел начальник,

а за ним и женщина. Он сказал: «Вот прошу, чтоб любили и жаловали».

А у меня тогда, помню, сердце забилось, забилось... Ведь коллектив у нас спаянный, у нас так легко дышалось, и говорилось легко, без оглядки. Так вот не хватало нам ложки дегтя! А эта женщина чем-то и с виду похожа была на ложку дегтя. Очень маленькая, но вид презлющий. Непонятно было, сколько ей лет. Однако волосы очень черные, от прямого пробора гладко стянуты, и в них — ни волоска седого...

В первый же день и случилось главное. Из-за Тамилки, конечно. Она оказалась в обычном репертуаре, она и работать не могла, так маялась, она бросала всякие взгляды на нас, а мы все, как один, ей делали жуткие глаза, но нужно же знать Тамиллу, она просто не от мира сего и плюет на многое, и воздержаться не может, не в состоянии... И под конец рабочего дня она наплевательски и специально с грохотом выдвинула ящик и с бравым видом принялась тасовать колоду. А потом разложила карты, правда, молча. Можете представить себе, какая, наверное, это была неожиданность для нового человека! Мы все уткнулись в свои книги и в душе стонали от отчаяния.

А новая женщина сразу же все и заметила. Кстати, мы уже знали, что зовут ее Екатерина Ивановна, и голос слышали. Так вот, увидела, приподняла брови озадаченно.

— Что это вы делаете? — говорит. — Позвольте колоду.

Мы не дышим.

А Тамилла так это, с независимым видом смешала карты, сложила и протянула той женщине через мой стол. А сама посмотрела на нас, будто прощались.

— Пожалуйста, — говорит. И губы поджала. Мол, я взрослый человек, что хочу, то и делаю!

Тогда посмотрела женщина на Тамиллу, потом на колоду, потом опять на Тамиллу, потом легонько потасовала карты и вдруг говорит:

— Я рискую, конечно... — и на часы посмотрела. — Но кто не рискует?

И видим — наши карты начинают раскладываться... Да не в ящике, а прямо сверху на своем столе!

— Тихон Палыч уже не вернется, — говорит. Мы тоже так думали, он после обеда в трест уехал и в таких случаях

не возвращался, как правило.— Я погадаю вам. Если вы согласны.

Хотя никакого ответа от нашей Тамилки, то есть согласия, она не ждала... Разложила карты, потом рассмотрела их и сгребла. Опять тасует. Это она знакомилась только. Смотрит, она карты тасует и шепчет, тасует и шепчет... вроде считает... Теперь уж я точно знаю, что считает. Обязательно нужно считать. Все по счету, все строго. Где там нашей Тамилке! А руки быстро-быстро мелькают: сначала карты рассыпались веером, но не все; а те, что в руке остались, легли по стопочкам, а те, что в веере, по мастям сложились, а с каждой стопочки по верхней карте и снова в руку... А мы все стали вокруг и так это, плотной стеной, чтоб в дверях, упаси боже, никто ничего не заметил, стоим мы, смотрим, разволновались... А в конце концов картина сложилась, все легло по своим законным местам, где полукругом, где елочкой.

Сцепила Екатерина пальцы и говорит: — Ну что же, радостью вы не богаты. Прямо на сердце у вас лежит нехорошая карта. А вот повсюду — в мыслях, мечтах, и в доме вашем, и в миру, — и она нам рукой показала, значит, где «в доме», а где «в миру», — везде трефа. Трефовый интерес? Короля трефового только не вижу. Интересно... Чего только в жизни не бывает. Что ж такое... как же так у нас получается?... А! Вот он где! — и потянула стопочку, как раз ту самую, что в стороне лежала, совсем как лишняя. — Это карты пустые. Где же он околачивается? — и на Тамилку смотрит. — Похоже, что принца этого... вообще и не было... Может такое быть, что вы скажете?

Тихо...

— Н-ну, если в самом переносном смысле... — отозвалась Тамилка. Но от смущения, что ли, прямо-таки не своим голосом, каким-то басом...

— Принимайте гадание в таком смысле, в каком вам легче.

И все, и пошла кутерьма!.. За неделю Катя погадала всем. Мы потом перешли на близких, на своих мужей, на детей даже, у кого они взрослые, а потом и опять на себя — по второму кругу... Катюша была безотказна!..

Это было чистое безумие. Иначе не назовешь. Но, правда, мы опомнились... Люди у нас вроде солидные. И как прошла неделя, мы все разом притормозили себя: что это мы?... Разобрались, уяснили все и отдышались на радостях. И теперь подходим к Кате только в случаях крайних, неотложных.

А потом такая история вышла, как в кино. Одна сотрудница — Голованова Нина — объявила бойкот. Уже с первого раза она отнеслась ко всему неодобрительно. А дальше — хуже. Соберемся гадать — и не смотрит в ту сторону демонстративно. Нахмурится, занимается делом. А между тем Катюша была бы ей так нужна, ну, позарез нужна для ее жизни!.. Жизнь у нее горькая: двух мальчишек растит, а мужа выгнала, и бабушек нет, значит, сама расти, свекровь, она что теперь?... Она не свекровь уже, одно

ехидство и критика, и матери нет, сирота, значит, как хочешь, крутись... А муж еще этот!.. Пьянчуга, службу бросил, ничего не дает на детей, и выгнан-то выгнан, а является... Но, к слову, если быть объективной, так Нина замуж по любви выходила, и он по любви. У нее лицо симпатичное, и она умная. И все у них хорошо было... А потом он запил. Чего запил, что ему было нужно?... Ну, и все. Теперь не поймешь: есть он, нет ли его... Нину не оставляет в покое и частенько навевается, когда пьяный, а когда и трезвый. Она приходит наутро и все рассказывает, что вот, мол, вчера являлся и говорил вот это, а делал вот то. Но, знаете, толком у нас никто не поймет, злится она или радуется, что он приходит...

И эта картежная кутерьма ее раздражала, она умная женщина, но недоверчивая, и в данном случае она посчитала, что все мы дурочки.

Но однажды — и что послужило причиной, никому не известно — подошла она в перерыве к окну (а подоконник у нас просто господский — дом старый, стены толстые, — и мы на нем гадать приспособились со всеми удобствами), растолкала женщин и сказала:

— Может, и мне погадаешь?

Смотрим на Катю, а она молчит. Молчит! Подозрительно долго. То ли гадать не хотела в обиду на Нину, то ли... нет, скорее всего именно это. Потом, видим, раскинула карты, но еще долго думала, молча и не глядя на Нину.

Наконец сказала:

— Планы у вас грандиозные. Ишь ты, какие планы. Душа у вас необузданная. Есть тут, пожалуй, и пустые планы. А есть непустые... Так вот. Подле вас томится трефовый король. Зовет вас к себе. А любви вашей я не вижу... Зовет он вас в дорогу дальнюю. Обещает почет и деньги. Только вы его... не допускаете... Вашей любви я не вижу. А он все равно всем сердцем при вас! С жалобой, со слезами. Вот слезы...

— Может быть, это мои слезы? — интересуется Нина.

— Нет. Его слезы. И его печаль.

— Что же это, мой муж?

— Как вам сказать? Марьяжный король. Может быть, и не муж. Марьяжный король. И с большим к вам интересом. Тут Нина только кивнула.

А мы!.. На Катю, на Нину — головами вертим, как курицы, едва успеваем: чудеса какие! И Катя не путала, это я точно знаю, да и ни в ком не возникло сомнений, а я лично стояла и думала: господи, если не Катя, так и не знали бы никогда!..

А закончила она так: победа, сердечная благодать и большие деньги от трефового короля. Вот так! И я за Нину была очень рада. А Нина вернулась к своему столу, уселась, и мне было лучше всех заметно (столы наши сдвинуты, Нина напротив), какое у нее было лицо, непроницаемое и спокойное. Никакой насмешки! Села, работает. А она ядовитая... Только минуту спустя подняла голову и сказала (вроде бы мне сказала):

— Знаю я, куда он зовет, в какую такую «дорогу дальнюю»... И «большие деньги» — это тоже понятие относительное. Может быть, алименты заплатит?.. Хоть за весну...

Конечно, предостаточно яду было в ее словах, но все равно я видела: ей не работается!.. Было ей над чем подумывать.

Села я в автобус после работы, а сама думаю вот про что. Почему это мой муж никогда не говорит мне, что он меня «любит»? А картам, оказывается, это известно. Может, он не бубновый король? Мать у моего мужа какая-то неясная... Вроде бы и бубновый. Только никакой «любви» от него я не видела. Просто муж. Нелюбви он тоже не обнаруживал. Муж у меня неплохой. Но вот чтобы любовь, такая, какую себе мыслишь, когда слушаешь Катю...

Тут кто-то сзади мне говорит:

— Женщина! Женщина с сумками! Садитесь. Что ж вы зеваете? Нет, вот пусть женщина сядет! Садитесь.

И какой-то мужчина в клетчатой рубашке загородил дорогу для всех остальных и меня пропустил. Я села.

— Спасибо, — говорю. И снизу глянула. Так, осторожно, чтоб только «спасибо» сказать. И рассмотреть не успела.

— Зачем женщины на себе столько еды тянут? — спрашивает он. — Неужели у вас такая большая семья?

— Да нет. Небольшая... — и смеюсь.

— Вас, наверное, кто-нибудь у автобуса встретит? Чтобы помочь?

— Нет, — и вздыхаю. — Никто не встретит.

— Ага! Это когда кушать, так где моя большая ложка. А как нести, так все страшно заняты. Так?

Я молчу, но хочется мне на него посмотреть еще раз, потому что мне показалось, что я его знаю... Но неловко. А он как раз ко мне наклоняется и говорит тихо:

— Мы с вами, кажется, встречались.

Ведь молодец же, почувал, наверное, что мне неловко, что я вообще церемонная женщина (а в наши дни это немодно, несовременно, но я вообще немодная), и эти слова сказал так тихо, как позаботился обо мне. И за это я ему очень по-свойски ответила:

— Мне тоже что-то такое кажется... Но вот вспомнить не в состоянии, — и тут я на него опять посмотрела. Но долго. При таких словах это было естественно.

— Пойдите! — говорит он. — Мы с вами однажды вместе в колхоз ездили. Было такое? Вспоминайте! На помидоры нас бросили. Я тогда во ВНИИСМе работал. А вы? Вы не работали во ВНИИСМе?

— Ну конечно! — обрадовалась я.

— У вас был красный сарафан! — смотрю, и он обрадовался.

— Был! — говорю.

— А где вы сейчас работаете? Куда вы сейчас попали?

— А мне сейчас выходить, — говорю я и встаю со своими сетками и сумками.

(Окончание на 35-й стр.)

*швы, бязи,
вышивалки...*

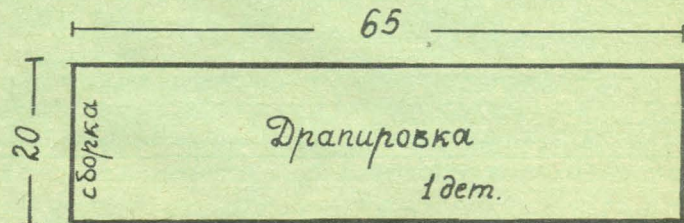
Вы прекрасно будете себя чувствовать в свободной блузе с юбкой или брюками, если

**ВЕЧЕРОМ
СТАНЕТ
ПРОХЛАДНЕЕ**

ком в форме прямоугольника. Его не прикрепляют к блузе, а носят свободно поверх нее.

Низ обработан притачным поясом, длина его соответствует объему бедер.

МОДЕЛЬ 3 — блуза из хлопчатобумажной ткани. Оригинальность, своеобразие придает ей вставка, выкроенная из другого материала: это может быть та же по фактуре ткань, но другого рисунка (к примеру, сочетание полосок различной конфигурации или сочетание ткани в полоску с такой

мод. 1

мод. 1

мод. 2

мод. 3

По предлагаемой выкройке можно сшить три блузы, которые будут смотреться по-разному благодаря разнообразию тканей и отделки.

МОДЕЛЬ 1, учитывая нарядный характер блузы, лучше выполнить из шелкового полотна с рисунком. Украшение блузы — драпировка, один конец которой собран в сборку и вшит в плечевой шов с левой стороны, а второй продет в петлю, вшитую в правый плечевой шов, и висит свободно.

Горловина обработана подкройной бейкой шириной 3 см. Не забудьте о припусках на швы: по 1 см у выреза горловины и по 2 см на боковые швы.

МОДЕЛЬ 2 шьют из более плотного полотна с воротни-

же тканью в горошек и т. д.) или другого цвета (в тон основной или контрастная), или ткань иной фактуры — более легкая, чем основная.

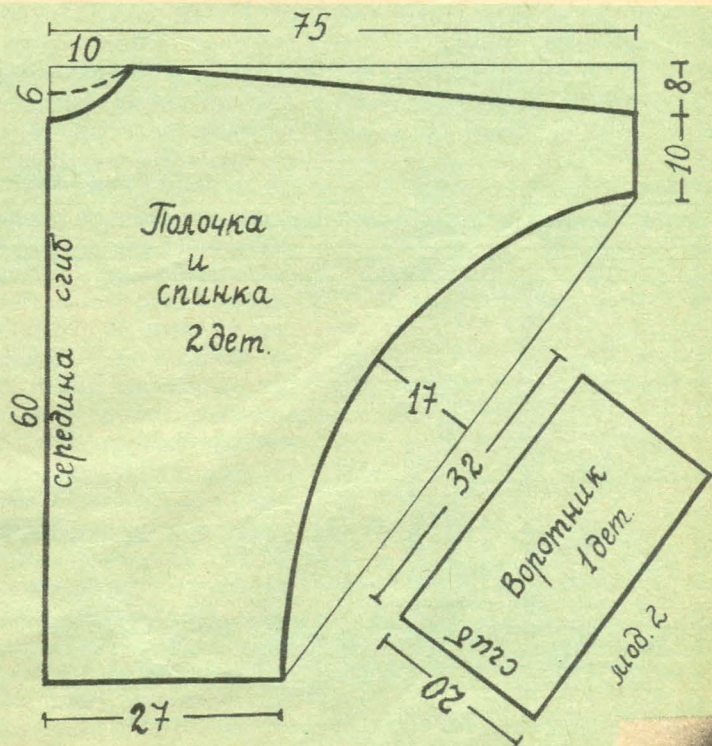
Разнообразными могут быть формы вставки — круглая, U-образная, каре и т. п.

Швы, соединяющие вставку с блузой, можно заделывать, закрыть тесьмой или бейкой.

Наша выкройка рассчитана на окружность груди 100—116 см, расход ткани — 1 м 20 см при ширине 1 м 40 см.

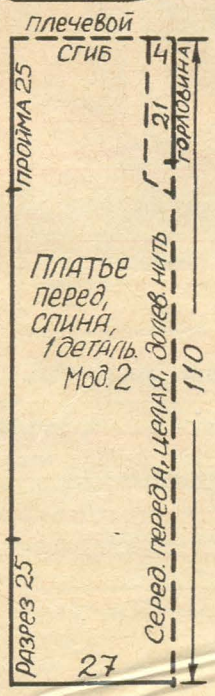
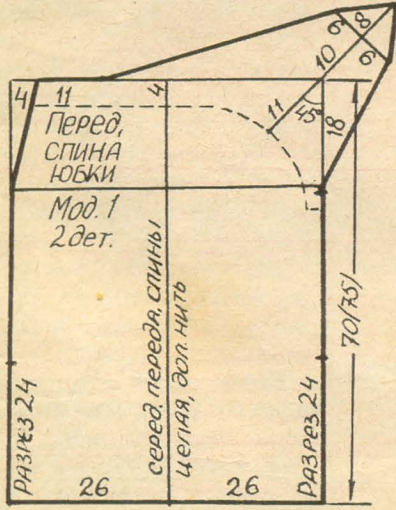
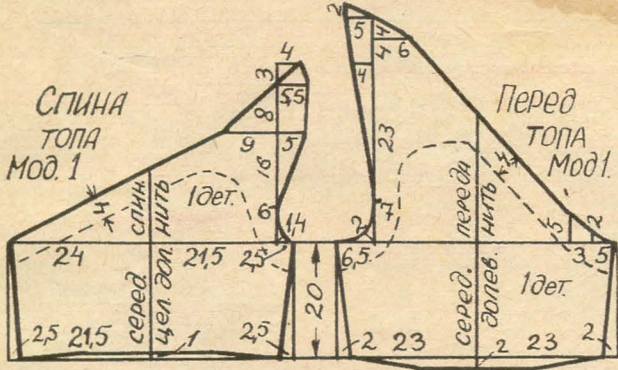
Перед и спинку кроят по одной выкройке, только вырез горловины на спинке располагается на 3 см выше.

Т. АНДРЕЕВА,
художник-модельер.

мод. 2

шьем, вяжем, вышиваем...

«СОЛИСТ» АНСАМБЛЯ — ПОЯС

Внешний облик женщины создается не только ее нарядом, но и в значительной степени дополнениями к нему: шарфом, сумочкой, украшениями... В нынешнем сезоне «солистом» в этом ансамбле дополнений выступает, безусловно, пояс.

Давайте попробуем «сочинить» его сами. Прежде всего решим, что мы хотим от будущего пояса: должен он быть универсальным, смотреться и с легким джемпером, и с демисезонным пальто? В этом

случае потребуется спокойный по цвету и фактуре материал, а также элементы конструкции, позволяющие изменять длину пояса, — классический ремень с пряжкой, шнуровка и т. п. Отделка к такому поясу должна быть сдержанной, неброской.

Вы задумали сделать пояс не похожим на все другие, уникальным? Тогда работа будет сложнее и по форме, и по отделке, да и сам костюм, который поясу предстоит украсить, должен создаваться с учетом этого.

Ну и, разумеется, нельзя не учитывать свой возраст, комплекцию, стиль, даже темперамент, если хотите. Вариантов множество: то очень широкий, стянутый в талии пояс слегка напо-

Если вы уже освоили обработку сквозной застежки, можно сделать на основе предлагаемого платья халат с застежкой от проймы на левом боку, для этого при раскрое придется только добавить по 8 см к левому боковому срезу.

Остаток ткани от ширины полотна (20—25 см ширины) можно обработать, как шарфик, и использовать вместо пояса (длина его будет 150 см, остальная часть уйдет на обтачки).

Чертежи к обоим предлагаемым моделям рассчитаны на размер 46, рост 170. Однако прямое платье может быть сшито на данной основе практически любого размера, достаточно сделать несложный расчет: половина ширины переда и спинки платья равняется обхвату бедер + 8 см, деленному на 4. К примеру, при обхвате бедер 110 см половина ширины спинки будет равна: $110 \text{ см} + 8 \text{ см} = 118 \text{ см}$; $118 \text{ см} : 4 = 29,5 \text{ см}$. Длина платья — по вашему желанию. Выкройка готова! Гля-

дя на наш чертеж, разметьте глубину горловины, проймы, длину разрезов внизу.

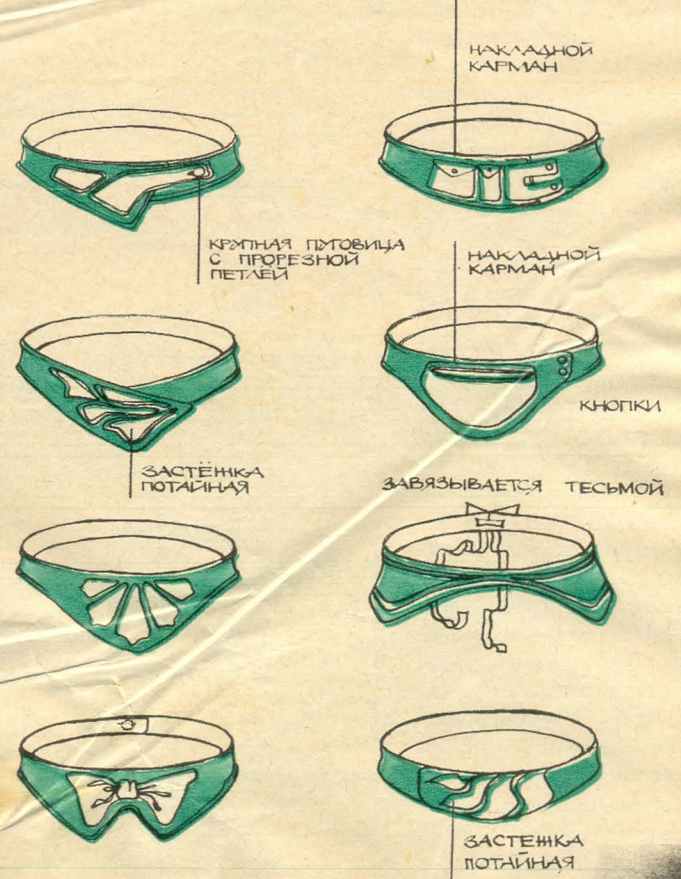
Одно замечание: если вы хотите сшить платье размера 56 и более, лучше на плечах заложить складки глубиной 3—4 см, чтобы заменить нагрудные вытачки, которые в модели размера 46 не предусмотрены.

Юбку модели I тоже можно увеличить на несколько размеров с помощью такого расчета: ширина одного полотнища юбки = обхвату бедер + 6 см, деленному на 2. Чем длиннее юбка, тем, естественно, глубже разрезы на боках.

Сшить топ большего размера сложнее, но его с успехом может заменить любая ваша блузка.

С. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ, художник-модельер. Чертежи и рисунки автора.

НЕКОТОРЫЕ ВАРИАНТЫ КОЖАНОГО ДЕКОРА

швы, бязи, вышивалки...

минает корсеты наших прабабушек, то связкой ремешков небрежно опускается на бедра; то узкий, шелковый выглядит неожиданно скромно, то разрастается до ширины офицерского ремня или драпируется по бедрам, как широкий шарф...

Соответственно и материалы, из которых можно сделать пояс, — от плотной кожи до тонкого шелка.

Модель, которую мы хотим вам предложить, несложна, но здесь у вас есть возможность следовать прихоти моды и своему собственному вкусу.

Итак, материал — любой, для начала лучше всего простая ткань, с которой вы уже умеете работать.

Из той кожи, что вы приготовили, распоров старые вещи и обработав пластины, подберите кусочки, гармонирующие по цвету с тканью: они понадобятся для отделки.

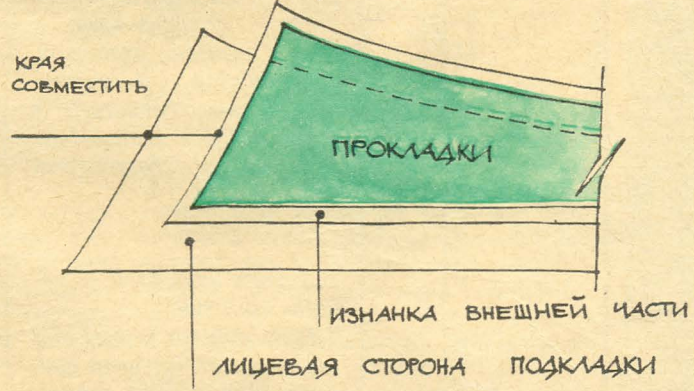
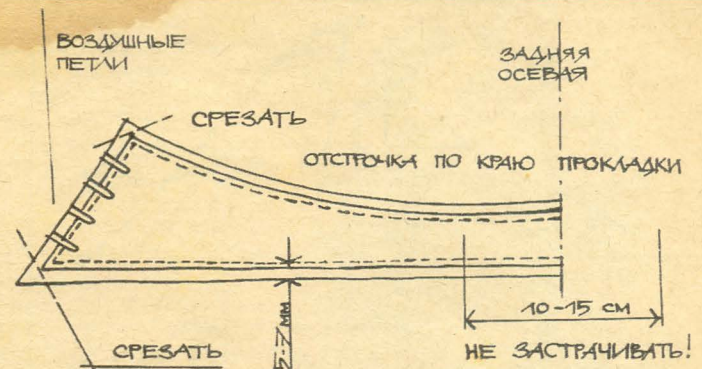
Пояс может быть с подкладкой — она делается, как для любой вещи, — а можно сделать его двусторонним.

Застежка — шнуровка или пуговицы, пришитые с обеих сторон, с навесными или прорезными петлями.

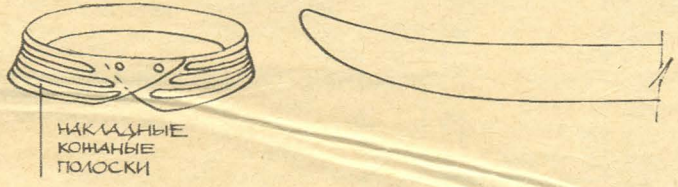
Выкройка простого пояса — это ровная лента нужной ширины и длины (с учетом запаха) со слегка скругленными уголками. Если же вы задумали очень широкий, фигурный пояс, то его лучше кроить по бумажному шаблону: полоску бумаги, немного шире, чем нужно для пояса, наколите булавками на себя поверх одежды так, как должен будет «сидеть» пояс. Мягким карандашом наметьте его контуры, а также центральные линии спереди и сзади. По намеченным линиям прорисуйте выкройку «шаблона», вырежь-

те, еще раз прикиньте на себя. Шаблон готов!

Выкроите по нему ткань, отстрочите пояс; срежьте припуски на швы в уголках, насколько это возможно; выверните пояс налицо через оставленное при отстрочке отверстие, особенно аккуратно выворачивайте угол-

СХЕМЫ ВЫКРОЕК ПОЯСОВ

ки, помогая себе при этом тупой спицей. Тщательно расправьте все швы и зашейте на руках непростроченный участок. Отутюжьте пояс через влажную ткань и прострочите вдоль края на расстоянии от него 5—10 мм.

Дополнительные прокладки можно сделать из бортовки, клеющейся ткани, обыкновенной клеенки.

Расположение застежки наметьте мелом или булавками, прикинув пояс на себя. Какой ей быть, решите сами: пуговицы, кнопки, крючки, пряжки, лента «рейпинк», тесемки... Застежка может сама служить украшением пояса, а может, уступив место деталям отделки, стать потайной.

Теперь отделка. Те элементы украшения, которые вы хотите сделать из кожи, вырежьте сначала из бумаги, приложите к поясу, уточните их форму, величину, расположение. Это может быть одна крупная, выразительная по форме деталь или целая серия мелких, составляющих определенный рисунок.

Кожу выбирайте не слишком тонкую, можно использовать несколько цветов. Срезы должны быть ровными, чистыми.

Прежде чем пристрочить кожаные детали к поясу, «посадите» их на резиновый клей, чтобы не сместились во время работы. Пристрачивайте их простым швом, отступив от края на 1—2 мм. Швы должны быть безупречными!

М. ИГНАШЕВА,
М. УТКИНА,

дизайнеры по костюму.
Чертежи и рисунки авторов.

В большой моде у молодежи и на этот сезон — разнообразные повязки на голову.

МОДНАЯ НОВИНКА В ДУХЕ РЕТРО

Но недаром говорит половица, что новое — это хорошо забытое старое... Посмотрите на старинные портреты, перелистайте книги по истории русского костюма: какой выбор повязок, лент, венков, кокошников, обручей из ткани — знаменитых старинных «начальников»? Девушки делали их по своему вкусу и возможностям, чаще всего из ярких тканей, как бы мы теперь сказали — декоративных: из парчи, бархата, позумента, тесьмы... Зачастую вышитая или перевитая шерстяными, золотыми нитями основа повязки дополнялась бисером, бле-

стками, пуговицами, перышками, вставками камней и стекла, нашитыми блестками.

Все это в моде и сегодня — выбирайте! Можно использовать для повязки и трикотаж, искусственную кожу, замшу; чередуйте

их с вязаными полосами; украсьте бусинами, заколками, пряжками. Фантазии — полный простор!

Для тех же, кто не сразу решится дать фантазии волю, предлагаем несколько вариантов.

Перевитая жгутом полоска ткани собирается

с одной стороны декоративным бантом, его можно украсить брошью, бисерной нитью или вышивкой. Если ткань трикотажная, то примите в расчет, что она в носке растягивается.

Полоска поролона или другого объемного материала обтянута трикотажем, сбоку нашиты бусины или пуговицы, обтянутые кожей.

В трикотажный поясok, длиной в 2—3 объема голо-

вы, продета широкая резинка в обхват головы. Повязку можно прострочить, растянув резинку. Концы сшиты потайным швом, края спрятаны внутрь.

Сеточка, связанная крючком. В процессе вязки на нитки нанизаны бусины.

Полоска кожи с параллельными поперечными

надрезами, в которые продета более тонкая полоска яркой ткани. Повязку до-

полняет небольшая кисточка из меха. Кстати говоря, эффектно выглядит повязка из простой кожи, украшенной сбоку брошкой.

Косичка из тонких кожаных полосок, или из руликов декоративных тканей, или из толстых шерстяных ниток, посередине — кожаный круг с бусиной в центре.

С. КОЛОСОВА

ЭТО ОПАСНОЕ СОЛНЦЕ

Как приятно погреться на солнышке, подставить его лучам лицо, руки, спину! Но не спешите: если вам за тридцать, летний загар может принести не только удовольствие...

Загар, например, «высвечивает», делает особенно заметными все дефекты кожи лица. Взгляните, пожалуйста, в зеркало: сразу стали видны морщинки в углах глаз. Увы, это первый признак старения кожи, которое

начинается уже с 30 лет, и прежде всего кожи лица, шеи, рук. Почему именно здесь? Да потому, что эти участки кожи открыты «всем ветрам» и жаркому летнему солнцу, которое сушит кожу, обезвоживает, снижает ее эластичность. Отсюда — ранние морщины, мешки под глазами, двойной подбородок...

А ведь всех этих печальных перемен можно избежать! Придется только немного потрудиться.

Прежде всего откажем себе в удовольствии «позагорать лицом», даже укурем лицо

и шею от яркого солнца козырьком, шляпой с полями, «козырьком».

Вы, наверное, и сами замечали, что мыло сильно сушит кожу, поэтому на летние месяцы умывание с мылом лучше заменить протиранием лица лосьоном или жидким кремом.

Сухая кожа летом сильно нуждается в питании. После того как вы очистите лицо лосьоном или жидким кремом, нанесите на него питательный крем «Аленушка», «Восторг», «Ромашка», «Нектар» — их лучше чередовать, так как кожа имеет

свойство привыкать к определенному крему, и тогда он дает меньший эффект. Для жирной кожи хороши кремы «Идеал», «Лель».

Крем нужно нанести довольно густым слоем на 1—2 минуты, а затем излишек удалить ватным тампоном, проводя им по направлению от середины подбородка — к мочкам ушей, от уголков рта — к середине ушных раковин, от крыльев носа и от середины лба — к височным впадинам.

Если кожа стала дряблой, то перед

тем, как наносить на лицо крем, полезно сделать горячий травяной компресс из ромашки, липового цвета, подорожника, хмеля, мяты или смеси их. Высушенные травы заваривают кипятком (столовую ложку сбора на стакан воды), настаивают, процеживают. В горячем отваре смачивают полотняную тряпочку, слегка отжимают и прикладывают к лицу. Остынет — снова окуните в горячий отвар, отожмите и сделайте новый компресс. Процедуру повторяйте в течение 5—8 минут.

Н. ИСТОМИНА,
главный врач Московского
НИИ косметологии
Минздрава РСФСР.

ВОЗРАСТ... И ШЕЯ

Шея в первую очередь выдает возраст женщины, а между тем о ней-то мы частенько забываем позаботиться! Пяти минут будет достаточно, чтобы «подпитать» кожу на шее, помочь ей сохранить эластичность, упругость.

Небольшое количество растительного масла налейте в плоское блюдечко и подогрейте. Кисточкой или ватным тампоном нанесите теплое масло на шею, а затем оберните ее сложенной четверо мягкой хлопчатобумажной тканью, закрепив для удобства бинтом или просто косынкой. Держать полчаса — в это время вы можете заняться каким-либо домашним делом. Когда снимете, кожа будет мягкой, податливой, масло и стирать не придется: разогретая кожа впитает его, как губка.

Эту несложную процедуру нужно повторять по вечерам, предварительно чисто вымыв шею, в течение 3—4 недель.

Б. ВЫДМУХОВА

Перевод с польского.

КАК СВАРИТЬ СУП «ПО- НАУЧНОМУ»?

Вопрос как будто бы странный, но отнюдь не праздный, в чем вы убедитесь, прочитав статью доктора технических наук, руководителя лаборатории Института питания АМН СССР, профессора И. М. СКУРИХИНА.

Сразу оговорюсь: под умением в данном случае подразумеваются не кулинарные таланты хозяйки, а знание ею основных правил обработки продуктов с тем, чтобы они максимально сохранили витамины, питательные вещества, не потеряв в то же время своих вкусовых качеств.

...Вы очень спешите и потому положили мясо для бульона в кипящую воду? Напрасно: самое ценное в бульоне — экстрактивные вещества, которыми богат мясной навар, а они лучше сохраняются, если мясо поместить в холодную воду, довести до кипения и варить на слабом огне. Не стоит отнимать у бульона полезные качества, которых в нем и так-то немного: ведь, чтобы избежать неприятного привкуса, нам приходится снимать образующуюся пену, а она-то и богата более ценными белками! В результате в обычной порции бульона содержится всего 6—10 ккал (в одном кусочке сахара их 29!). Вот почему, если хотят иметь более питательное, сытное и полезное блюдо, бульон заправляют овощами, крупами. Свекду, лук, морковь кладут минут за 30—40 до окончания варки, картофель, крупы — за 15—20 минут, специи — за 5—10 минут, свежую зелень — только чтобы хорошо прокипела.

А вот мясо, овощи для вторых блюд как раз нужно варить сразу в кипятке! При этом, если мясо заморожено, ему необходимо дать оттаять самопроизвольно и только затем тщательно вымыть и варить. Замороженную

рыбу и овощи варят, наоборот, не размораживая. Воды требуется взять ровно столько, чтобы покрыла продукты. Еще больше пищевой ценности в продуктах, сваренных на пару или припущенных. На пару чаще готовят блюда из мяса, рыбы, картофеля, дружатся главным образом овощи: нарезав кубиками или дольками, их укладывают в сковороду или кастрюлю слоем не более 5 см, добавляют немного воды или бульона, 20—30 г жира на 1 кг овощей, закрывают крышкой и так варят 15—20 минут. При этом жидкость превращается в пар и варка, по существу, происходит «в пару». При таких способах обработки продукты лучше сохраняют пищевые вещества, в них меньше образуется химических и механических раздражителей, поэтому их часто используют в лечебном питании.

Растительные продукты лучше варить так, чтобы не пришлось сливать отвар: в этом случае потери белков, жиров, уг-

леводов, витаминов возрастают в 2—3 раза, минеральных веществ — в 5—10 раз!

леводов, витаминов возрастают в 2—3 раза, минеральных веществ — в 5—10 раз!

Варка мяса, рыбы также ведет к большому потере ценных веществ, поэтому образовавшиеся отвары целесообразно использовать для приготовления соусов, подлив, супов.

Чем дольше варится продукт, тем, понятно, больше вываривается из него полезных веществ, витаминов. Как избежать этого? Варить под давлением (в скороварке) или измельчить продукт, чтобы варился быстрее. Но при этом из-за увеличения поверхности усиливается извлечение пищевых веществ, поэтому измельчать продукты надо не слишком сильно. Овощи лучше варить в кожуре, предварительно тщательно вымыв их щеточкой, или на пару — потери будут небольшими.

Жарятся продукты быстрее, чем варятся, поэтому потери ценных веществ при жарении продуктов меньше. Значит ли это, что мясо, скажем, предпочтительнее всегда жарить? Нет. Дело в том, что части мясных туш, содержащие большое количество соединительнотканых белков — мы с вами обычно называем их жилами, — требуют очень длительной тепловой обработки, и жарить их не рекомендуется.

Потери пищевых веществ при жарке мелкими кусочками почти в 2 раза меньше, чем если жарить крупный кусок. Нужно хорошо нагреть масло или жир на сковороде, тогда на продуктах сразу образуется как бы защитная пленка, она будет препятствовать выделению сока, блюдо получится более сочным и питательным. Не менее важен выбор жира для жарки. Чаще всего он обусловлен рецептурой, но, если есть возможность выбора, рекомендую учесть: сливочное масло из-за новы-

шенного содержания в нем белков быстро подгорает и чахнет; а вот топленое, растительное масло и кулинарные жиры почти не содержат белков и потому не горят на сковороде. Только повторно использовать их для жарки, как и сливочное масло, не нужно: образуются нежелательные продукты окисления жиров. Если хотите приготовить мясо с тонкой корочкой, которая не повредит пищеварению, — жарьте его на масле с небольшим добавлением воды (ее надо налить на холодную сковородку). Этот же эффект при жарке рыбы даст предварительная панировка ее в муке или сухарях.

Солить и рыбу, и мясо следует только перед концом жарки, так как соль способствует выделению сока, а с ним — ценных питательных веществ.

Рис. А. МАРТЫНОВА.

...В июне день долгий, светлый, у нас точно времени прибавилось. Так давайте-ка не поленимся и попотчует домашних вкусными **ВАРЕНИКАМИ**.

СОВЕТЫ
МАРИИ ИВАНОВНЫ

СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО — ВАРЕНИКИ ЛЕПИТЬ!

Есть их хорошо, да лепить — дело небystрое, хлопотное. Тут уж пусть все домашние помогут.

Хотя вообще-то я не сторонница, чтобы мужа стpяпней занимались. А вот вареники — исключение. У меня к этому случаю для мужа и фартук имеется. Облачимся и принимаемся дружно за дело.

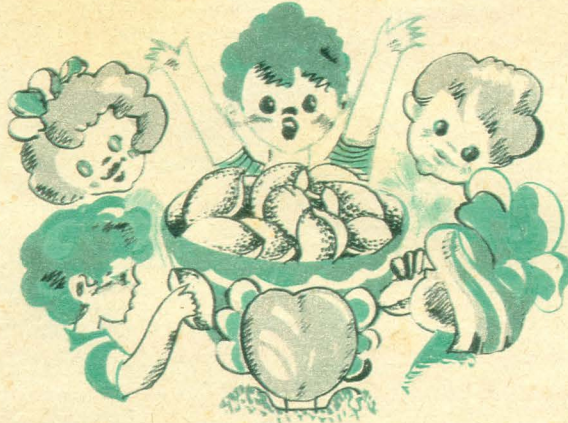
ТЕСТО

Замесить тесто несложно: оно примерно такое же, как для домашней лапши. Насыпаю на доску горкой 2 стакана просеянной муки, сверху делаю углубление, вводя разбиваю 2 яйца, вливаю полстакана молока или воды, кладу с треть чайной ложечки соли и замешиваю крутое тесто. Дальше придется силу приложить: нужно как следует вымесить его, да покруче, а потом раскатать тонкими-претонкими пластами (чем тоньше тесто и больше начинки, тем вареники вкуснее!). Чтобы крутое тесто тоньше раскатывалось, его надо с полчаса подержать в холодном месте. И потом, когда раскатывать да лепить начнете, не держите все тесто на доске: отделите кусок на один пласт, а остальное — на холод, пока его очередь не дойдет.

Из готового пласта вырезаем кружочки, смазываем их взбитым белком и кладем на каждый начинку. Кружочки зашпильваем.

Варят вареники перед тем, как подавать на стол: опускают на 6—8 минут в слабо подсоленную кипящую воду. Как всплывут — вынимают шумовкой, пода-

отожмте, если очень пере-кисла — промойте холодной водой, порубите помельче, обжарьте в жире, добавьте отдельно обжаренный лук и тушите под крышкой до готовности. Когда снимете с огня, заправьте по вкусу солью и сахаром. На Украине в капустную начинку добавляют еще томат-пасту.

ют на блюде горячими, с распущенным маслом и сметаной.

Теперь о том, как готовить

НАЧИНКИ

Самая известная — **ТВОРОЖНАЯ**. Пропускаю через мясорубку с полкилограмма творога, добавляю яйцо, 3 столовые ложки сахара, ложку растопленного масла, половину чайной ложечки соли, очень тщательно перемешиваю.

А самая вкусная, на мой взгляд, — **КАРТОФЕЛЬНАЯ**. Очищенную картошку варю, подсушиваю на слабом огне, тут же, в горячем виде, пропускаю через мясорубку и заправляю поджаренным отдельно репчатый луком с маслом. Можно добавить черный молотый перец — он особую остроту придает. Готовые вареники при подаче на стол можно посыпать обжаренным луком.

Осталась у вас еще квашеная капуста? Тогда приготовьте вареники с **КАПУСТНОЙ** начинкой. Капусту

Картофель, капусту для начинки вареников можно сдобрить грибами: сушеные грибы разваривают или хорошо вымачивают, промывают через мясорубку или просто режут ножом на очень мелкие дольки, обжаривают в жире и добавляют в начинку. Из грибного отвара можно приготовить подливку к вареникам.

Делают вареники и с **МЯСОМ**. Похожи на пельмени? Однако есть и отличие: фарш готовят из отваренного мяса, а лук обжаривают на жире, масле.

Но «короли» среди вареников, это уж точно, вареники с **ВИШНЕЙ**. Она уже вот-вот пойдет, и вы сами сможете убедиться, как это вкусно.

Вишню тщательно моем, вынимаем косточки, откидываем на сито, чтобы стек сок, посыпаем сахаром (на 500 г вишен — 10 столовых ложек) и картофельным крахмалом (2—3 столовые ложки). В сок добавляем сахар, подаем к готовым вареникам вместо подливки.

СЛАДКОЕЖКАМ

советую обратить внимание на грядку, где растет ревеня. Его толстые, мясистые черешки уже в мае поспевают.

Самое время наварить **ВАРЕНЬЯ ИЗ РЕВЕНЯ**: очистить черешки от кожицы, нарезать кусочками, промыть, бросить на минуту в кипящую воду, тут же охладить в холодной, залить сиропом и варить в два приема. На килограмм черешков — полтора килограмма сахарного песка и 4 стакана воды.

Мальши любят **КОМПОТ ИЗ РЕВЕНЯ**: черешки подготавливаем так же, как для варенья, кипятим 5—7 минут, добавляем сахар и варим до мягкости. На килограмм черешков — полтора литра воды и полтора стакана сахарного песка.

Если мягкие черешки из компота протереть через сито, а отвар заправить картофельным крахмалом, получится **КИСЕЛЬ ИЗ РЕВЕНЯ**.

Один недостаток у этого вкусного и очень полезного для желудка овоща: ревеня не имеет аромата, поэтому сладким блюдам из него не повредит добавление ванильного порошка, цедры или дольки лимона, молотой корицы.

Необыкновенно вкусны **ПИРОГИ С РЕВЕНЕМ**. Фарш готовят так: подготовленные черешки тушат под крышкой с сахаром, пока вся влага не выпарится. Как остынет — начиняйте пирог во весь противень, или маленькие пирожки, или булочки-плюшки, дрожжевые, сдобные или пресные — что вам по душе.

Приятного аппетита!

Ваша
МАРИЯ ИВАНОВНА

Рис. Е. НОВИКОВОЙ

ИЗ ОБЫЧНОГО ШАРФА

Трудно представить себе по-настоящему современную одежду, если в ней нет детали, дополняющей ее.

Посмотрите, пожалуйста, на рисунки: с помощью обычного шарфа вы сможете разнообразить свой наряд.

Вместо шарфа можно взять просто полоску ткани из натурального шелка (крепдешина, шифона) или из синтетического волокна. Длину прикиньте, обвив шею сантиметром, как бы сделав из сантиметра «шарф» нужного размера. Ширина — от 25 до 40 сантиметров (чем тоньше ткань, тем шире нужно сделать полоску). К сожалению, ширина натуральных шелков недостаточна для нарядного шарфа, его придется выкроить по длине полотна, а купить ткань в этом случае надо с необходимым запасом.

Как обработать края? Густым зигзагом, или самой узкой подрубочкой на машинке обычной строчкой, или

скавав край руликом, потайными стежками на руках.

Концы шарфа заделывают: если ткань густая и не осыпается, можно закончить их бахромой (1—1,5 см), если более редкая — концы слегка скашивают (один край делают на 4—5 см длиннее другого) и об-

рабатывают как обычно. Вариантов использования такого шарфа множество, се-

теперь без них вы и не представляете свой наряд — все дело в привычке!

Возможно, первое время вам придется немного последить за своим шарфом, испробовать несколько вариантов, поправить его то так, то этак. — нестрашно: ведь неприметно «охорашиваться» — знак женственности...

Вообще посмотрите на эту слегка капризную деталь как на средство, которое поможет вам по-новому ощутить себя в привычном костюме — более изящной, более раскованной. Чем романтичнее и искуснее дополнение к одежде, тем мягче, доброжелательнее, приятнее лицо, глаза, тон разговора.

Уход за декоративным шарфом несложен: синтетические ткани совсем просты в носке, а изделия из натурального шелка можно выстирать в специальном порошке или хорошем мыле, затем, не просушивая, расправить и завернуть в полотенце на несколько минут и тут же гладить — шарф будет гладким и упругим.

В следующий раз мы поговорим о том, кому какого цвета шарф пойдет больше, как завязать его к тому или иному костюму...

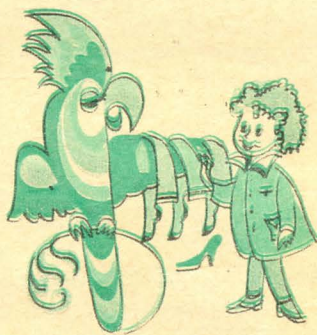
Е. ПАНУЛИ,
художник.

ЧУЛКИ В ЦВЕТ ТУФЕЛЬ

«Сейчас модно, чтобы чулки или колготки были одного цвета с обувью. Но в продаже они бывают в основном только серые или бежевые. Можно ли перекрасить их?

Марина СТЕПАНОВА,
г. Гагарин».

Покрасить чулки и колготки можно в любой цвет. Для этого нужно воспользоваться красителями для полиамидных

волокон. Красители в широком ассортименте выпускаются нашей промышленностью и продаются в магазинах хозяйственных товаров или бытовой химии. Пользоваться этими красителями надо так, как указано на этикетке.

Если же вы не смогли купить в магазине таких красителей, можно, конечно, воспользоваться и домашними средствами. Так, коричневую окраску дает крепкий чай или отвар ольховых сережек, густо-золотой — отвар луковой шелухи. С помощью чернил черного, синего, зеленого, красного цветов можно окрасить изделия в соответствующие цвета. Однако предупредим сразу: такая окраска будет непрочной, чулки будут линять не только от стирки, но и от дождя, влаги. Немного поможет делу, если вы при кипячении добавите в раствор 2—3 ложки поваренной соли — она способствует за-

креплению красителя, а при полоскании вольете в тазик 2—3 ложки уксуса.

Способ домашней окраски обычный: положить изделие в холодный раствор, довести до кипения, кипятить 3—5 минут, оставить так, пока раствор совсем не остынет, затем тщательно прополоскать и высушить. Следите только, чтобы раствор был однородный: если делаете его из луковой шелухи, ольховых сережек и т. п., предварительно проварите их, дайте остыть, процедите через марлю, чтобы ни малейшая частица не попала в раствор, иначе окраска будет неровная.

Т. АЛЕКСЕЕВА

КТО ВАС ЛЮБИЛ...

(Окончание.
Начало на 33-й стр.)

— Давайте сюда ваши сумки,— говорит мне мой знакомый и забирает их у меня.— Я тоже сейчас выхожу. Я вообще-то выхожу чуть дальше, но сегодня мне нужно к часовому мастеру зайти, здесь, у вас на площади.

Вот мы и вышли вместе. Иду я к себе домой, а рядом со мной идет мой знакомый и несет мои сумки. Он посмотрел на сетку, отодвинул ее от себя, а руку вытянул так торжественно, будто всей улице хотел показать мою сетку, а в ней лежали два арбуза и груши. Посмотрел он, вздохнул и сказал мне:

— Эх, если бы меня так кормили!

— Так что бы? — смеюсь я, а сама слушаю, как я смеюсь.

— Не знаю «что бы», — и он тоже смеется.— Но я б встречал вас на остановке. Это уж точно.

— Это вы так все говорите! В самом начале. А потом...

— Нет... Есть такие, что и «потом» тоже.

Я очень близко живу от остановки, поэтому наш разговор двумя шутками и исчерпался.

— Спасибо вам,— говорю.— Я уже дома. До свидания.

— Ну, что же...— сказал он медлительно.— До свидания. Мы с вами, может быть, еще встретимся... еще разок... эдак лет через пятнадцать — двадцать. Мы тогда с вами совсем старичками будем. И если вы меня узнаете первой, а я вас не смогу узнать, так вы мне про красный сарафан скажите. Я тогда сразу все вспомню!..

— Хорошо,— говорю.— Скажу.

И все, и ушла в парадное, и рассталась со своим знакомым...

Дома мне как-то весь вечер тошно было, как-то уж особенно тошно. И вместе с тем что-то хорошее было в моей тоске... И, странное дело, разболелось сердце... А от чего, трудно сказать. Много всякого смутного поднялось у меня в душе, задвигалось, заняло. «Славный какой! — подумала я.— Я ведь к нему спиной стояла. Отреагировал на женщину с сетками!»

И тут я мгновенно все и вспомнила!.. Сидят какие-то люди, заморенные, полурядзетые, сидят на ящиках и болтают. Солнце жжет... Ботва пересохла, колко ногам... А я подхожу со стороны. Они перекусывают, ситро открыли... Пристесь мне некуда... Я стою и смотрю. И вдруг кто-то с дальнего ящика вскочил и тянет руки... А я не хочу, я стала отказываться и отмахиваться! И он, заупрямившись, руками командует... Ну, до того же ясно я это увидела! Те две руки потащили меня, я уж сдалась, и усадили на ящик...

...Утром я только сумку поставила и к Кате сразу же:

— Катя-солнышко! Так мне нужно, чтобы ты погадала! Я на очереди буду первой, имей в виду...

— Была у тебя большая любовь,— сказала мне Катя, как начался перерыв.— Большая любовь, на всю жизнь... Разлука легла между вами. Но всем своим сердцем он и сейчас с тобой. А вот разлучила вас бубновая дама. Но только ей от этого никакого счастья не выпало...

Я только спросила:

— Какой король, Катя?..

— Да все бубновый. Все бубновый ложится к тебе с любовью.

— А свидание, Катя? Есть там свидание?..

— Свидания не вижу. Но зато любовь — со всех сторон. Вот смотри... — и она стала пальцем тыкать в разные карты.

Весь вечер, как во сне, ходила. Ничего не вижу и мужа не вижу. Только за ужином, когда он мне сказал, что я сонная муха, я ответила:

— А вот ты знаешь, Костя, что я — трефовая дама?

— Что? — говорит. Не перестал ведь жевать, но все-таки несколько насторожился.

— Ничего,— отвечаю.— Мне гадали на картах. Так вот, по картам — я трефовая дама.

— Где это тебе гадали?..

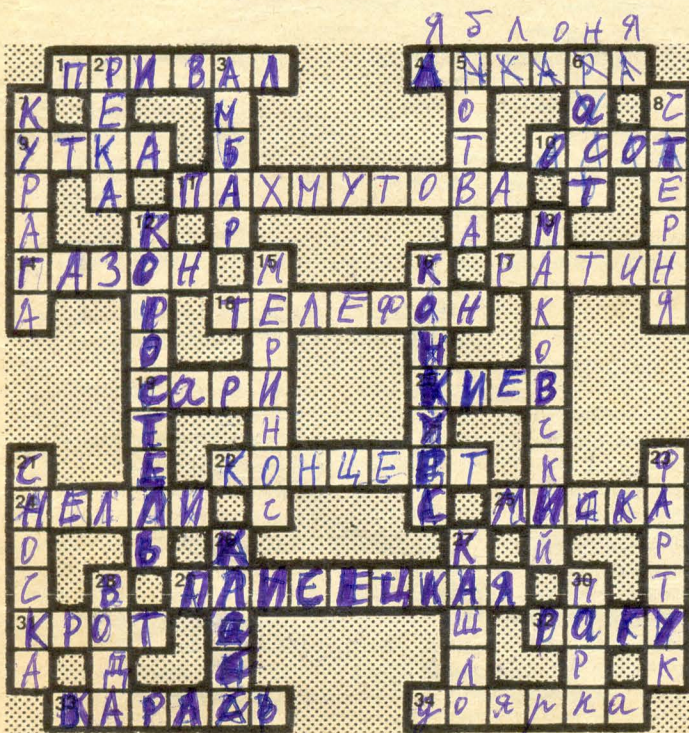
— На работе. Одна женщина на работе.

— Когда вас разгонят? Я все жду, когда вас разгонят, — и застонал, он умеет.

— Да не в этом дело!.. — хотелось мне сказать ему.— Не в этом... — но передумала.

Рис. Е. ФЛЕРОВОЙ.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Остановка в пути для отдыха. 4. Фруктовое дерево. 9. Водоплавающая птица. 10. Род многолетних трав и полукустарников семейства сложноцветных. 11. Советский композитор, автор вокального цикла «Созвездие Гагарина». 14. Участок земли со специально созданным травянистым покровом. 17. Плотная мягкая шерстяная ткань. 18. Вид связи. 19. Женская одежда в Индии. 20. Городегерой. 22. Публичное исполнение музыкальных произведений, эстрадных, драматических и других номеров по заранее составленной программе. 24. Женское имя. 25. Посуда. 29. Советская балерина, народная артистка СССР. 31. Млекопитающее из отряда насекомоядных, живущее под землей. 32. Блюдо из мелко нарезанных тушеных кусочков мяса, рыбы или овощей с приправой. 33. Пресноводная рыба. 34. Женщина-животновод.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Водный поток в естественном русле. 3. Зернохранилище. 5. Надземная растительная масса корнеклубнеплодов. 6. Твердая корка на снегу после оттепели. 7. Сушеные абрикосы без косточек. 8. Нижняя часть стеблей зерновых культур, оставшаяся на корню после уборки урожая. 12. Птица семейства пастушковых. 13. Русский живописец-передвижник, автор картины «Дети, бегущие от грозы». 15. Порода тонкорунных овец. 16. Вид соревнований. 21. Дополнительный текст, расположенный внизу страницы, отдельно от основного. 23. Передник. 26. Помещение для учебных занятий. 27. Декоративная ваза, в которую ставят цветочный горшок. 28. Жидкость без цвета, запаха и вкуса. 30. Большой сад или роща с дорожками для прогулок, цветниками и площадками для игр.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 5.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Ягель. 6. Рыльце. 7. Декрет. 9. Пуговица. 10. Румянова. 12. Панно. 14. Финик. 15. Кагул. 16. Слово. 19. Облаг. 21. Акула. 24. Ятрышник. 25. Прополка. 26. Контур. 27. Есенин. 28. Камыш.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Половник. 3. «Гренада». 4. Ледерин. 5. Бердянский. 6. Реглан. 8. Творог. 9. Профессия. 11. Амальгама. 12. Пачка. 13. Ольга. 17. Оберек. 18. Орошение. 19. Осипенко. 20. Руслан. 22. Кокарда. 23. Лаптевы.

МНЕНИЕ
ХУДОЖНИКА-
МОДЕЛЬЕРА

КАКУЮ МОДУ

Мы познакомилась в правлении колхоза. Эти девушки, члены комитета комсомола, должны были организовать нашу встречу с молодежью села. Вечером, после дискотеки. Самое удобное время, чтобы поговорить о моде, о культуре одежды.

До чего ж они были хороши, все трое! Блестящие, здоровые волосы, свежая красота лица, открытые улыбки... И как поразному проявлялось их женское обаяние! Тоня — с быстрым говором, легкая, стремительная, от встречи с ней сразу поднялось настроение. Аня — невысокая, полноватая, писаной красавицей ее, может, и не назовешь, но такая ладная в каждом жесте и столько мягкости было в ее взгляде, что еще долго после разговора с ней оставалось ощущение теплоты, покоя и доброты. Или Светлана — высокая, с неярким лицом, как будто чуть вялая и медлительная. Но именно эта замедленность, грациозность в движениях как-то настраивали на восприятие всего такого же нежного и хрупкого вокруг — тонкого рисунка ветвей, прозрачных красок начинающейся весны...

Вечером, увидев их на дискотеке, я оторопела. Кто из них Аня, Света, Тоня? Как будто зарябило в глазах: они вдруг стали выглядеть одним размноженным типажом. Фигуры утонули в ворохе одежды, оказавшейся жакетами с пудовыми подплечниками и присобранными на талии брюками. На лицах не осталось живого места от туши, пудры, румян. И в довершение — одинаково «лохматые» прически. Это были совсем другие люди. Те девушки, с которыми я познакомилась днем, были естественны и поэтичны. С новым же обликом моих знакомых связывалось все самое примитивное, односложное: небольшой запас слов, простейший круг мыслей, нехитрый набор движений «танца роботов» — брейка. (В старину сказали бы, что в них появилась вульгарность.) Были на дискотеке и другие девушки, одетые и накрашенные по такому же образцу. Они держались уверенно, хозяйками, но мне показалось, что парни их робели.

— Вам нравится, как выглядит ваша дочь? — спросила я у матери одной из девушек.

— Что вы! Как это может нравиться? Но разве нас слушают? Твердят: «модно»...

Модно ли? Конечно, и расширенные плечи, и слегка увеличенный объем костюма, и чуть разлетающиеся волосы — действительно знаки современной моды. Они помогают подчеркнуть спортивность, раскованность, какую-то независимость облика. Однако все это возможно лишь «чуть-чуть» и слегка. Но почему же вот такие карика-

турные преувеличения нескольких знаков моды выдаются за моду? И какая мода ввела этот уравнивающий все лица театральный грим — начерченные глаза, клоунские кружки румян на щеках?

Я поинтересовалась у девушек, на чем они строят свои представления о моде.

— Журналы мод попадают к нам редко, — сказали они. — Так что о моде узнаем по телевизору...

Да, пожалуй, телевидение можно рассматривать и как живой журнал мод. К культуре одежды здесь относятся серьезно. Талантливые художники помогают дикторам найти свой образ. Тщательно, с глубоким чувством меры продумана связь одежды, прически, косметики с внешностью актера, с характером передачи. Если внимательно «читать» эти образы на экране, можно пройти целую школу вкуса. Но здесь и в помине нет тех преувеличений, которыми грешил облик наших девушек!

— Понимаете, — сказала Тоня, — хочется чего-то более молодежного... Вот эстрада — это да! Там самое-самое...

Все стало понятным. Наши девушки в поисках модного облика вдохновлялись эстрадой. А эстрада — это почти всегда преувеличение, обострение. Грим — так чтоб был виден с последних рядов, костюм — самый экстравагантный, прическа — самая причудливая. Эффектность, броскость — закон эстрады. Особенно в последнее время, когда стали приняты концерты — парады звезд, где каждый актер должен выделиться и чем-то поразить, чтоб не потеряться, чтоб запомниться.

Но одно дело — сцена, другое — вечер в небольшом клубе. Сплошная маска из косметики актеру позволяет обозначить лицо в свете прожекторов, на фоне яркого убранства сцены. А в клубе такая маска делает девушку неестественной и крикливой.

Эстрада... Расширенные плечи — так вдвое шире естественных, брюки — так совсем в обтяжку или в гармошке складок от обилия ткани. Популярная певица в мужском пиджаке, надетом прямо на трико, в неистовом макияже, певец в малиновом комбинезоне и зеленых туфлях, его волосам придан умышленно немый вид. Эффектность, броскость, резкость воздействия на чувства становятся здесь критериями красоты. Таких зрительных образов все больше, глаз привыкает к ним, как к норме... И вот уже молоденькая продавщица раймага выходит утром на работу в сверкающих серьгах и с такими же блестящими на веках, какие вчера были на лице ее экранной «кумирши». При этом, есте-

Мы копируем

ственно, она копирует не весь стиль жизни этого человека, а только самые звездные ее мгновения, не задумываясь о том, что «в жизни» актриса часто выглядит незаметнее многих.

Человек всегда вредит себе, если подражает чему-либо, не соответствующему его сути, его жизни, его внутреннему миру, характеру и темпераменту. И не такое уж невинное занятие — примерять к себе чужой образ. Этот ложный для нас образ диктует то или иное (тоже ложное) отношение к нам, в какой-то мере, как это ни громко звучит, определяет нашу судьбу. «Костюм — это форма, а форма всегда влияет на наши поступки», — сказал поэт.

Совсем не случайна традиция строгой школьной формы — темное платье и белый воротничок дают ощущение сосредоточенности и порядка. А на народных гуляньях был обычай выворачивать полушубок овчиной наверх — человек на это время освобождался от норм поведения, которые укреплялись привычной одеждой.

Вот и нашим девушкам из калужского села захотелось, так сказать, нарядиться «овчиной наверх». И не раз в году, как это было на гуляньях, а в каждую субботу и в каждый выход «на люди». Только от каких норм поведения они освобождались?

Видела по зарубежному телевидению рядовой гала-концерт для молодежи. На сцене сменяли друг друга рок-группы в фантастических, один нелепее другого, нарядах: юноша в накидке из замахришей рыбачьей сети и в короне из перьев, другой — в леопардовой шкуре, третий — в заплатах и с головы до ног увешан металлическими бляшками и шипами. Шокировать, поразить, ударить по привычному восприятию, разрушить...

За абсурдными образцами далеко ходить не надо, достаточно, например, скопировать облик самой эксцентричной части молодежи — панков. Панки — упущенные, несчастливые дети: они страдают от глубокого внутреннего одиночества, от неприятия общества, где много лжи и лишь видимость отношений, но только тем и могут выразить свой протест, что рисуют на лице пейзаж, выбирают полосу на голове, а то и всадят в колено булавку. Эти неблагополучные подростки с ранними невротами, не получившие в детстве нравственной опеки, от беды пришли к такой абсурдной форме выражения. И вот они-то вдруг стали главными вдохновителями эстрады и моды и выносятся средствами массовой информации как образец для подражания. Понятно, что эти мотивы незадолго до того, как появиться на экранах, прослеживают-

ся и в коллекциях различных домов моделей, связанных со швейными фирмами. И именно популярным певцам, любимцам публики, кумирам молодежи эти дома наперегонки предлагают свои произведения. Происходит всех устраивающий обмен: мы вам даем модель, вы нам — рекламу.

Дела в мире моды неоднозначны. Можно даже сказать, что сейчас в мире существуют две моды. Одна — основанная на гуманном принципе, обращенная к личности, укрепляющая ее достоинство, и другая — разрушающая его. А первоначальный толчок этому процессу раздвоения дал, как ни странно, как раз демократический поворот в моде.

Еще лет пятнадцать тому назад у человека было только две возможности одеваться — по новой моде или по старой. По несколько лет в моде царствовал один типаж, один «идеал» женщины, которому все должны были подражать. (Вспомним тип женщины-подростка «Твигги» — прутик, принесший мини-моду и заставивший даже женщин в возрасте укорачивать подолы.)

Мода была одна. Она приходила на смену старой и перечеркивала весь накопленный до нее гардероб.

Сегодняшняя мода в качестве образца для подражания предлагает не какой-то определенный тип внешности, а просто современного человека. В моде личность. Конкретнее — образованный, информированный, деятельный, увлеченный своим делом, спортивный, подвижный, раскованный человек. Доброжелательный, расположенный к другим. (В костюме, а тем более во всем облике и это легко читается.)

Поэтому мода предложила сразу множество образов и стилей, чтобы каждый мог выбрать себе самый близкий. Чтобы никто не подделывался под кого-то, не чувствовал себя ущемленным от несоответствия господствующему идеалу красоты, чтобы блондинки не затмили брюнеток, молодые не считались ценнее зрелых, чтоб хрупкие и коренастые одинаково умели радоваться себе.

Каждый тип внешности стал равноценным, и в этом — гуманная миссия современной моды, большое культурное завоевание наших дней.

Так что же, мода стала отрицать себя? Пожалуй. Сегодня в нашем распоряжении весь богатый арсенал накопленной модой в течение многих десятилетий, а народным костюмом — и столетий. Поэтому каждый, найдя свой стиль, может создать себе постоянный гардероб.

Устойчивость? Но как же теперь выжить индустрии моды, которая всегда стояла на том, что мода постоянно менялась, и каждый ее виток приносил огромные прибыли? Ведь при помощи рекламы, кино, того же телевидения обслуживаемая талантливыми художниками, дизайнерами, психологами, западная индустрия моды манипулировала массовым сознанием так, что надеть вещь без знака «этого сезона» считалось зазорным, нездоровым. А что же теперь? Теперь она тоже ведет борьбу за существование при помощи той же рекламы, только еще более активно и изощренно. Тоскуя по былому влиянию, модная индустрия выбрасывает на рынок все новые и новые образцы, эта новизна все острее... Зрелый человек их не воспринимает? Не беда, можно взяться за молодежь. Она более внушаема, более падка на новизну. Обработать, подготовить, внушить... Опытные психологи помогут выявить слабые струны потребителя. Ставка на инстинкты — беспроигрышный вариант. Девушка хочет успеха? Попробуйте новый облик, он вызывает внимание мужчин. Образ «женщина — живая игрушка» или же «no problems» — «никаких проблем». Легкая фигурка в чем-то кричаще-ярком. Шапка мелких кудряшек, намекающих на интеллект овечки, наивно распахнутые глаза в ореоле загнутых ресниц, густо накрашенные (чем полнее, тем лучше) губы. Такой макияж прямо оберегает лицо от малейшего намека на духовность.

А вот образ посерьезнее, на отлов добычи покрупнее. Хотите захватить мужскую душу? Прекрасно срабатывает загадочность и неприступность облика. Родается образ роковой женщины-вамп: жесткий прищур глаз, темный, яркий рот, властный жест. Костюм — широкие воинственные плечи, глухие, закрытые формы жакетов и плащей; все в ней — недобрая тайна, загадка и сила.

Хорошо действует на дремлющие якобы в каждом мужчине инстинкты «дикого зверя» образ «дьяволицы» — развевающая черная грива спутанных волос, густые брови, чувственный рот, расхристанная одежда...

Но и эти образы покажутся золотым веком элегантности на фоне сменяющих их более новых.

«Главное — ошеломить!» — заявляет свое художественное кредо один владелец Дома моды, сам модельер. Его облик — реклама этого девиза: перманент, на цветастой сорочке — множество шнурков и цепочек с пестрым набором брелочков. Нетрудно догадаться, что ошеломить легче всего снятием запретов со всего, что негласно находится под моральной цензурой общества: костюм, делающий человека смешным, а также несущий черты людей с различными психическими патологиями, асоциальных и т. п.

Пролистаем западные журналы мод. Вот угрюмая женщина в мужском плаще и шляпе — не хватает лишь кольца в руки, чтобы довершить образ гангстера. Вот девушка с нелепой разрисовкой лица зеленым и фиолетовым. Или женоподобный мужчина с косметикой и в карнавальной одежде, с клипсой в ухе, а рядом — жутковатая женщина с мужским «ежиком» и выбритым

затылком, только по юбке и определишь ее пол...

И самое печальное, что образы эти в журнале выглядят привлекательно — их облагородило искусство первоклассных художников, работавших над ними. Отталкивающая наркоман, однако, трансформируя его образ в художественный для журнала мод, художник умиляется паклей спутанных волос, игрой желтого и фиолетового в лице, заплатками и лохмотьями. На полных правах с другими сложился даже «нищенский» стиль... Но надеть «образный» костюм — это всегда значит и частично войти в сам образ.

Здесь уместно вспомнить одну философскую пантомиму. Человек шел и на дороге увидел маску. Надел ее и, натешившись вдоволь, захотел снять. Но увы! Маска уже приросла к лицу...

Привычка иметь постоянно что-то новое на себе чрезвычайно стойкая, и она может быть успешно выпестована. Внушение — великая сила... Но западный житель, надо сказать, чрезвычайно закаленный ко всем видам рекламы, не хочет окантоваться простаком — мало ли что кому надо продать! Стоит только вспомнить современную зарубежную хронику: горожане на улицах, студенты — и следа нет от того маскарада, что развернулся на страницах журналов. Везде обычно одетые люди, лица без утрировки, да и косметики не так уж много.

Интересно, что в тех же самых журналах мод несколько страниц отведено светской хронике: «сливки» общества на раутах и приемах. Подрисовок, кричащего грима нет и в помине. Каждое лицо буквально «обласкано» осторожной косметикой, чтобы оно стало просто интереснее, выразительнее. Много классической одежды. Сплошные любезные улыбки... Здесь явно считают дурным тоном примитивные «маски», пропагандируемые для ширпотреба.

Тем более удивительно, когда такие маски появляются в коллекциях отечественных модельеров. И почему, показывая модели для молодежи, манекенщицы ходят с непроницаемым, отрешенно-надменным видом, с таким слоем косметики на лицах, что иначе, как маской, их не назовешь?

«Мода маскарада», транспортируемая через журналы мод, часто расценивается нашими художниками как «последнее слово». Но это все та же реклама, не проверенная реальной жизнью тех, кто ведет такую же трудовую жизнь, как и мы.

— Все правильно, — сказала Светлана в конце нашей дискуссии, когда после дискотеки в клубе мы вели спор о моде. — Все правильно, но только вот в чем вопрос: если я не накрашусь, меня не заметят!

И это, пожалуй, был самый весомый аргумент в нашем споре. Действительно, как, не прибегая к скандальным преувеличениям, стать заметной, выделиться, сделать так, чтоб тебя увидели? Об этом и поговорим в следующей беседе в одном из ближайших номеров.

Елена ЕЛЕНИКОВА,
художник-модельер.
Фото Е. Матвеева и В. Стецко.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

6·87

КРЕСТЬЯНКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»
ОСНОВАН В ИЮНЕ 1922 ГОДА

Главный редактор
Г. В. СЕМЕНОВА

Редакционная коллегия:

И. П. АЛЕКСАНДРОВ,
Н. И. ГОРШКОВА,
Е. Г. ГРИГОРЬЕВ,
Р. Ф. КАЗАКОВА,
А. В. КУПРИЯНОВА
(ответственный секретарь),

А. А. ПИМЕНОВА,
М. Б. РЫЖИКОВ,
Л. Ф. СЕРГИЕНКО
(заместитель главного редактора),
И. Г. УШАЧЕВ,
Л. И. ШВЕЦОВА.

Главный художник
В. В. ФЕДОРОВ.
Художественный редактор
Е. Г. Новикова.
Над оформлением номера
работала **Т. А. Новрузова.**

Присланные рукописи, фотографии и рисунки редакция не возвращает.

Адрес редакции: 101460, Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, 14. Телефоны для справок: 212-20-79, 212-12-39.

Сдано в набор 13.04.87. Подписано к печати 30.04.87. А 00367. Формат бумаги 60 × 90¹/₈. Глубокая печать. Усл. п. л. 6,00. Уч.-изд. л. 8,56. Усл. кр.-отт. 21,00. Тираж 17 510 000 экз. (1 — 13 789 561 экз.). Изд. № 1496. Зак. № 554.

Во всех случаях обнаружения полиграфического брака редакция просит обращаться в типографию, печатающую журнал.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

На первой странице обложки фото **Б. ЗАДВИЛЯ.**

Индекс 70446. Цена номера 25 копеек.

СВЕТ ОТЕЧЕСТВА

М. В. Нестеров
«Девушка
у пруда»
(фрагмент).
1923 г.

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. В. НЕСТЕРОВА

«На этом портрете мне девятнадцать лет. Папа писал меня на даче. Портрет вышел поразительно похож. Сам отец был доволен работой, говорил, что вышло свежо, нарядно. Когда А. М. Горький увидел «Девушку у пруда» на выставке, сказал: «О каждой нестеровской девушке думалось: она в конце концов уйдет в монастырь. А вот этой дорога в жизнь, только в жизнь». Алексей Максимович очень просил меня уступить ему картину, но я не смогла с ней расстаться. Портрет всегда был со мной. Он дорог мне, как воспоминание о юности, но, главное, конечно, как память об отце — большом русском и советском художнике, прожившем, как он говаривал, всю жизнь с кистью в руках...»

Н. М. НЕСТЕРОВА